

МАРТ | 2022

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

РУССКАЯ «ОДИССЕЯ» В НИКУДА

Как Н.В. Гоголь писал поэму
«Мертвые души»

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.
РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.
РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.
РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

www.russkiymir.ru

НЕСТИСЬ КАК ПОЭМА

МЫ СЧИТАЕМ ТЕКСТ ПРО ИСТОРИЮ СОЗДАНИЯ ВЕЛИЧАЙШЕГО произведения Николая Васильевича Гоголя «Мертвые души» главным в этом номере. Почему? По многим причинам, и в основном потому, что это произведение – бессмертное, к нему можно обращаться всякий раз, когда речь идет о поворотных моментах русской истории. Мы сейчас, кажется, такой и переживаем.

Пытаясь снова и снова понять, куда в очередной раз несется птица-тройка, великая Русь, – и в который раз не получать точного ответа. Ибо цель тут – ничто, ну, или мечта, до которой все равно не доскакать. А вот это вот «нестись» – практически всё.

Просто вдумайтесь в эти слова Сергея Аксакова, которому Гоголь читал свое произведение: «Слова самого Гоголя утверждают меня в том мнении, что он начал писать «Мертвые души» как любопытный и забавный анекдот; что только впоследствии он узнал, говоря его словами, «на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначащий сюжет», что впоследствии, мало-помалу, составилось это колоссальное создание, наполнившееся болезненными явлениями нашей общественной

жизни; что впоследствии почувствовал он необходимость исхода из этого страшного собрища человеческих уродов, необходимость – примирения». Перечитайте эту книгу снова. И вы в который раз согласитесь, что это – именно поэма. ●

ИНТЕРВЬЮ
06 Память деревя

ИСТОРИЯ

12 Двоеверие
Руси

18 Дедушка
русского флота

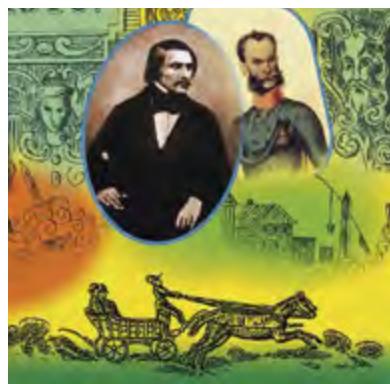

26 Трезвый повар
или одинокая
кухарка

32 Властители
прииртышских
степей

НАСЛЕДИЕ

40 «Труд мой велик»

46 Мианический
романтик

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

56 Фантастическая женщина

ТРАДИЦИИ

62 На языке
глины

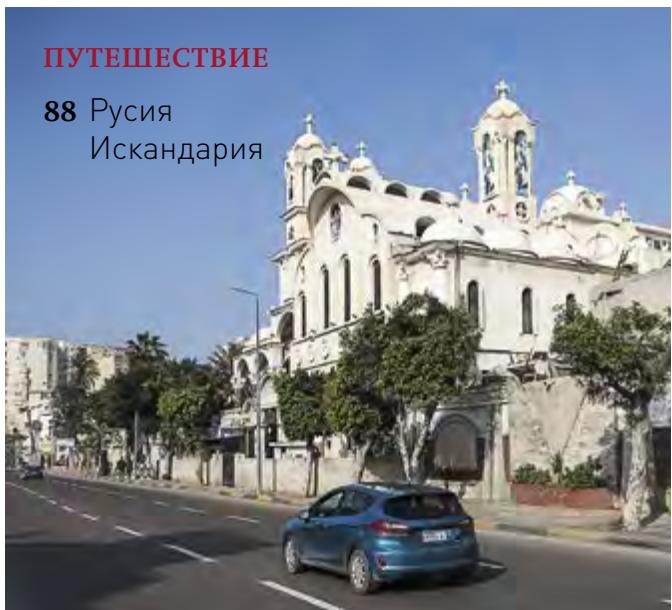
МУЗЕИ

72 Бессмертный бас

ПУТЕШЕСТВИЕ

88 Россия
Искандария

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор **Елена МЕЩЕРСКАЯ**

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Мария БАШМАКОВА
Александр БУРЫЙ
Даниил ВЕДЕРНИКОВ
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Елена МАЧУЛЬСКАЯ
Зоя МОЗАЛЁВА
Андрей СЕМАШКО
Денис ХРУСТАЛЁВ
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2 Телефон:
(495) 519-01-88
Сайт журнала:
<https://rusmir.media>
Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.
Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

КРАВЦОВ С.С.
Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.
Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.
Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.
Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.
Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам, председатель правления Фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.
Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОГДАНОВ С.И.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена»

КОРТАВА Т.В.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

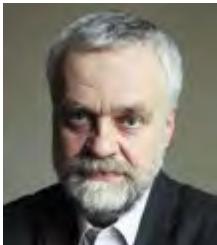

ОСАДЧИЙ М.А.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

ШЕВЦОВ П.А.
Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

					
ТОЛСТОЙ В.И. Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда	ВАРЛАМОВ А.Н. Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»	ВАСИЛЬЕВА О.Ю. Председатель попечительского совета федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования»	ВЕРШИНИН С.В. Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации	ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.) Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата	КРОПАЧЕВ Н.М. Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
					
МАСЛОВ И.В. Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами	НАРОЧНИЦКАЯ Н.А. Президент Фонда изучения исторической перспективы	НЕВЕРОВ И.С. Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике	НИКОНОВ В.А. Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам	ПИОТРОВСКИЙ М.Б. Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»	ПРИМАКОВ Е.А. Руководитель Россотрудничества
					
САДОВНИЧИЙ В.А. Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»	СИМОНЬЯН М.С. Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»	ТОРКУНОВ А.В. Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»	ФИЛАТОВ А.Е. Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству		

ПАМЯТЬ ДЕРЕВА

БЕСЕДОВАЛА

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ТЫСЯЧИ ДЕРЕВЯННЫХ ХРАМОВ УКРАШАЛИ ДО 1917 ГОДА РУССКИЙ СЕВЕР, СЕГОДНЯ ИХ СОХРАНИЛОСЬ ОКОЛО 600. ЧТОБЫ ОСТАНОВИТЬ ИХ РАЗРУШЕНИЕ, НУЖНЫ НЕ ТОЛЬКО ДЕНЬГИ И ВОЛЯ ГОСУДАРСТВА. НУЖНЫ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ УМЕЮТ РАБОТАТЬ С ДЕРЕВОМ, ПОНИМАЮТ И ЧУВСТВУЮТ ЭТУ МАТЕРИАЛ, ЗНАЮТ АРХИТЕКТУРНУЮ ЛОГИКУ БРЕВЕНЧАТЫХ КОНСТРУКЦИЙ. ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ АРХИТЕКТОРОВ-РЕСТАВРАТОРОВ, НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК НИИ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ, ДИРЕКТОР АВТОНОМНОЙ НЕКОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЕ И РЕСТАВРАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА «ТРАДИЦИЯ» АНДРЕЙ БОДЭ, ПРИ УЧАСТИИ КОТОРОГО ВОССТАНОВЛЕН НЕ ОДИН ДЕСЯТОК ЧАСОВЕН И ЦЕРКВЕЙ В КАРЕЛИИ И АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ, РАССКАЗЫВАЕТ, ЧТО СЕГОДНЯ ПРОИСХОДИТ С ПАМЯТНИКАМИ РУССКОГО ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА.

«...»

СЛИ САНИ ДЕЛАТЬ –
нужна береза. Дуги для саней – из черемухи: гнется
и прочная. Саны завязывать – только ивой. Грабли – из березы. А если огород надо городить – то кол вересовый, можжевеловый. Вересовый кол, связка еловая, осиновая жердь – и человеческий век простоят огорода». Так рассказывали о дереве северорусские мастера, умевшие различать тонкие оберттоны материала: нюансы пластичности, пределы прочности, оттенки цвета, смыслы рисунка годичных колец. Тем интереснее понять, как обустраивали собственное пространство люди с многовековым опытом работы с деревом.

– *Начнем с истории. Как возникло особое культурное явление – русское деревянное зодчество?*
 – Деревянная архитектура воплощает истинно национальную культуру. В отечественном каменном зодчестве были сильны влияния иностранных школ. Но деревянное зодчество, как и древнерусская икона, не имеет аналогов в мире. Своим возникновением оно обязано богатым лесам, которыми славилась Русь. Лес можно было заготавливать почти неограниченно и быстро обрабатывать. Это было удобно, поэтому веками приоритет в строительстве отдавали дереву. Деревянным было все: мостовые на улицах, набережные, мосты, крепостные стены, храмы, избы, хозяйствственные и подсобные сооружения, приказные палаты. В XVII–XVIII веках русские города всё еще почти сплошь деревянные. Просто в Центральной России до наших дней дожили единицы образцов деревянного зодчества. А на

Русском Севере сохранились сотни подобных строений, поэтому мы и обращаем туда взгляд, когда хотим увидеть архитектурную старину.

– *Какими особенностями обладала русская деревянная архитектура?*

– В России плотницкое мастерство достигло высочайшего уровня. В разных странах есть относительно небольшие исторические срубные постройки, преимущественно там возводили конструкции на основе каркасов. И только в России храм высо-той 50 метров умели сложить из цельных бревен, не используя внутренних опор.

Столетиями все, что мы сейчас называем пиломатериалами – доски, бруски, – делалось ручным инструментом. Выгесывать эти архитектурные элементы было трудно, поэтому наши предки старались упростить работу и все, что можно, делали из цельного бревна. Полы настилали половинами бревен, потолок нередко накатывался из бревен без поддержи-вающих балок – поэтому он и назывался «накатом». Еще одна особенность: русский сруб был сродни каменной кладке. В плотницкой традиции Центральной Европы бревна просто кладли друг на друга, забивая оставшиеся щели соломой и глиной. А в русских избах и храмах каждое бревно глубоко врубалось в другое. Такой способ строительства приближал русский сруб к монолиту. Это помогало удерживать тепло, придавало постройкам особую прочность.

– *Поговорим о типологии деревянного зодчества. Самой массовой архитектурной формой были избы. Они строились в огромном количестве и по-*

стоянно обновлялись, поскольку жилые постройки и чаще горели, и быстрее разрушались.

— Традиционная архитектура предельно рациональна. Все типы жилища и хозяйственных построек рождались из необходимости, из потребности приспособиться к внешним условиям. На Севере жилые и подсобные помещения были собраны под одной крышей — так зимой удобнее прокормить семью — и стояли свободно. А среднерусская, поволжская, сибирская крестьянская усадьба представляла собой небольшую избу с несколькими хозяйственными постройками и внутренним двориком, спрятанными за высоким забором с тяжелыми воротами. Дом превращался в небольшую

крепость, видимо, обитателям чаще приходилось защищаться от опасности, не то что северянам, отгороженным от набегов и войн непроходимыми болотами и лесами.

Общие типы деревянной жилой архитектуры на всей территории Русского Севера схожи. И все же в каждом регионе дом обретал свои особенности. Там, где занимались охотой и рыболовством, хозяйственная часть построек небольшая — у поморов, которые ходили на промыслы, не было просторных подсобных помещений, постройки располагались компактнее, архитектура была скуче. А в домах земледельческих регионов — Каргополя, Вологодской области, южной Карелии — существовала вместительная хозяйственная часть. В отличие от небольших среднерусских домов на Русском Севере строили дома просторные, которые в зависимости от формы назывались «брус», «глаголь» или «кошель». Это огромные по нынешним меркам строительные объекты. Сегодня редкий хозяин на селе может позволить себе такой размах. А северорусские зажиточные крестьяне до революции — могли.

Городское деревянное жилище нам почти незнакомо. Оно давно исчезло. Сохранившиеся крупицы деревянной городской застройки XVIII века это, как правило, дома ремесленников, торговцев, лавочников. Как и в современных мегаполисах, экономия дорогостоящую землю, они были компактны и почти никогда не имели хозяйственных дворов.

— Как формировалась сакральная деревянная архитектура Русского Севера?

— Первые храмы в этих краях появились вместе с колонизировавшими их христианами-новгородцами, в XI–XIV веках. Все эти столетия старые деревянные храмы неизбежно испытывали на себе разрушительное действие времени и заменялись новыми. Чем ближе к столицам они располагались, тем чаще происходили замены и тем сильнее архитектурный стиль этих сооружений претерпевал изменения под влиянием новомодных веяний. И только далеко на окраине страны, в глухих северных лесах, в XVIII–XIX веках в целом продолжали строить так же, как и в XVI–XVII столетиях. Настолько эта архитектура была укоренена в местном образе жизни, настолько естественна для нее, что людям не приходило в голову что-то менять. Только в XIX веке северорусская деревянная архитектура начала испытывать влияния западноевропейских стилей, уже давно «цитируемых» каменной архитектурой Центральной России.

Храмы Русского Севера очень разные: от маленьких, похожих на избушки церквушек до величественных, уходящих под небеса башен. Отличаются они и своей архитектурой. В основе одних клеть — четырехстенный сруб под двухскатной крышей. Есть шатровые храмы — двухэтажные, с подклетью, украшенные главками. Красота деревянных церквей — тоже особое русское явление. Для европейцев-христиан, особенно протестантов,

деревянная церковь прежде всего дом молитвы. Функция ее утилитарна. В православии, напротив, здание церкви – объект внешнего поклонения. Видит путник вдали возвышающийся посреди равнины или на высоком речном берегу храм, перекрестится на него, помолится и продолжит путь. В русской архитектуре распространены высотные храмы. Они строгие и достаточно сложные в строительстве – даже сейчас непросто построить деревянную конструкцию высотой 50 метров. А раньше едва ли не в каждой северной деревне стояли такие храмы. Значит, были у крестьянской общины средства на них, да и плотницкое мастерство позволяло местной артели справиться с подобной работой.

– Деревянные храмы разбросаны по огромной территории Русского Севера. Были ли в их архитектуре региональные различия?

– Освоенная новгородцами территория Северной Руси изначально была связана с Новгородом единственным путем, шедшим из этого города на Печору. Поэтому и архитектура региона была примерно одинаковой, она находилась под новгородским влиянием, брала за основу одни и те же образцы. Самые старые северорусские деревянные храмы в целом похожи друг на друга. А вот с XVI века Север начинает тяготеть к Москве, и в XVII веке мы имеем совсем другую архитектуру.

Расселение в этих краях шло по рекам, именно по ним прокладывали основные пути. Поэтому исторически сложившиеся регионы Русского Севера это озерная Карелия, район Онежского озера, поселения вдоль больших северорусских рек – Онеги, Северной Двины, Пинеги, Мезени, Печоры. И когда в XVI веке единный новгородский путь распался, у каждого северного края сложился свой путь на Москву. Эти веерные связи создавали различия в интерпретации московских архитектурных образцов. Поэтому сегодня, например, мы видим уникальное переиначивание московских традиций в Кижах. Такое многоглавие было характерно для Карелии, просто из похожих храмов до нашего времени дожили только Кижи.

По Онеге любили строить так называемые кубоватые храмы, когда высокий четверик дополняло еще и сомкнутое четырехскатное покрытие, а поверх него стояли пять луковичных глав. Аналогов подобной архитектуры нет нигде в мире. Вероятно, когда-то такие храмы строили в Москве, вот и дошли до нас их северные отголоски.

Характерная особенность Северной Двины – восемьмигранные храмы, напоминающие сторожевые башни, где явно чувствуется влияние оборонного зодчества. Дальше к востоку, на Пинеге и Мезени, были популярны храмы, завершавшиеся шатрами на крещатых бочках, увенчанных пятью главами.

Сложная плотницкая конструкция, но на Пинеге и Мезени ее любили.

Такого разнообразия форм деревянной архитектуры, которое сложилось на Севере Руси в XVII веке, мы больше не найдем. А в XVIII веке создаются настоящие архитектурные шедевры. Например, храмы в Анхимове, Кижах, Кондопоге, Типиницах, Турчасове, Подпорожье, Нёноксе огромные, они говорили и об экономическом богатстве Севера, и о силе его архитектурной традиции.

Сегодня самый высокий из сохранившихся в России деревянных храмов стоит в деревне Пияла на реке Онеге. Он поднимается в небо на 44 метра, а ведь это обычный приходской храм. И когда в летописях мы вдруг обнаруживаем упоминание о городских деревянных храмах, которые в переводе на современные размеры достигают 75 метров, нам кажется это невозможным. Но почему, если даже деревенский храм мог уходить в высоту на 40 метров?

— *Храмы и северные дома несомненные памятники деревянной архитектуры. Но могут ли быть интересны не столь выразительные на первый взгляд постройки – амбары, гумна, бани?*

— Мы не знаем, как выглядели дома, в которых жили наши предки в XI, даже в XV веках. Но в архитектуре бани, считают исследователи, сохранились отголоски самой древней жилой архитектуры. Есть теория, что со временем отжившие архитектурные формы переходят в менее значимые сооружения. В «черной» бане можно увидеть сохранившиеся до наших дней особенности прототипа – плоские потолки накатом, открытый очаг, маленькие окошки.

Амбары в разных северных регионах тоже разные. Были огромные общественные амбары, магазеи – здоровенные срубы, разделенные под склады на ячейки. До сих пор сохранились так называемые «оборонные» амбары, которые были снабжены башенками, выступающими над дверьми козырьками. В случае опасности в них можно было отсидеться как в небольшой крепости.

— *Когда стало понятно, что и храмы, и дома, и даже амбары – памятники архитектуры, нуждающиеся в охране?*

— «Памятник деревянного зодчества» – современное понятие. Еще в XIX веке даже храмы XVII столетия не воспринимали как памятники. К ним относились утилитарно. Храм был ценен как место молитвы, и, когда деревянное строение стнивало, крестьянская община заменяла его новым. Но уже до революции российские искусствоведы и архитекторы заметили, что из церквей Русского Севера уходят подлинность, самобытность. Их перестраивали, прятали под вошедшими в моду обшивками, металлическими кровлями. Именно с этого момента в России начинают создаваться государственные органы по охране архитектурного наследия. Однако всерьез реставрировать памятники

деревянного зодчества начали только в середине XX века – после Великой Отечественной войны. Как бы странно это ни звучало, но именно послевоенные десятилетия стали золотым веком русской реставрации. Война привела к катастрофическим разрушениям, огромным культурным потерям. Надо было, насколько можно, возрождать утраченное. И все 1950–1970-е годы действовал огромный государственный заказ на реставрацию. А раз есть заказ – возникают и квалифицированные кадры, и крупные институты.

Выдающиеся образцы деревянной архитектуры, как правило, находились в регионах, мало затронутых войной. На фоне гигантских разрушений памятников каменного зодчества они пострадали незначительно. Однако на волне развернувшихся реставрационных работ в Центральной России, в Новгороде, Пскове, Ленинграде массовая реставрация затронула и Русский Север. Над восстановлением деревянных церквей работали патриархи российской реставрации – Александр Викторович Ополовников, Леонид Егорович Красноречьев, Владимир Анатольевич Крохин.

Позже к реставрации стали относиться более вольно, многое изымали из аутентичных мест, перевозили в «музеи под открытым небом». В деревнях эти сооружения были мало кому нужны. Казалось, под присмотром специалистов им обеспечат достойный уход. Тогда было создано много музеев деревянного зодчества – Кизи, Малые Корелы, Витославлицы. Музеи меньшего размаха появились почти во всех областях. Специалисты проводили серьезные реставрационные работы, возвращая перевезенным зданиям аутентичный облик.

— *Вы обратили внимание и на второй тревожный процесс – разрушаться стали не только наиболее ценные памятники деревянной архитектуры. В какой-то момент гибель храмов стала массовой, на грани исчезновения оказалось русское деревянное зодчество как явление культуры.*

— Первым переломным рубежом в судьбе деревянных храмов Русского Севера стал 1917 год. Они потеряли своих собственников, крестьянские общины, и стали постепенно разрушаться. Перемещение в музеи затронуло незначительную часть памятников, они были отреставрированы, но вместе с тем и изъяты из естественной для себя среды. Всего было перевезено немногим более сотни построек. А до революции на Русском Севере насчитывались тысячи действующих храмов XVII–XVIII веков.

Второй слом, повлекший катастрофические потери памятников деревянного зодчества, пришелся на перестроочные времена. Раньше территории Русского Севера были обжиты. Церкви стояли в жилых селах, действовавшие колхозы нередко ставили здания храмов под охрану, потому что там размещались склады, школы, клубы. С 2000-х годов началось резкое обезлюдение северорусских территорий. И в какой-то момент оказалось,

что охранять эти памятники нет смысла, потому что их и так никто не разберет на дрова – некому. Сейчас на Русском Севере осталось примерно 600–700 деревянных храмов и еще около 300 часовен. Они рассредоточены по огромной территории, весь XX век и особенно последние двадцать-тридцать лет ветшали и до нас дошли уже в предельно аварийном состоянии.

– Как сегодня государство охраняет памятники?
– Меры государственной охраны охватывают ключевые, заслуживающие особого внимания объекты, в основной же своей массе деревянная архитектура Русского Севера находится в крайне плохом состоянии.

У нас в стране существует понятие памятника истории и культуры. Это значит, что строение имеет охранный статус культурного наследия – федеральный или региональный. Памятников федерального значения на Русском Севере несколько десятков, и государство честно выделяет деньги на их реставрацию. Памятников же регионального значения значительно больше, но вот они практически обречены, потому что у большинства северных регионов нет денег на их реставрацию. На федеральные деньги по всему Русскому Северу в год восстанавливают от одного до трех объектов, и я не могу сказать, что эти памятники находятся в забвении. Просто этих мер недостаточно.

Мне всегда хотелось спросить: почему нельзя выделить не 50 миллионов рублей на полноценную реставрацию одного объекта, а по 5 миллионов на 10 объектов? Сейчас, пока мы тщательно реставрируем один объект, десяток других разрушается. А так, здесь бы крышу подлатали, там подпорки поставили – глядишь, и дотянули бы эти аварийные церкви до полноценной реставрации. Однако на наших глазах произошло одно очень значимое изменение. Вдруг оказалось, что в XXI веке эти храмы – запущенные, аварийные – нужны людям, оставшимся на опустевших территориях. Там читают молитвы, ставят свечи, вешают иконы, служат литургии. Храмы вновь становятся храмами.

– Старинные церкви нужны не только местным жителям. За последние десять лет возникло несколько волонтерских движений, объединяющих преимущественно жителей крупных городов, они занимаются сохранением архитектурного наследия Русского Севера.

– Я бы даже не называл эти проекты волонтерскими. Скорее, это общественное движение. Там работу ведут профессиональные люди, которые четко понимают, чего хотят. Они привозят с собой специалистов – архитекторов, реставраторов, плотников – и собственными силами решают государственные задачи. Общественным движением «Общее дело. Возрождение деревянных храмов Русского Севера» проведена вполне качественная реставрация Никольской церкви в деревне Ворзо-

горы, часовни Флора и Лавра в деревне Калитинка, сейчас выполняется реставрация Введенской церкви в Ворзогорах. Участники общественного движения «Вереница» сделали качественную реставрацию Георгиевской часовни в деревне Ермолинская Шенкурского района Архангельской области. Они ведут противоаварийные работы в Верхней Уфтиге, пытаются спасти очень крупный и находящийся на грани разрушения храм в селе Зачачье на Северной Двине, восстанавливают аварийную церковь в селе Бережная Дуброва на реке Онеге. Они же вывели из аварийного состояния и законсервировали церковь 1622 года в деревне Задняя Дуброва. И это далеко не все примеры.

И все же, имея примеры качественной реставрации, волонтерские организации занимаются преимущественно консервацией объектов. Их задача – остановить разрушение, чтобы храм дожил до того, когда им займутся профессиональные реставраторы.

К сожалению, в нашей стране система охраны памятников очень инертна и забюрократизирована. Производителям работ приходится проходить через сложные и запутанные процедуры. С другой стороны, по госконтрактам на памятники деревянного зодчества слетается немало недобросовестных подрядчиков, результаты их работы плачевны. А волонтеры каждым ста рублям находят разумное применение, потому что они тратят свои, а не чужие деньги. Рождается новая сфера общественной деятельности, в которой растут и работают квалифицированные специалисты. Реставрация развивается за счет ресурсов не государства, а общества, и это, на мой взгляд, самое важное изменение в сфере охраны культурного наследия Русского Севера.

– Реставрация памятников деревянного зодчества требует высокого мастерства во владении плотницким ремеслом. Раньше эти навыки передавались из поколения в поколение. Сейчас, похоже, передавать их стало некому.

– Эта утрата, конечно, произошла, и изначально она была связана с научно-техническим прогрессом. С конца XIX века вещи промышленного производства стали заменять ручные, появились пиленые доски, которые постепенно вытесняли тесаные бревна. Спрос на дорогой ручной труд падал. После 1917 года не было общественного заказа на восстановление деревянных храмов, в 1960-е в село пришло типовое блочное строительство, и малоэтажные хрущевки окончательно обесценили русскую деревянную избу. К рубежу XX века мы подошли, полностью утратив плотницкую профессию. Но в XXI веке произошло удивительное: плотницкие навыки умелой ручной тёски, которыми владели наши предки, переживают второе рождение.

Передавать эти навыки уже некому – все поколения, владевшие ими, умерли. Сейчас навыки

реконструируются. Открыл этот метод реставратор Александр Владимирович Попов. Восстанавливая церковь в Верхней Уфтуге, он обратил внимание на то, что следы, которые остаются при тёске на поверхности бревен, разные. По ним Попов реконструировал инструменты и плотницкие приемы. Это открытие перевернуло подход к реставрации памятников деревянного зодчества. Сегодня такой ручной тёске, восстанавливающей методы работы древнерусских мастеров, отдается приоритет. Сложился круг специалистов, владеющих этим мастерством. На них есть спрос, поэтому и «Вереница», и «Общее дело» открыли собственные плотницкие мастерские. В селе Воздвиженском под Москвой известный реставратор Дмитрий Александрович Соколов основал плотницкую школу, где всех желающих учат мастерству работы с деревом, а летом новоявленные плотники выезжают в реставрационные волонтерские экспедиции, чтобы проверить свои навыки в деле.

– А в чем особенность работы архитектора-реставратора, который имеет дело с памятниками деревянного зодчества?

– Он должен знать все тонкости плотницкого дела, все понимать про вручную обработанные поверхности, затёски, врубки, соединения. Ви-

деть строение насквозь. Там нельзя быть архитектором, не будучи конструктором.

– Какой из проектов вам запомнился больше всего?

– Выправление колокольни в деревне Нименьга Архангельской области, реставрацией которой занимались добровольцы «Общего дела». Угол ее наклона из-за ставившихся нижних бревен-венцов был около 10 градусов. Еще немного – и она бы превратилась в руины. Прежде чем начать работы, внутрь сруба был вставлен деревянный каркас с «раскосами», чтобы обеспечить прочность. Затем из колокольни изъяли нижние, склонившиеся венцы и опустили ее в сторону, противоположную наклону. Потом к осевому столбу колокольни прикрепили трос и выпрямили искривленный сруб с помощью трактора. Эта работа была интересна тем, что раньше так никто еще не выправлял покосившиеся церкви. В Нименьге стоит еще и огромный храм, в сохранение которого «Общее дело» вложило очень много сил.

Теперь в эти северные села и деревни люди едут, чтобы посмотреть на сохранившиеся храмы. Памятники деревянного зодчества – последняя надежда, что Север не запустеет, что деревни с многовековой историей не вымрут окончательно и останутся живыми точками на карте России.

ДВОЕВЕРИЕ РУСИ

АВТОР

ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

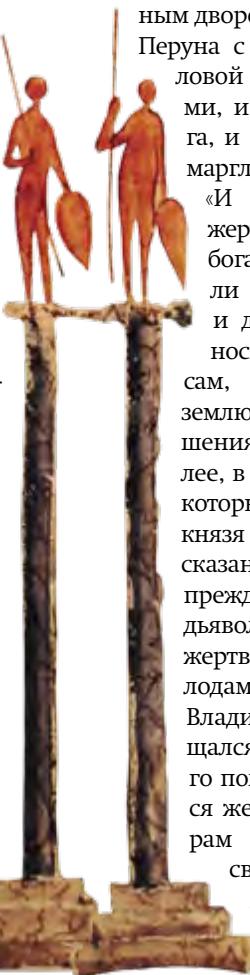
НИКАКОГО ОДНОМОМЕНТНОГО И ВСЕОБЩЕГО КРЕЩЕНИЯ РУСИ НЕ БЫЛО. МЫ СЧИТАЕМ ДНЕМ КРЕЩЕНИЯ 15 ИЮЛЯ 988 ГОДА, КОГДА КНЯЗЬ ВЛАДИМИР ПРИКАЗАЛ ПРИНЯТЬ КРЕСТ СВОЕЙ ДРУЖИНЕ И КИЕВЛЯНАМ, ХОТЯ ДАЖЕ ГОД СОБЫТИЯ ВЫЗЫВАЕТ У ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ СОМНЕНИЯ, А ДАТА ПОЛНОСТЬЮ УСЛОВНА. ДАННЫЕ ЖЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОЧНИКОВ УКАЗЫВАЮТ, ЧТО КОНЕЦ X ВЕКА – ЭТО НИ НАЧАЛО РУССКОГО ХРИСТИАНСТВА, НИ КОНЕЦ РУССКОГО ЯЗЫЧЕСТВА.

3 ЕМНЫМ ВОПЛОЩЕНИЕМ религии считается Церковь – структура, заведующая культом. Велико желание представить существование таковой у язычников, чтобы соперником христианства на Руси было со-поставимое по структуре явление – как в Греции и Риме, где действовали соответствующие храмы, общины и жреческое сословие. В постановлениях Стоглавого собора, прошедшего в Москве в 1551 году, народные игрища названы «еллинскими беснованиями», что является отсылкой именно к древнегреческим верованиям. Однако данные ранних русских летописей и других письменных источников не дают никаких указаний на существование на Руси чего-то подобного: ни языческих зданий, ни организации, ни сословия служителей. Иногда историки предлагают использовать аналогии для реконструкции. Например, высказывалось мнение, что раз первые христианские церкви на Руси были деревянными и возводили их в большом количестве, то навык строительства подобных культовых сооружений уже существовал. Ведь что-то подобное известно в Скандинавских странах. Но это только гипотеза.

ПЕРУН, ВЕЛЕС И ДРУГИЕ

Фактически почти все, что мы знаем о русском языческом пантеоне и обрядности, это несколько фраз в «Повести временных лет» – памятнике, записанном около 1113–1115 годов. Там сообщается, что в 981 году князь Владимир Святославич начал «княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного

Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь». «И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили своих сыновей и дочерей, и приносили жертвы бессам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими». Далее, в речи философа, который просвещал князя в православии, сказано, что люди прежде «по научению дьявола приносили жертвы рощам, колодам и рекам». Сам Владимир возвращался из военно-го похода, «принося жертвы кумирам с людьми своими».

Характерно,

лов, поставленных Владимиром, не было Волоса (Велеса), «скотьего бога», который упоминается в других источниках: договоре князя Олега с греками, а также клятве князя Святослава. Культ Велеса известен этнографически. Судя по всему, он занимал второе место в русском пантеоне после громовержца и воина Перуна, воплощая земную силу и плодородие. В Киеве, в отличие от княжеского Перуна на горе, Велес размещался под горой – на Подоле.

Еще более или менее понятен Даждьбог, который, кажется, именовался также Хорс и соответственно солнцу. Про остальных – Стрибога, Симаргла, Мокошь – толком ничего не известно. У некоторых обнаруживаются иранские корни, другие находят созвучные образы в этнографических материалах, но древнерусскими источниками они не разъясняются. Позволительно реконструировать очень скучную структуру и неразвитость культа, который предполагал одухотворение сил природы – анимизм. Реки, рощи, пни, ветер, жар – все представлялось обладающим душой, с которой

возможно вступить в диалог, договориться, ублажить. Специалистом по таким контактам мог быть любой человек, хотя встречались и более сведущие –

волхвы, зачастую способные кудесничать, то есть совершать нечто сверхъестественное, предсказывать.

Волхв и кудесник – почти синонимы, от первого происходит слово «волшебство», а от второго – «чудеса». Оба – шаманы, колдуны. Однако кажется, что первоначально в этих понятиях было некоторое различие. В легенде о смерти Олега Вещего говорится, что о своей судьбе князь «вопрошал волхвов [и] кудесник». Собственно, предсказывал ему судьбу кудесник. Его же Олег «укорял» за неверный прогноз, называя «волхвом». Все это мы узнаем из «Повести временных лет», записанной христианином, более того – монахом. Он прилагает пространное разъяснение того, почему язычник оказывается способен к предвидению, то есть является причастным к тайному знанию. Ответ монаха прост: перед нами бесовские на-важдения – «неудивительно, что от волхвования сбывается чародейство», ведь это «бесы» творят «такие чудеса». В качестве примера процитирован фрагмент из хроники византийского монаха Георгия Амартола о чудотворениях философа-неопифагорейца Аполлония Тианского, «который ходил и творил всюду бесовские чудеса», выдавая за свои «попущением Божиим». Выходило, что все то было обманом, искусно прикрывающим божественный промысел.

Языческие божества – деревянные идолы, чья дееспособность связана с вселением в них демона – беса, нечистой силы. То, что они творят – искус и наваждение. Однако понятно, что это – некая духовная реальность. Ведь смерть Олега действительно случилась в согласии с предсказанием. И князь Владимир приносил языческие жертвы, а потом приказал избивать тех же идолов, которые оказались неспособны себя защитить и были низвергнуты.

ЯЗЫЧЕСТВО И ХРИСТИАНСТВО

Около 988 года князь Владимир принял крещение. Так же поступили его дружины, а потом и жители главного города – Киева. Кумиры были сброшены и даже унизительно выпороты. То же произошло и в Новгороде. На Русь прибыли греческие священники, началось возведение церквей – нередко на местах языческих капищ.

Впрочем, летопись дает указания, что христианская божница, храм Ильи, существовала в Киеве и прежде. Под 945 годом сказано, что «многие варяги были христианами». В городе давно имелась община верующих. Христианкой была княгиня Ольга, бабка Владимира. Еще столетием ранее в русских землях обретались миссионеры, прибывавшие как из Византии, так и с Запада Европы. Первым был, как известно, апостол Андрей. Анимизм не предполагает запретов того или иного культа. Поклонение роще не противоречит поклонению реке. Язычество не возбраняло моление Христу, поскольку Спаситель понимался лишь одной из сил, может быть, более могущественной,

поскольку христианство пришло из Римской империи – великой континентальной державы, главного государства своего времени. Русские князья признавали эту силу, которая в заметной степени была сакральной, связанной с соответствующим божеством –

в данном случае Христом.

Итак, в 988 году Владимир отправился воевать с греками, победил и взял Херсонес (Корсунь), за что потребовал себе в жены византийскую принцессу, а также крещения. Это был трофей. Вера была завоевана. Греческий бог был присвоен самым законным языческим методом – с боем. Между прочим, еще спустя два столетия у русских князей сохранялось представление, что крещение – это награда, его нельзя навязать. Полоцкий князь Владимир в 1212 году на встрече с рижским епископом Альбертом, представителем западных крестоносцев, говорил, что «в обычай у русских королей, когда они покоряют язычников, – не обращать их в христианскую веру, но заставлять их платить им дань и деньги». Так записал его слова хронист Генрих Латвийский. Для него здесь содержался упрек, что восточные единоверцы не слишком усердствуют в миссии, которую на Западе вполне готовы сочетать с насилием и кровопролитием. Но ведь христианин – равный, соответственно, крестить покоренных нелепо и невыгодно.

Напротив, к крещению прийти нужно.

ЦЕРКВИ И ЕПАРХИИ

Князь – сакральный лидер общины, воплощение ее политических волений. Он имеет право определять главный культ. Понятно, что ему ближе воинственное божество, грозное и могущественное – небесное. Но духи не только такие. Они везде. И все деревья Перун не сожжет, поскольку жизнь на земле иссякнет и некому будет приносить жертвы. Христос – княжеский бог. Он достоин признания, но не отменяет остальных духовностей. Он задает тон, но вовсе не поглощает. Он главный, но не во всем.

У нас нет записей языческих сказаний и вообще чего-то подобного вплоть до XVIII века. Все, чем мы располагаем, это взгляд иноверца – сочинения христианских авторов. Хотя даже после просмотра этих свидетельств становится ясно: проникновение христианского обряда на протяжении XI века в народную среду оставалось поверхностным и охватывающим только столичные, княжеские центры.

После крещения князя константинопольским патриархом для Руси была учреждена митрополия. Одновременно на Русь было отправлено то ли четыре, то ли шесть архиереев. В XI веке известно восемь русских епархий. Помимо Киева епископы вскоре появились в Новгороде, Чернигове, Переяславле (Южном), а также в соседствующих с днепровской столицей Белгороде (в 23 километрах, на Ирпеши) и Юрьеве (в 80 километрах, ныне Белая Церковь). Примерно в середине XI века возникла епархия в Полоцке, хотя епископ там упоминается только в 1105 году. В 70-е годы XI века известно о назначении архиереев во Владимир-Волынский и Ростов.

В Ростове епископ Леонтий немедленно был убит. Сменивший его Исаия отнесен под 1089 годом, а следующий, Нестор,

прибыл в Ростов только через шестьдесят лет. В 1160-м в Ростове сгорела дубовая церковь, которая признавалась кафедральной, и летописец пометил, что стояла она чуть ли не 168 лет, то есть с 992 года. Также припоминают, что до Леонтия там было еще два епископа, но оба сбежали из-за «злобы языческой». В итоге храм был, но пустовал десятилетиями. И кажется, что вплоть до середины XII века глубоких корней христианство на этой земле не пустило. Только строительные программы и внимание властей в последние годы Юрия Долгорукого и при Андрее Боголюбском переломили ситуацию.

Лишь в начале XII века возникла епархия в Смоленске – учредительная грамота датирована 1136 годом. Примерно в эти годы, скорее всего, появился епископ в Переяславле, а также в Турове. В середине века – в Галиче на Днестре. В самом конце XII или в начале XIII века был епископ в Рязани, к которой тянулся Муром. Только в начале XIII века выделилась епархия во Владимире-Залесском. В 1220-е годы оформились кафедры в Угровске и Луцке.

Глухие свидетельства источников позволяют утверждать, что в XI веке на Руси церковная организация распространялась на небольшой участок среднего Поднепровья – между Черниговом, Переяславлем и Киевом с пригородами Юрьевом и Белгородом. Еще очаги христианства были в Новгороде, Полоцке и Владимире-Волынском.

В Ростове развитие проповеди столкнулось с сопротивлением местной общины.

Далее Церковь шла рука об руку с закреплением княжеской власти. Особые усилия в этом

приложил Владимир Мономах, который активно занимался храмоздательной деятельностью не только в старых городских центрах. Он возводил новые крепости, центром которых обязательно становился собор. Так было со Смоленском и Владимиром-Залесским. Позднее той же схемы придерживался Юрий Долгорукий при строительстве Переяславля-Залесского, Дмитрова и других городов на Северо-Западе Руси – будущем центре Московского государства.

Более того, Мономах прилагал особые усилия для повышения престижа Церкви: он стал развивать каменное строительство в отдаленных от Киева центрах.

В начале XI века первые каменные храмы возникли в Киеве и Чернигове, где их возводили греческие мастера. Потом Ярослав Мудрый продолжил эту программу – были возведены Софийские соборы в Новгороде и Полоцке. В Полоцке – более чем столетие – это был единственный каменный храм. В Новгороде каменное строительство продолжилось только в начале XII века, при Мономахе. Он же финансировал строительство первых каменных соборов в Суздале и Смоленске.

Понятно, что в лесистой русской средней полосе каменный храм – излишество. Применение кирпича – исключительный изыск, объяснимый лишь статусом. Обилие леса позволяло быстро и дешево строить огромные сооружения. Кирпич (плинфа) требовал привлечения дорогостоящих зарубежных специалистов, освоения неизвестной техники и вызывал опасения

за надежность конструкции –

многие храмы вскоре падали или частично разрушались, а новые возводили с перестраховкой прочности. Но храм – престиж князя, на него не скучились.

Еще летописный рассказ «Повести временных лет» о выборе веры князем Владимиром передавал главное отличие православия – величественный обряд. Именно внешняя сторона богослужения стала определяющим критерием в выборе. Она же оставалась основной особенностью и средством привлечения adeptov. В глубины теологии не погружались не только рядовые прихожане, но зачастую и некоторые церковнослужители. Еще в середине XII века русские епископы продолжали спорить, например, о необходимости соблюдения поста в среду и в пятницу, возводя анафемы на несогласных. Обряд оставался главным в определении отношения к Западной церкви – споры развивались вокруг вопроса о причащении опресноками, а вовсе не об исходении Святого Духа (Filioque).

Церковь была институтом в рамках государственной власти, далеким от бытовой повседневности. Судя по всему, формального участия в обрядах было достаточно, чтобы считаться лояльным. Характерно, что мы почти не располагаем памятниками домонгольского периода, связанными с деятельностью приходского духовенства. Все тексты восходят к монахам, включая архиереев. Из проповедей мирянам известны только пара текстов – Феодосия (умер в 1074 году), игумена Печерского монастыря, и Кирилла, епископа Туровского (середина XII века).

Археологи свидетельствуют, что в XI веке в русских землях почти повсеместно произошла смена похоронного обряда. Приято считать, что христианству соответствует трупоположение – ингумация. Хотя канонически это никак не обосновано.

Поскольку труп без души, которая уже отлетела, любое его уничтожение допустимо, включая сожжение и поедание дикими зверями. Но случаи ингумации встречаются задолго до 988 года, а курганы сохраняются гораздо позже этой даты – и в XIII веке. При этом известны даже христианские курганные могильники. Тем не менее рубеж XI века, в общем, заметен. И захоронения продолжают сопровождать инвентарем и другими личными вещами. Кажется, это принято до сих пор.

Та же ситуация с религиозными атрибутами. Традиция ношения нательных крестов стала обязательной лишь в XVII веке. Прежде она не возбранялась, но и не поощрялась. Более того, крестик воспринимался как украшение также и у язычников, его использовали даже дикие скандинавы. Он не служил доказательством конфессиональной принадлежности. Исключение составляли специфически оформленные кресты – с распятием, с надписями, энколпионы – кресты, состоящие из створок, в которые закладывались священные предметы, моши, ладан. Их тоже могли украсть и использовать в качестве простого украшения, но все же это специфический религиозный предмет. Именно находки таких вещей свидетельствуют о распространении христианства. Можно сказать, что в крупных городах Руси оно пустило корни уже в XI веке, хотя и неравномерно. Это точно Новгород и среднее Поднепровье, но стоит археологам «уйти» чуть в сторону – и находок в разы меньше, как, например, в Пскове.

ВОЛХВЫ ПРОТЕСТУЮТ

Создается впечатление, что монахи-летописцы сознательно не уделяли внимания язычеству – явлению, которое, по их убеждению, давно должно было сойти со страниц истории, его должна была заменить Святая Русь. Но несколько сюжетов в назидание сохранилось. Из них можно сделать вывод, что чем дальше от Киева, тем сложнее развивалась христианская проповедь. Особенно острые конфликты возникали в Ростово-Суздальской земле. Кажется, здесь, в зоне контакта с финно-угорскими племенами, языческая культура была более развита и агрессивна. Возможно, за этим скрывалась оппозиция княжеской власти в целом. Тем не менее все известные сюжеты на эту тему содержат религиозную подоплеку.

В 1024 году «появились волхвы в Суздале; по дьявольскому наущению и бесовскому действию избивали старую чадь, говоря, что они держат запасы». События были связаны с неурожаем: «был

мятеж великий и голод по всей стране; и пошли по Волге все люди к болгарам, и привезли хлеба, и так ожили».

На происшедшее отреагировал князь Ярослав Мудрый, бывший тогда в Новгороде: «Ярослав же, услышав о волхвах, пришел в Суздаль; захватив волхвов, одних изгнал, а других казнил, говоря так: «Бог за грехи посыпает на какую-либо страну голод, или мор, или засуху, или иную казнь, а человек же ничего не ведает». Оценку известия исследователи производят, исходя из определения понятия «старая чадь». То ли речь идет о знати, «старейшинах» или «старостах», то ли о простых стариках. Первых могли убить, исходя из социального конфликта, а вторых – в соответствии с представлениями, что старики свое пожили и пора им на покой, поскольку не прокормить. Судя по тому, что в дело вме-

шался князь, речь идет все же о знати, причем зависимой от правителя, может быть, даже назначаемой. Выходит, волхвы пытались навести порядок в структурах власти, исходя из своих традиционных представлений: убеждения в том, что вождь ответствен за благополучие общины. Ясно, что в то время никакой церковной организации в Суздале не было, а религия плотно соотносилась с политикой. Ярослав казнил волхвов не за веру, а за убийство чиновников, хотя уста летописца сопроводили расправу христианским поучением. Несколько других случаев описано в летописи под 1071 годом. Это разновременные рассказы о бесовских наваждениях, которые датируются лишь условно. Во-первых, волхв явился в Киеве и стал предсказывать всякие нелепицы, ссылаясь на «пять богов»: дескать, «на пятый год Днепр потечет вспять и земли начнут перемещаться, что Греческая земля станет на место Русской земли, а Русская на месте Греческой, и прочие земли переместятся». Некоторые насмеялись, другие дивились, а потом он «в одну из ночей пропал без вести». Характерно, что никакие репрессии чародея не настигли: в конфликт с княжеской властью он не вступал и его проповеди никто не мешал. Другой случай в Ростовской земле опять, как в 1024 году, связан с неурожаем. Явились в Ярославле два волхва, заявив, что «мы знаем, кто урожай держит»: «И отправились они по Волге и куда ни придут в погост, тут же называли знатных жен, говоря, что та жито удерживает, а та — мед, а та — рыбу, а та — меха. И приводили к ним сестер своих, матерей

и жен своих. Волхвы же, мороча людей, прорезали за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу, либо белку и убивали многих жен, а имущество их забирали себе».

Так пришли они на Белоозеро, а набралось с ними сподвижников человек 300. И случился в тех краях Ян Вышатич, дружинник князя Святослава Ярославича, собиравший дань.

От него летописец и узнал о происшедшем. Белозерцы с ообщили Яну о присутствии по соседству тех шаманов, которые «убили уже много женщин по Волге и по Шексне и пришли сюда». Ян первым делом осведомился: «Чьи они смерды?» Когда узнал, что его князя, то тут же потребовал их к себе. Те отказались. Тогда Ян собрал отряд из 12 отроков и попытался пробиться к их лагерю. Не смог. В бою погиб сопровождавший его священник. Ян отступил в город и предъявил белозерцам ультиматум: «Если не схватите волхвов этих, то не уйду от вас целый год».

Содержание княжеского тиуна, как известно, тяжкое бремя для общины. Волхвов немедленно схватили и выдали. Ян начал допрос: «Чего ради погубили这么多 людей?» Те отвечали: «Они удерживают урожай, и если истребим, перебьем их, будет изобилие; если же хочешь, мы перед тобою вынем из них жито, или рыбу, или что другое».

Христианин парировал, что «создорен богом человек из праха, составлен из костей и жив кроиных, нет в нем больше ничего, а будущего и причин неурожаев знать он не может; то один только бог ведает». У кудесников был свой взгляд на вещи. В пересказе Яна их ответ звучал так: «Мы знаем, как человек был сотворен. Бог мылся в бане и вспотел, отерся ветошкой и бросил ее с небес на землю. И заспорил сатана с богом, кому из нее сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а бог душу в него вложил. Вот почему, если умрет человек, — в землю идет тело, а душа к богу». Далее выяснилось, что веруют волхвы в Антихриста, который «сидит в бездне», то есть пребывают в бесовском искусе. Ян пригрозил им смертью, на что те гордо заявили: «Предстать нам перед Святославом, а ты не можешь ничего нам сделать». Люди Яна били волхвов, дергали их за бороды, оскорбляли и унижали, но не убили. Ян заткнул им рот кляпом, привязал к мачте своей лодьи и отправился вниз по Шексне — вероятно, туда, где их мог допросить Святослав. По пути то ли христианское рвение возобладало, то ли кудесники действительно насолили князю человеку. В итоге Ян придумал, как от них избавиться, не нарушив правды. Среди гребцов лодьи, возможно, специально, оказались родственники тех жен, которых расчленили волхвы. Ян просто разрешил им отомстить. Они схватили кудесников, избили и повесили на прибрежном дубе. Тоже не убили. На другую ночь волхвов разодрал медведь. За оправдывающим расправу религиозным контекстом

проступает правовая норма, согласно которой без княжьего суда человека казнить было нельзя – разве только в режиме кровной мести. Кроме того, язычник обладал теми же правами, что и любой христианин. По крайней мере, в ростовской глупши в конце XI века.

Еще записан рассказ о новгородце, который пришел «в землю Чудскую» и просил у тамошнего кудесника «волхвования», то есть предсказания. А у того ничего не вышло, поскольку на новгородце был крест. И покуда страждущий крест не снял, у шамана откровений не было. Описана обычная ситуация двоеверия: крещеный горожанин отправляется к местному языческому чародею. Мешает только нательный крест – религиозный атрибут. Новгородец снимает крест, вешает его где-то «вне дома», и тут же все встает на свои места: кудесник начинает вещать.

А вот ситуация с новгородским князем Глебом Святославичем. Явился волхв, который стал представляться людям «богом», и многие ему поверили. Более того, он начал требовать изгнать или погубить новгородского епископа. Дело дошло до стенки на стенку. Епископ надел облачение и, взяв крест, предложил горожанам разделиться: кто за кого. И оказалось, что на стороне епископа только князь с дружиной, а весь город – за волхва. «И началась смута великая между ними».

Дело разрешил Глеб, который подкрался к волхву и зарубил его, выхватив из-под плаща топор, после чего «люди разошлись». Согласно другому летописному свидетельству, Глеб вскоре, в 1078 году, погиб – был убит где-то в Заволочье. Исследователи нередко находят

взаимосвязь между этими событиями и полагают, что смерть князя связана с излишним миссионерским рвением.

Путь христианства к русской душе был долгим и, кажется, завершился в общих формах лишь к началу XIII века. Только в эти годы появляются свидетельства о проповеднической активности Руси, осознающей себя уже христианской державой. В 1210 году князь Мстислав Новгородский, захватив эстонский Оденпе, грозится крестить местных жителей. А в 1227-м князь Ярослав Всеволодович отправляет суздальских попов крестить Карелию. В том же, 1227 году в Новгороде сжигают четырех волхвов, обвиненных в колдовских наговорах («потворах»). Такая форма казни уникальна для русских земель. Она явно свидетельствует о поисках сакрального очищения, то есть предполагает духовную вину. Впрочем, летописец помечает неуверенность в справедливости обвинений – «а то бог весть». Даже православный монах почувствовал необычность происходящего. Отношение к язычеству изменилось – оно стало чуждым.

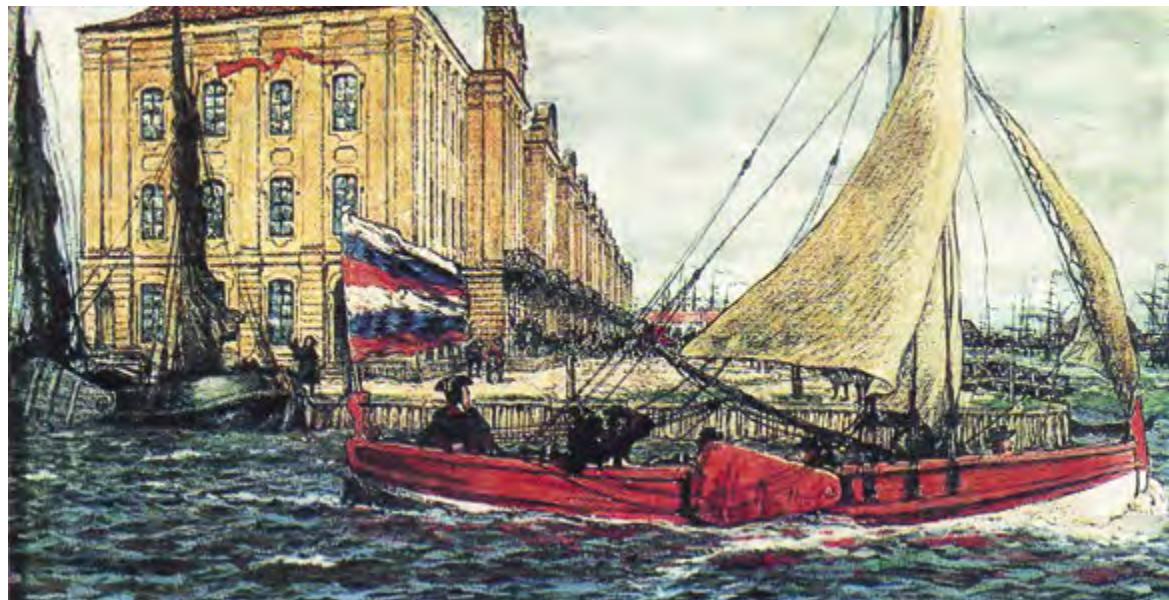

Тем не менее жили таких соседних с Русью областей, как Ижорская земля, в 1240 году еще полностью оставались идолопоклонниками, как об этом свидетельствует Житие Александра Невского. О необходимости крещения ижорцев шведы писали и в XIV веке.

Двоеверие – понятие книжное, хотя зафиксировано еще в древнейших текстах. Так, святой Феодосий Печерский называл «двоеверцами» тех, кто «хвалит чужую веру». Также в «Слове некоего христолюбца и ревнителя по правой вере», составленном, возможно, уже в XI веке, говорится, что «нельзя терпеть христиан двоеверно живущих и верующих в Перуна, и в Хорса, и в Мокошь, и в Сима, и в Ргла». Видно, что состав языческих божеств в тексте заимствован из летописи и совсем не отражает реальности. В других текстах возмущение «двоеверием» в XII веке сводилось к тому, что храмы посещают меньше людей, чем можно встретить на народных «игрищах» – «сборищах идолъских». Кажется, что раздражение священников в заметной степени касалось вопросов дисциплины, а не противодействия иноверцев или присутствия ереси. На бытовые традиции много веков просто не обращали внимания, концентрируясь на нормах совершения обряда. В заметной степени они дожили до наших дней. ●

Для иллюстрации использованы миниатюры Киевской псалтыри 1397 года.

Е.Е. Лансере.
Ботик Петра I.
1906 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ДЕДУШКА РУССКОГО ФЛОТА

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

КОРАБЛИ СТАРЕЮТ ПОДОБНО ЛЮДЯМ. И СУДЬБА ИХ, КАК ПРАВИЛО, ПЕЧАЛЬНА. ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ САМИМ СЕБЕ БЫВШИЕ ПОКОРИТЕЛИ МОРЕЙ ЗАКАНЧИВАЮТ ОТВЕДЕННЫЙ ИМ ВЕК В ЗАБРОШЕННЫХ БУХТАХ. РАЗРУШЕННЫЕ ОСТОВЫ КОРАБЛЕЙ ПРОЗЯБАЮТ В ВОДЕ, И ТОЛЬКО ПРОГНИВШАЯ ОБШИВКА ДА ТОРЧАЩИЕ ДОСКИ КОРПУСА НАВОДЯТ НА МЫСЛИ О БЫЛОЙ ИХ СЛАВЕ.

В НАЧАЛЕ ФЕВРАЛЯ 1722 года Петр I, проезжая через Переславль-Залесский, стал свидетелем печальной картины: суда, построенные им на заре своего правления, а теперь брошенные на произвол судьбы, дрогнували под открытым небом на берегу Плещеева озера. Той же ночью разгневанный император написал суровый указ: «Воеводам Переславским. Надлежит вам беречь остатки кораблей, яхт и галер, а буде опустите, то взыскано будет на вас и на потом-

ках ваших, яко пренебрегших сей указ». Благодаря заботам государя до наших дней сохранились первые петровские ботики, небольшие парусные одномачтовые суда, стоявшие у истоков русского флота: знаменитый ботик «Святой Николай», названный «дедушкой русского флота», и ботик «Фортуна» – единственный сохранившийся участник потешной флотилии Плещеева озера. Первый хранится в Санкт-Петербурге, второй – в Переславле-Залесском...

ВОЕННЫЕ ПОТЕХИ

А начиналось все на реке Яuze, пересекавшей заповедные леса, в которых пристрастился охотиться царь Алексей Михайлович – любитель соколиных забав. Лежали эти земли к северо-востоку от тогдашней Москвы и были заполнены селами, пригородными вотчинами, дачами и монастырями. В здешних лесах селились царские сокольники, отчего и появилось название «Сокольники». Рядом, в Черкизове, была митрополичья вотчина, а вблизи нее – старинные владения предков бояр

К.В. Лебедев.
Молодой Петр I
и сокольничий.
1900-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

К.В. Лебедев.
Никита Зотов
обучает
царевича
Петра
Алексеевича
грамоте.
Начало 1900-х
годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Романовых – село Измайлово. На здешних полях Алексей Михайлович завел огромное хозяйство, настоящую сельскохозяйственную академию с пашнями, рыбными прудами, мельницами, ригами, амбарами, стеклянным заводом, аптекарским огородом и садовыми участками с виноградными лозами, бахчами, ореховыми и шелковичными деревьями, малиновыми и смородиновыми кустами.

Едва наступал апрель, царь уже ехал в свои заповедные леса «тешиться птицами». В сельце Семеновском расположил он дорогой его сердцу птичий штаб – Потешный соколиный двор, где дрессировали редких и дорогих соколов, кречетов, ястребов, привезенных из далеких карельских лесов, с гор Кавказа, с Урала и Печоры. Во времена соколиных забав Алексей Михайлович облюбовал вблизи Собакиной рощи чудесные места для царских усадеб. И после 1661 года здесь появились два села: Старое и Новое Преображенское. Сюда Алексей Михайлович любил наведываться с молодой царицей, Натальей Кирилловной Нарышкиной. А после рождения Петра царская чета все чаще приезжала в эти прекрасные места.

Малолетний царевич обзавелся деревянной лошадкой с шерстью, седлом и вызолоченны-

ми стременами, катался по хоромам на потешном стульце на колесиках и лихо постреливал из лука, попадая в подброшенную шапку. Собралась у него и маленькая ватага: карлики Никита Комар, Спиридон, Иван, Игнатий и Емельян Кондратовы, входили в нее и дети стольников, бояр и царской родни. Потихоньку потешная армия, щеголявшая в малиновых суконных кафтанах на беличьем меху с золотыми пуговицами, обзавелась прорвой всякого оружия – пистолетами, саблями, топориками. Была у них и позолоченная пушечка со станком и на колесах.

В игрушечном мире Петра нашлось место и для кораблик. Их модели – серебряные, золоченые, «чеканные с парусы» – частенько дарили государю иноземные купцы. Одна такая модель появилась и у двухгодо-

Измайловский
ботик на реке
Яузе в Преобра-
женском в при-
сутствии Петра I.
Гравюра
А.С. Янова
по рисунку
М.В. Нестерова

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

валого Петра: «кораблик серебряный сканной с каменьи», купленный за немалую сумму в 20 рублей, преподнес царевичу глава Посольского приказа Артамон Сергеевич Матвеев. Это был один из «западников», обожавший заморские новинки и женатый на шотландке Евдокии Гамонтовой, по слухам происходившей из шотландского рода Гамильтонов. «А расписки в том кораблике нет, – записано в дворцовых книгах, – потому что изволил государь царевич принять сам».

Идиллия закончилась в 1676 году, когда неожиданно скончался Алексей Михайлович. Последовавшая за этим свирепая схватка придворных группировок за власть обернулась тяжелыми последствиями. На престол взошел болезненный 15-летний Федор Алексеевич. Петру в этот момент было всего 4 года. Нарышкиных малопомалу отодвигали от власти. В мае 1682 года взбунтовавшиеся стрельцы жестоко расправились с родственниками царицы Натальи, а уцелевших Нарышкиных выслали из Москвы. Обосновавшаяся в Кремле сводная сестра Петра, царица Софья, позволила Наталье Кирилловне остаться в столице, но та предпочла перебраться в любимое Преображенское. Жила Наталья Кирилловна на субсидии от патриарха Иоакима и не имела даже средств нанять сыну хорошего воспитателя. Но царевич все же усадили за книги, приставив для учения подъячего Никиту Зотова и Афанасия Нестерова. Впрочем, от военных потех Петр не отказался. В Кремлевском дворце в расположении царевича был настоящий военный лагерь с деревянным шатром, избой и пушками. Да и книжные премудрости его приобретали специфический характер: в царской библиотеке хранились роскошно оформленные «Воинская книга» 1607 и «Воинская книга о всякой стрельбе» 1620 года издания, переведенные с иностранных трактатов еще при Василии

Шуйском и Михаиле Федоровиче. Царевич штудировал эти тома, мечтая о временах, когда он будет возглавлять войска, идущие на штурм неприступных крепостей. Приносили ему и красочные «фряжские» книги, в которых были цветные изображения кораблей. Возможно, они и пробудили в маленьком Петре интерес к морским делам. Проявился он, впрочем, совершенно по-детски. У Боровицких ворот, на откосе кремлевской береговой горы, стоял большой каменный дом с палатами,озвезденный еще при Борисе Годунове. Рядом разбили обширный Верхний Набережный сад и выкопали выложенный свинцовыми досками пруд размером приблизительно 10–11 на 8–9 метров и глубиной около 1,5 метра. Вода в него подавалась прямиком из Москвы-реки с помощью водоподъемной машины, расположенной в Водовзводной башне и воздвигнутой при Михаиле Федоровиче шотландским механиком Христофором Галловеем. В этом кремлевском бассейне царевич участвовал в водных увеселениях на потешных суденышках: лодках, коклюшах, карбусах и шняке с беседкой. Были у него и другие кораблики, которые мастерили кремлевские плотники – упоминания о них сохранились в «Записках дневальных плотничих работ» с июня 1682 по июнь 1683 года.

Однако водные потехи царевича не всегда сопровождались весельем. Вот о чем поведал, например, плененный под Полтавой шведский офицер Филипп Иоганн фон Страленберг. Он был отправлен в Сибирь и только после Ништадтского мира вернулся на родину, составив записки, посвященные истории и географии Российской империи: «Около 5 лет возраста его (Петра. – Прим. авт.) случилося родителице купно с ним во время весны ездить чрез такой ручей, где течение воды великой шум причиняло. Он же, лежав на руках

Постройка
потешного
городка
(Пресбурга)
в селе Преображенском.
С гравюры
по рисунку
М.В. Нестерова

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Филипп Иоганн
фон Страленберг,
офицер
шведской армии
короля Карла XII
в Северную
войну

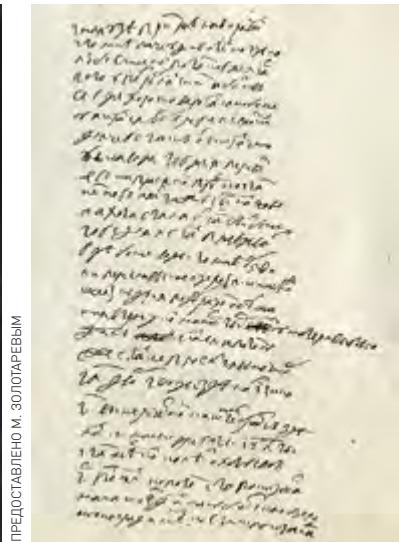
матери своей, дремал. Проснувшись же от сего шума, так испужался, что заболел от того лихорадкою. И хотя оная в кратком времени была воползована, однако такой в нем страх зделался, что не токмо на текусчую и шумячу воду, ни даже на тихую смотреть и слышать про то не мог... И продолжался в нем страх сей даже до четвертого на десять лета возраста его, пока князь Борис Голицын, бывший при нем обер-гофмейстер (дядка) следуючей к тому способ не употребил». Князь вывез мальчика на охоту «в такое ме-

сто, где был небольшой ручей, о котором государю было неизвестно. И повнегда охотою довольно забавлялись, сказал Голицын, что весма знайно и жарко, и ежели б де вода в близости была, то бы он хотел купаться. Государь удивился сему и ответствовал, разве хосчет он смерти и сам себе быти убийцею». Однако когда один боярин сообщил, что рядом протекает небольшой ручей, решился взглянуть на него. Подошли к берегу. Князь Борис Алексеевич спешился и перешел ручей вброд, и Петр, по примеру его, «чрез оную воду проехать отважился». Боязнь воды у него с тех пор прошла, через несколько дней царевич уже купался в измайловских прудах.

Большинство историков Петровской эпохи крайне осерчали на Страленberга и тех немногих современников, кто вспоминал о «природном отвращении» Петра к воде. Рассказы эти нарушали сложившуюся картину, в которой как будто и не ребенком вовсе был царевич Петр, а с самого рождения ощущал себя настоящим «вестником глубин», неустрашимым Тритоном, детищем Посейдона и Амфитриты, которому ни почем ни грозные бури, ни штормы. Но история о боязни царевичем воды постепенно была забыта, и на первый план вышла другая, случившаяся с Петром в начале лета 1688 года.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«В РАБОТЕ ПРЕБЫВАЮЩИЙ»

К этому времени на берегу Яузы, напротив дворца Алексея Михайловича, уже возвышался главный потешный городок Петра – Пресбург. В центре его высилась трехэтажная шатровая башня с часами и набатным колоколом, вокруг крепости пролегали деревянные стены и земляной вал, были прорыты окопы и проходил глубокий канал с подъемным мостом. На реке стояли потешные суда – большой шняк, карбусы и струг с лодками.

Как-то раз Петр в сопровождении голландца Франца Тиммермана, обучавшего его математике и фортификации, заехал в Измайлово, бывшее владение его двоюродного деда, «большого» боярина Никиты Ивановича Романова, человека образованного, собиравшего заморские диковинки. Семья Никиты Ивановича имела дело с англичанами: его дед при Иване Грозном был среди участников переговоров о торговом трактате с Англией. Сам же Никита Иванович, гордец и честолюбец, ходил в «немецком платье», слушал иноzemную музыку, а слуг своих обрядил в европейские ливреи. Был он не женат, и потому все имущество его перешло к царю Алексею Михайловичу как ближайшему родственнику по мужской линии.

Представим, впрочем, слово самому царю: «...И несколько

времени спустя, случилось нам быть в Измайлово на льняном дворе, и гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей дому деда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидел я судно иностранное, спросил вышереченного Франца, что то за судно? Он сказал, что то бот английский. Я спросил: где его употребляют? Он сказал, что при кораблях для езды и возки. Я паки спросил: какое преимущество имеет пред нашими судами (понеже видел его образом и крепостью лучше наших)? Он мне сказал, что он ходит на парусах не только что по ветру, но и против ветру; которое слово меня в великое удивление привело и якобы неимоверно. Потом я его паки спросил: есть ли такой человек, который бы его починил и сей ход показал? Он сказал, что есть».

Г.Г. Мясоедов.
Дедушка
русского флота
(Франц
Тиммерман
показывает
Петру ботик).
1871 год

Из собственноручной записи императора Петра I «О начале судостроения в России»: «...и на Яузе при мне лавировал, что мне паче удивительно и зело любо стало»

Так при царевиче появился Карштен Брандт – голландец, перебравшийся в Москвию еще в 1667 году для строительства первого русского военного корабля «Орел» и других судов, которые по велению царя Алексея Михайловича надлежало строить в дворцовом селе Дединове на Оке (см.: «Русский мир.ru» №6 за 2021 год, статья «Секрет мастера». – Прим. ред.). Сопровождая построенные корабли в Астрахань, Брандт едва не погиб во время восстания Степана Разина, но спасся, сумев убежать в Москву, где и осел в Немецкой слободе. Занимался он здесь плотничим и столярным делом, и вот счастливый случай свел его с молодым царем. Доподлинно неизвестно, когда и каким образом оказался ботик на складах боярина Никиты Ивановича Романова. Современники оставили нам различные версии. Одни, например, посчитали, что ботик привезли в Россию в качестве подарка Ивану Грозному. Английской версии придерживался, по-видимому, и сам царь Петр. Возможно, ботик был привезен в Россию из Англии на рубеже 40-х годов XVII века, в период оживления англо-русских

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Франц
Тиммерман,
голландский
купец,
учитель Петра I
по математике
и фортификации

торговых и политических отношений. Судя по рассказу французского посла Жака де Кампредона, «лет восемьдесят тому назад дед его императорского величества выписал из Англии через Архангельск в Москву маленькое судно или, лучше сказать, модель военного судна, размерами очень малой шлюпки, которую он назвал «Св. Николай / St. Nikolas», довольно грубой постройки, согласно обычаям того времени. Можно предположить, что намерение царя Михаила Федоровича заключалось в том, чтобы выстроить несколько судов по этой модели». А вот видевший ботик в Москве в 1716 году ганноверский резидент Христиан Фридрих Вебер полагал, что русские сделали его «собственными руками при царе Михаиле Федоровиче». Высказывались предположения, что ботик появился в царствование Алексея Михайловича. Строили его якобы русские плотники по голландским чертежам и под руководством голландских мастеров в Дединове, где и спустили на воду. После чего перевели в Москву и вытащили на сушу. «С того времени он больше не плавал». Участником постройки ботика называли и самого Карштена Брандта. С появлением ботика жизнь царевича изменилась. «Сей-то неизвестно обретенный ботик произвел в юном государе, который прежде боялся воды, охоту к построению сперва малых фрегатов, потом военных кораблей и был причиной возрождения великого флота в России», – записал в своих рассказах сын царского денщика и главного механика Андрей Нартов. Царь поручил Брандту отремонтировать ботик. Затем судно перевезли на Яузу, к Пресбургу. Теперь под началом Петра появилась небольшая флотилия. Однако когда ботик спустили на воду, возникли первые трудности. Из-за узости реки судно неловко разворачивалось, упиралось в берег. Тогда решили перетащить ботик на измайловский Просяной (ныне Просянский)

Спуск ботика
«Святой
Николай»
на Яузу
в 1688 году

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

пруд, но Петр «и там немного авантажу сыскал, а охота стала от часу более». Неугомонный царь стал доискиваться, нет ли поблизости водоема побольше. И вскоре узнал, что в ста с лишним верстах от Москвы, под Переяславлем, есть большое озеро. Глазом не окинешь! Но как туда попасть? Удобный случай подвернулся быстро. 25 июня праздновалось обретение мощей преподобного Сергия Радонежского, и Петр задумал отпроситься у матери на поездку в Троице-Сергиев монастырь. Но вовсе не молитва была на уме у царя. Взяв с собой старика Брандта, он отстоял литургию и по окончании ее тайком покатил в Переяславль. Появление Петра на Плещеевом озере без свидетелей не обошлось. Рассказы об этом событии 1688 года местные жители передавали из поколения в поколение. Царя увидела крестьянка из села Веськова Устинья Ааронова:

«Я жала рожь. Вдруг я вижу прямо от Горицкого монастыря, по горе, хлебом кто-то едет верхом на карем коне. За ним, не в дальнем расстоянии, тоже на конях едут еще три человека. Тот, что ехал впереди, остановился недалеко от меня и стал пристально смотреть на озеро. Долго он смотрел, и я досытая насмотрелась на него. Он был велик ростом и статен, в одежде, похожей на охотничью. Из-под шляпы с навесом видны были кудри русых волос. Лицо у него было несколько смуглувато; глаза карие, быстрые; ус только пробивался. На бедре его висел меч; за поясом торчал охотничий нож; при нем был небольшой огнестрел. Вид его был строг; но я, заметивши на лице его какую-то радость, да не зная, кто он таков, а полагая, что он какой-нибудь барин охотник, сказала ему: эхче, барин, зачем хлебушко-то мнешь! Он мне на это отвечал: не брюзжи, старуха, хорошо вам будет, и поехал далее по скату горы к Соломидину; за ним последовали и другие, в числе которых я узнала нашего Переяславского наместника. Впоследствии я узнала, кто был таков этот барин».

Озерное раздолье поразило молодого царя. Вот где надо плавать! Здесь можно оборачиваться во все стороны, куда хочешь! Провел он на озере не более двух дней и вернулся в Москву с твердым намерением немедленно начать строить суда на Пле-

Андрей
Константинович
Нартов
(1693–1756),
русский ученый,
механик
и скульптор,
статский
советник,
член Академии
наук

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«ПОЗДРАВЛЕНИЕ БОТИКА»

Любимый свой корабль, с которого началась история русского флота, император Петр окружил трогательной заботой, оказывая ему почести словно живому существу. Пока продолжалась Северная война, корабль держали в Москве, и время безжалостно оставляло на крошечном судне следы немощи. Однако императора не смущали покоробившийся и потрескавшийся тусклочно-черный корпус, покореженный рангоут, бесцветные седые паруса и дряхлая оснастка. Ботик «Святой Николай» словно возвращал адмирала Петра Михайлова во времена его «децких утех», к отроческим грезам о морском просторе, и одновременно нес важнейшую идеологическую миссию. Мысль использовать ботик в качестве мемориального символа, по-видимому, принадлежала архиепископу Феофану Прокоповичу, который в проповеди «Слово похвальное о флоте Российском» 8 сентября 1720 года во время торжеств в честь Гренгамской победы произнес: «А кто же не скажет, что малый ботик против флота есть, аки зерно против дерева? А от того зерна возрасли сия великая, дивная, крылатая, оруженосная древеса. О ботик, позлащения достойный! Тщился нецы искать на горах Аратских доски ковчега Ноева; мой бы совет был ботик сей блести и хранити в сокровищах на незабвенную память последнему роду».

В январе 1722 года император приказал провести в Москве пышные празднования в ознаменование Ништадтского мира. Ботику в них была отведена важная миссия. Выставленный на всеобщее обозрение перед Успенским собором и поставленный на украшенный картинами высокий пьедестал, он должен был олицетворять победоносный русский флот. 6 февраля Петр распорядился бот «срисовать с двух сторон со всем подобием и выгравировать и напечатать многие листы». Работу над гравюрами

щевом озере. Но надо было уломать царицу Наталью Кирилловну, ведь новая его забава приводила ее в ужас. Уговоры продолжались несколько дней. Наконец после именин, праздника Петра и Павла, 30 июня, Наталья Кирилловна со слезами отпустила царя в Переславль. Работа тогчас закипела. В сентябре Петр вернулся в Москву, но строительство кораблей на озере продолжалось.

Вернулся он на Плещеево озеро в апреле 1689 года, уже сыграв свадьбу с Евдокией Федоровной Лопухиной. Два судна стояли в отделке. Лед на озере вскрылся в первый же день его приезда. В одном из писем матери Петр дрожащей, уставшей от работы топором и пилой рукой писал: «Сынишка твой, в работе пребывающий, Петрушка,

благословения прошу, и о твоем здоровье слышать желаю, а у нас молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа, и суды все, кроме большого корабля, в отделке; только за канатами станет: и о том милости прошу, чтоб те канаты, по семи сот сажень, из Пушкарского приказу, не мешкав, присланы были».

Так в переславской глухи появились первые корабли, в том числе и ботик «Фортуна». И Петр, как он сам писал, «там несколько лет охоту свою исполнял. Но потом и то показалось мало, то ездил на Кубенское озеро под Вологдой. Но оное ради мелкости не показалось. Того ради уже положил видеть море». Впереди открывались новые перспективы – Белое море, Азов, Балтика и Великий океан...

Музей
«Ботик Петра
Великого».
Переславль-
Залесский.
Начало XX века

Переславский
ботик Петра
Великого.
Литография
XIX века

поручили гравёру Ивану Зубову. На первой из них внизу между двух крепостей, вероятно, между Петербургом и Стокгольмом, был изображен Ноев ковчег, а над ним – голубь с веткой и радуга. На другой гравюре – море, вдали две крепости, на первом плане корабль под парусами и галера с веслами. На ленте над первым изображением Зубов разместил надпись «Сей божественный вестник» (то есть ботик, он же – ковчег и голубь одновременно); над вторым – «От Бога сим токмо получен» (то есть флот получен благодаря ботику); сбоку на первом листе – «Детская утеша»; на втором – «Принесла мужески триумф».

Чествование ботика продолжилось в следующем году. Его перевозили из Москвы. Корабельному подмастерье Филиппу Пальчикову государь поручил исправить ботик и на представленный рапорт своим ужасным размашистым почерком внес лаконичные резолюции. Весь Петр Алексеевич предстает в этих резолюциях.

Все до мелочей предусмотрел рачительный государь и когда готовил инструкции гвардии сержанту Кореневу, отвечавшему за доставку судна к берегам Невы. Ехал тот в сопровождении капрала и 12 солдат по маршруту Москва – Тверь – Новгород – Шлиссельбург, помня,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С.Д. Всеволожский. Торжественный вход в Неву ботика «Святой Николай» во время празднования Ништадтского мира

что «будучи в дороге смотреть прилежно, чтоб его не испортить, понеже судно старое, того ради ехать днем, а ночью стоять, и где есть выбоены спускать по тихоньку». Больше всего боялся государь, что ботик попадет в пожар, и приказал ставить корабль «вне городов и деревень на полях далее от строениев и ставить к нему часовых».

В конце мая «дедушка русского флота» из Шлиссельбурга направился в новую столицу. Первый акт разработанного Петром церемониала должен был увенчаться торжественной встречей ботика на Неве, приуроченной ко дню рождения императора.

В «Походном журнале» Петра за май 1723 года записано: «Их величества и все министры слушали заутреню в Невском монастыре; и по утру к обедне изволили прибыть с ботиком и со всем буерным флотом, в 11-м часу пополуночи, в Санктпетербурх, и была литургия у Троицы, палили из города и с крепости Адмиралтейской кругом трижды и были на площади солдаты гвардии, где також из мелкого ружья палили беглым огнем трижды ж. После литургии кущали в Сенате <...> и был фейерверк на воде». По завершении празднества ботик поместили на верфи в Адмиралтействе, приказав в случае пожара спустить его на воду.

Второй акт торжественного «освящения» легендарного корабля был назначен на 9 августа – годовщину взятия Нарвы (хотя можно предположить, что, возможно, это было 8 августа – день «чудесного» спасения Петра от стрельцов. – Прим. авт.). Ботик в сопровождении невской флотилии двинулся было 7 августа к Котлину, однако торжества сорвали «великие ветры, для которых невозможно было управить встречи ботику». И только утром 11 августа «на Котлине острове было поздравление ботику» и состоялась его встреча с Балтийским флотом: 20 линейными кораблями, фрегатом и множе-

ДОКЛАД ПАЛЬЧИКОВА

Ботик, когда запаяется, прикрыть ли по меди белилами?	Белить
Поправлять ли старая краски?	Поправлять, кроме шпигеля и гакоборта
Резьба, где обилась, поправлять ли красками?	Не замять до меня
Машт старой ли будет или новой; ибо и новой делают, для того [что] старой толстоват в верху?	Новой готовь, а быть старому, каков есть
Бушприт надобно-ль?	Сделать в запас привязной
Флаг новый делать ли, и какой?	На верху штандарт, а на низу кайзер-флаг
Гюйс на бушприт делать ли?	Делать
А старых один штандарт и один гюйс?	Сделать новой, а к старому надделку приготовить, и старова не трогать до меня.
Рур [руль] старой узок, не надеюсь, что действителен был. К старому-ль сделать надделку, или новой сделать?	

Ботик Петра I
в «Ботном
домике»
в Петропавловской крепости.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ством мелких судов. В одиннадцатом часу государь прибыл на генерал-адмиральский корабль «Гангут», пожаловав всем флагманам новые тафтяные шлюпочные флаги. Затем 9 флагманов на шлюпках отправились к ботику, стоящему на палубе галиота в военной гавани. Командовал шлюпочной «кордебаталией» старейший из флагманов, генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин, в строю шли два адмирала – Петр Михайлов (Петр I) и норвежец Корнелий Крюйс, три вице-адмирала – Александр Данилович Меншиков, немец Петр Сиверс, шотландец Томас Гордон, а также три контр-адмирала – Наум Акимович Сенявин, шотландцы Томас Сандерс и лорд Дуффус. Взойдя на борт галиота, флагманы торжественно приняли ботик от капитан-командора Сенявина и на руках спустили его на воду, поставили мачту и, подняв штандарт, двинулись к флоту. Государь правил руль и был квартирмейстером, Сиверс, Гордон, Сенявин и Сандерс сели гребцами, князь Меншиков в роли лоцмана измерял лотом глубину, аober-цейхмейстер швед Кристиан Отто был за канонира, отвечая за салюты. Ботик гордо прошествовал вдоль строя эскадры, каждый корабль которой при его приближении спускал и поднимал флаг и салютовал из всех орудий. На полторы тысячи корабельных выстрелов ботик отвечал из своих маленьких пушечек.

После торжественной встречи с Балтийским флотом на флагманском корабле «Святая Екатерина» состоялся парадный обед, на который были приглашены флагманы флота, командиры кораблей, генералитет и иностранные послы. Провозглашая тост в честь ботика, Петр, подняв чарку, воскликнул: «Смотрите, как дедушку внучаты веселят и поздравляют! От него при помощи Божеской флот на юге и севере, страх неприятелям, польза и оборона государству!»

И горе тем, кто не явился на празднование – государь строго оглядывал приглашенных, выискивая, кто осмелился пре-небречь торжеством ботика. Отсутствие рассматривал как личное оскорбление и наказывал строго, словно провинившийся уклонился от военной службы. Вспыльчивый Петр и по пустякам впадал в бешеную ярость, топал ногами, ругался и в запальчивости мог пройтись

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Корнелий
Иванович Крюйс
(1655–1727),
адмирал,
вице-президент
Адмиралтейств-
коллегии

дубинкой по виновному. На 9 человек были наложены штрафы в 15 рублей, а 30 июля 1723 года Петр направил генерал-полицмейстеру Санкт-Петербурга Антону Девиеру строгий указ: «Понеже не единократно в ассамблеях водяных преслушание чинят <...> взять по пятьдесят рублей штрафу; ежели в другой раз так сделают – штраф вдвое, а буде в третий раз, то сосланы будут в предиленную работу».

В 1724 году ботик участвовал в торжествах, посвященных Ништадтскому миру, и в церемонии встречи у Александро-Невского монастыря «святых мощей святого благоверного князя Александра Невского чудотворца». 2 сентября Петр распорядился «ботик в 30-м числе августа для торжествования выводить повсегодно на воду». Указ этот выполнялся редко – о ботике время от времени вспоминали в царствование Елизаветы Петровны, Александра I, Николая I и Александра II, выносили его для участия в торжественных празднествах. Он обрел новое место жительства в Петропавловской крепости – какое-то время его держали в открытом каземате на одном из бельверков, потом покрыли промасленной парусиной. В 1761 году в Петропавловской крепости по проекту архитектора Александра Францевича Виста у Петровского собора соорудили изящный «Ботный домик», в котором корабль хранился до 1930-х годов.

В 1928 году судно за ненадобностью вынесли из «Ботного дома», переоборудованного под склад, но, по счастью, он не погиб. Приютили ботик сотрудники Петергофских дворцов-музеев и поместили в Вольере близ дворца Монплезир, где он хранился до сентября 1940 года, когда был передан в открывшийся в Ленинграде Центральный военно-морской музей. В 1941-м ботик был эвакуирован на речной барже в Ульяновск, а в марте 1946 года он вернулся в музей и занял свое почетное место в Центральном военно-морском музее. ■

ТРЕЗВЫЙ ПОВАР ИЛИ ОДИНОКАЯ КУХАРКА

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АВТОР

ДАНИИЛ ВЕДЕРНИКОВ

«НУЖЕН ПОВАР, ТРЕЗВОГО ПОВЕДЕНИЯ, БЕЗ ЛИЧНОЙ РЕКОМЕНДАЦИИ ПРОШУ НЕ ЯВЛЯТЬСЯ». «НУЖНА КУХАРКА, УМЕЮЩАЯ ГОТОВИТЬ, ТРЕБУЕТСЯ ОДИНОКАЯ, ЗНАЮЩАЯ СВОЕ ДЕЛО». ТАКИЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ МОЖНО БЫЛО ВСТРЕТИТЬ В СООТВЕТСТВУЮЩИХ РУБРИКАХ ПОПУЛЯРНЫХ ГАЗЕТ, СКАЖЕМ В «ПЕТЕРБУРГСКОМ ЛИСТКЕ». ТАК КАК МОЖНО БЫЛО ПОЛУЧИТЬ МЕСТО ПОВАРА В РОССИИ 150 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД?

П

ОСЛЕ ОТМЕНЫ В 1861 году крепостного права в России повар — профессия чрезвычайно востребованная, сулящая 25–28 рублей месячного

жалованья в месяц. А хорошая кухарка, обученная основным принципам приготовления блюд европейской кухни (так называемая «кухарка за повара»), может претендовать на 15

рублей, что превышает зарплату горничных.

Даже небогатый горожанин, обзаведясь семьей, перестает питаться в кухмистерских и старается нанять какую-нибудь кухарку и горничную в одном лице. В газетных объявлениях такое требование обозначалось так: «одною прислугою». Обычно на эту должность брались девушки, только что прибывшие из деревни и в лучшем случае владевшие ухватами да русской печью. С такими «деревенскими дурами» молодая хозяйка была вынуждена сама несколько месяцев стоять у плиты, вооружившись каким-нибудь кулинарным сборником, например «Подарком

В.Е. Маковский.
Опять они
ссорятся
(Повар
и кухарка).
1912 год

молодым хозяйствам» Елены Молоховец. Все сопутствующие такой ситуации страдания молодой семьи искупала лишь небольшая плата служанке — около 7 рублей в месяц.

Большое количество подобных объявлений в газетах того времени свидетельствует о том, что спрос на умеющих готовить (даже «как-то умеющих готовить») сильно превышал предложение. И отсутствие конкуренции, конечно же, вело к злоупотреблениям. Неслучайно работодатели требовали «трезового поведения». В рассказе-фельетоне «Прислуга из конторы» Николая Лейкина приведен такой диалог супругов во время собеседования с прислугой:

«— Да ведь повара-то все больше нетрезвого поведения <...> Помнишь, как мы в прошлом году бились с поваром? У нас гости, а повар пьян.
— Ну не все же они таковы. Есть же между ними и не пьяницы.

— Зови, Даша, сюда повара трезвого поведения, — отдал Глянцев приказ горничной.
— И, барин, от этого-то как сейчас водкой, так из кабака несет».

За сто лет до того, как Лейкин написал свой рассказ, член Вольного экономического общества и автор первых кулинарных книг Сергей Друковцев сетует на тот же порок, связывая его с небрежным выбором поваров из дворовых: «Ни наблюдение хозяйствское за поварнею и никакая оной чистота не довольны к приготовлению вкусного и порядочного стола, если повар не имеет той способности и тех качеств, кои искусного повара составляют. Обыкновенно выбирают к сей первойшей и нужнейшей в доме должности таких людей, которые почти ни в какую другую не годятся и нередко самых худых и пьяных, кои ни склонности к поваренным наукам не имеют, ни кислого с соленым не разделяют».

Мясник.
Фото
В. Каррика.
1860-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АРСЕНАЛ ФОРТЕЛЕЙ И ФОКУСОВ

Так какими навыками и способностями должны были обладать повар или кухарка? Прежде всего умением закупать продукты. Общие «мелочные лавки» и специализированные мясные, молочные и прочие лавки распределены по городу, а на улицах можно встретить множество разносчиков на тот случай, если купить что-то надо сразу. Наконец, каждый из городских районов имеет свой рынок. Если говорить о Петербурге, то громадное торговое пространство тянулось тогда вдоль Садовой улицы: оно начиналось у Никольских рядов, продолжалось Сennым рынком, Апраксиным и Щукиным дворами и заканчивалось паддингтонским двором, вы-

Объявления
из газеты
«Русские
ведомости».
23 апреля
1909 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Объявления
из газеты
«Русские
ведомости».
5 апреля
1909 года

Кухарка.
Москва.
1880-е годы

ходящим на Невский проспект. Оглядевшись, как и чем идет торговля, следовало вооружиться каким-нибудь популярным кулинарным наставлением для выбора необходимых припасов. Большинство кулинарных книг, включая знаменитую Молоховец, это путеводитель в мире довоенного кулинария.

Современный человек, привыкший к супермаркетам, доставкам и этикеткам со сроком годности, вряд ли способен представить, какой внимательностью, хитростью и какими коммуникативными навыками должны были обладать хозяйка или повар, отправляющиеся на рынок. Обман мог подстерегать на каждом шагу. «До чего изощрились подгородные чухны в подделке сливок, видно из следующего примера: один чухонец поставлял какому-то генералу сливки в продолжение трех лет, и генерал не мог достаточно нахваливаться его добросовестностью после ряда домашних испытаний. Когда в Петербурге открылись аналитические станции, генерал отвез на одну из них бутылку хваленных сливок, и оказалось, что на 100 частей в них было настоящих сливок всего пять» — такой анекдот приводит Екатерина Авдеева — популярный кулинарный автор XIX века. Вообще, по ее словам, молоко и «молочные скопы» подделывать легче всего: молоко разбавляют водой, добавляют муку или гипс для густоты, в масло примешивают сало и морковный сок. Опытная хозяйка должна знать способы распознать обман: «таких смешленных хозяйств продавцы не надувают, оставляя арсенал своих фортелей и фокусов для хозяек менее сведущих».

Главными способами распознать обман были развитое обоняние, зрение и осязание. Свежесть продуктов определяли по запаху, не стесняясь брать инюхать прямо с прилавков. Особенно это было важно при выборе мяса и рыбы, которой тогда было не в пример больше, чем сейчас, так что найти свежую было несложно.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С говядиной следовало быть очень внимательным, это основное мясо для готовки, поэтому закупают его в больших объемах. А мясники могут зabolтать покупателя и, рассекая тушу, норовят положить куски с костью, увеличивая вес. Что же до заливавшихся кусков, то их подкрашивали свежей кровью для лучшего товарного вида. Один из распространенных видов мошенничества – надувание туш. Лучше всего этот метод работал с поросстами и птицей, но надувать могли и телят. Все эти подробные инструкции писались в первую очередь для хозяек, поскольку именно они должны сопровождать прислугу (и даже нерадивого повара) во избежание воровства и необдуманных трат. А покупка, скажем, колониальных и импортных товаров – чая, кофе, шоколада, сладостей и вин – редко доверялась служагам. Обычно их закупала и хранила под замком сама хозяйка. Мелкое воровство прислуга не считала грехом, напротив, оно воспринималось как некая норма, была чем-то сродни чаевым. И это превращало в холодную войну отношения хозяина и повара. Обязывая повара закупать «по книжке», то есть по распискам, без наличных, хозяева могли спровоцировать его на неприкрытое хамство или на увольнение. Увы, хамство и мелкое воровство со стороны переформенной прислуги почти не каралось полицией. Все, что мог позволить себе хозяин, – это уволить работника.

Рыбный отдел
гастронома
«О'Гурмэ»
братьев
Рогушиных
в Санкт-
Петербурге.
1900-е годы

Русская печь в крестьянской избе

ЭКОНОМНАЯ ПЕЧЬ

Чтобы уяснить принципы работы повара XIX века, надо понять его главный инструмент – плиту. Плиты почти повсеместно заменили старомодные большие очаги. Работая с таким очагом, повар должен был постоянно выгребать угли из большого пламени, над которым висели кастрюли с бульонами или рагу. А для приготовления соусов и миниатюрных блюд приходилось ставить поверх углей специальные треноги и решетки.

Без этих больших очагов кухня уже напоминает современную. Под вытяжным колпаком вы увидите аккуратную керамическую плиту, покрытую сверху металлическим листом – такой способ, без разделения на конфорки, считался более удобным. В печь или за нее встроен бак для подогрева воды. На некоторых кухнях еще сохранялись русские печи, иногда их выкладывали специально – для приготовления блюд русской кухни. Однако вернемся к новомодной плите, в которую встроен духо-

вой шкаф для выпечки и приготовления жаркого. В последнем случае духовой шкаф заменяет огромный стариный вертел. Отныне он стал миниатюрным и превратился в особую насадку для плиты. В некоторых домах вы уже встретите металлические и чугунные плиты последней модели, а в конце XIX столетия распространение получают газовые плиты. «Эта печь очень экономна, так как не требует много газа, тепло ее легко регулируется, что дает возможность жарить медленнее и скорее», – восхищается современник. Приготовление на газу имело и еще одно преимущество: пищу не надо было защищать от запаха дыма. Вкус блюд «с дымком» начал цениться лишь в нашу эпоху газовых и электрических плит, а в то время он был признаком работы нерадивого повара.

Набор посуды нам в основном знаком: кастрюли, сковородки, сотейники. Необычным нам показалось бы многообразие

Реклама
кухонных плит
в журнале
«Нива».
№15 за 1902 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

фигурных форм для желе, заливных и кексов, а также разъемные «паштетные» формы и фигурные резцы для придания овощам необычного вида.

Оказавшись на хорошей кухне, вы, скорее всего, обратите внимание на то, что посуда здесь в основном медная. Стальная и эмалированная посуда тоже входит в обиход, однако справедливо считается куда менее подходящей для хорошей кухни. Медь прекрасно проводит тепло, поэтому блюда не пригорают по центру, а бульоны и соусы прогреваются равномерно. Но медная посуда столетней давности требует постоянной полудки, то есть покрытия внутренней поверхности особым слоем олова во избежание опасного окисления меди. Полудку необходимо проводить раз в полтора-два месяца. Следить за качеством луженой поверхности – обязанность повара, а по умению работать с медной посудой сразу определяют человека с опытом. Признак деревенских кухарок – отношение к меди как к керамической посуде. Медная посуда не должна перегреваться, а неопытная кухарка вполне может сжечь кастрюлю на открытом огне или в поду печи, уничтожив тонкий оловянный слой.

Еще один признак неумелого повара или неопытной кухарки – это расход дров. В России, в отличие от Европы, могли позволить себе готовить на дровах, однако они составляли заметную статью расходов, поэтому распределять их необходимо было правильно. Следовало использовать дрова и угли для одновременного приготовления как можно большего количества блюд. Именно поэтому не следует разжигать печь для приготовления первого завтрака: для утреннего розжига самовара рекомендовали воспользоваться каменным углем, а кофе можно было сварить на спиртовке или бензиновой горелке. По этой же причине для приготовления второго завтрака (около 12 часов дня) ре-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ледник (погреб). Начало XX века

комендовалось использовать вчерашние кушанья, которые необходимо лишь разогреть, а основной расход дров пустить на приготовление обеда. В Петербурге обед поздний, не ранее пяти часов вечера, иногда и гораздо позже.

Присмотримся к арсеналу кухонной техники XIX века. Нам бы пришлось очень нелегко без современного оборудования. Самая главная проблема – холодильник. Ведь ледники есть далеко не в каждом доме, так что приобретенный «по случаю» лед помещают в миниатюрные металлические шкафы, а зимой холодильником служат специальные камеры, прикрепленные

А.А. Попов.
Утро на кухне
(Кухарка).
Вторая половина
XIX века

Реклама
кухонных плит
в журнале
«Нива».
№9 за 1913 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ленные за окнами. Покупной лед необходим, если вы работаете у более или менее состоятельных хозяев: на льду надо взбивать некоторые виды соусов, как, например, провансаль из взбитого ланспика (мясного желе), готовить крем, кнели, а также мороженое.

Современную кухню трудно представить без миксеров, блендеров и всякого рода измельчителей. А в XIX столетии в распоряжении повара имелись лишь венчик, мутовка и сито, как металлическое, так и волосяное – для получения кремообразных консистенций. Для столь популярных в то время перетертых супов, кильного фарша и красивой консистенции блюд ваши продукты необходимо перетереть в ступке, а потом в сите с помощью деревянного пестика или лопатки. Работа эта не из легких. Для очищения разнообразных жидкостей повару требовались кисея и шелковые салфетки: для удобства сцеживания их привязывали к ножкам перевернутых табуреток.

Случалось, хозяева старались идти в ногу со временем и приобретали для кухни всякие технические новинки того времени. Сегодня эти «инструменты» уже забыты и напоминают о них только рекламные объявления в газетах позапрошлого века. Например, насадка для варки яиц прямо в самоваре или машинка для вскрытия устриц. И не нужно удивляться популярности устричных машин в Петербурге: устрицы – любимое лакомство состоятельных горожан.

«СЕЗОН ПУЛЯРДОЧЕК КРАЙНЕ СКОРОТЕЧНЫЙ»

Если в доме нет дворецкого, то на повара ложится необходимость обсуждения меню с хозяином или хозяйкой. Это делается с вечера. На помошь повару приходят списки меню на весь год, которые обычно публикуются в кулинарных сборниках и альманахах. Сейчас, в век глобализации и развития пищевой индустрии, меню не зависит от времени года. А в то время сезонность диктовала выбор блюд в меню, так что разнообразность последнего превращалась в несложную задачу. Усложняла ее и необходимость учитывать многочисленные постные дни.

Главная проблема сезонного меню – свежие овощи. Да, благодаря оранжериям и заморской торговле в Петербурге круглый год можно найти почти любые продукты, однако цены на них не в сезон могут достигать астрономических цифр. Ранней весной из овощей доступны репа да морковь, их можно приготовить в сливках. К маю появляются свежие салаты и спаржа, дешевеют рыба и цыплята. Из весенних цыплят гурманы ценият нежных «майских пулярдочек». «Жаль только, что сезон пулярдочек крайне скоротечный. Впрочем, и девичья красота недолговечна», – замечает один из авторов ежемесячного журнала «Наша пища».

К лету появляется хорошая стерлядь и осетры, причем хозяйки предпочитают двинских осетров, волжская же стерлядь у петербуржцев считается «самой неважной». Дешевеют зелень и фрукты, а вот любимая горожанами дичь, прежде всего рябчики, появится лишь ближе к осени.

Осень – это время дичи и забоя скота. К Рождеству и Пасхе в город массово завозятся молочные поросыта и молочная телятина. Вместо летних овощных гарниров в осенне и зимнее меню включают рис и макароны, а также капусту. В этот сезон разнообразная выпечка способна выручить повара в попытках разнообразить стол.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Москва.
Ресторан «Яр».
Кухня, повара

ПРОСТОЕ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ИЗЯЩНОЕ

«Гастроном одновременно трусоват и осторожен, избирателен и робок, это трусоватый исследователь» – так характеризует гурманов прошлого французский историк Жан-Франсуа Ревель. Действительно, хотя на кухне и совершаются непрерывные открытия, любой кулинарный сборник на протяжении последних двухсот лет содержит множество кочующих из века в век рецептов и редко включает блюда неевропейских народов. Нашего современника, способного сочетать за одним столом блюда мексиканской, итальянской, русской и таиландской кухни, удивили бы не «мультикультурные» сборники рецептов почти всех европейских книг. Даже турецкая и азиатская кухня ограничена в них почти одним только «пилавом». А «экзотика» представлена лишь «карри» – блюдом, столь любимым британской королевой Викторией. Писатель и гурман Иван Гончаров, описывая большой обед, устроенный японскими чиновниками для команды фрегата «Паллада», фиксирует весь процесс обеда с этнографической точностью, но не догадывается увезти с собой редкий рецепт или новую технику приготовления блюд.

Не секрет, что в XVIII–XIX столетиях вся европейская кухня находилась под сильным французским влиянием. Конечно, при словах «французская кухня» мы прежде всего представляем усатого волшебника-повара в пышном белом колпаке, который творит на кухнях дворцов и дорогих ресторанов гастрономические чудеса. Однако мировую славу французской кухне принесли не столько прославленные шефы, сколько очень рациональная и удобная система работы, особенно подходящая при обслуживании больших банкетов и застолов.

Еще в XVII столетии для удобства работы первая плэяда французских поваров разрабатывает систему кулинарных модулей – базовых заготовок, комбинируя которые можно добиться бесконечного разнообразия. Этой базой стал бульон, льезон (то есть любой загуститель), мясной сок или желе, пережаренная на сливочном масле мука и букет трав.

Со временем количество базовых заготовок росло, однако остановимся лишь на перечисленных, их вполне хватит для приготовления сносного обеда.

Базовые заготовки зачастую служат для раскрытия вкуса основного продукта – это стало важным кулинарным открытием своего времени. Именно поэтому повар, выстраивая меню, отталкивается не столько от рецепта, сколько от тех основных продуктов, которые ему удалось достать. Потому так важна для авторов прошлого свежесть мяса, рыбы и некоторых овощей, например таких, как спаржа. Базовые рецепты часто не предполагали «маскировки» за счет сложных техник и многочисленных приправ: хорошо изжаренные говядина или пулярка, приготовленная на пару рыба вполне могли составить основу обеда, если к ним подобрать нужный соус. Такими «простыми» блюдами не пренебрегает и аристократическая кухня, «потому что в поваренном искусстве все зависит от качества припасов и приготовления, простое превращается приготовлением в изящное», – пишет метрдотель герцога Лейхтенбергского Игнатий Радецкий. Приготовление соуса составляет, наверное, основной талант начинающего повара наряду с умением правильно обжарить мясо и не переварить рыбу. «Каждый соус требует постоянного помешивания и подправки, чего в русской

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Меню обеда
в доме
Юсуповых.
Москва.
8 июля 1893 года.
Художник –
великая княгиня
Елизавета
Федоровна

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Французский ресторан (Restaurant de Paris) «Кюба» на углу Морской и Кирпичного переулка в Петрограде

осетрина в шампанском, и рябчики под соусом – блюда русской кухни. Из характерных национальных блюд чаще всего готовят супы и пироги. На щи и борщи идет все тот же заранее заготовленный крепкий французский бульон. С рыбными супами сложнее: для хорошей наваристой ухи требуется бульон из ерши, непривычный для современных поваров. Кстати, в то время бульоны было принято осветлять до прозрачности; тут не поможет одна лишь привязанная к перевернутой табуретке салфетка: процесс осветления требует яичных белков и сырого фарша (или икры) для «оттягивания муты» на последнем этапе варки бульона. Что же касается пирогов, то рецепты многих из них не слишком изменились за прошедшие годы. Однако повару XIX века нужно было обладать умением работать с духовым шкафом на дровах. Хотя, конечно, для пирогов лучше всего подойдет русская печь, часто встречавшаяся в Петербурге позапрошлого столетия. О том, как правильно определить нагрев печи, сохранилось множество инструкций. Вот одна из них, принадлежащая перу англичанки миссис Блэк:

1. Если лист бумаги, брошенный в печь, сгорает, значит, печь раскалена.
2. Если бумага приобретает темно-коричневый цвет, значит, в печи можно выпекать сдобу.
3. Если бумага становится светло-коричневой, можно печь пироги.
4. Если бумага темно-желтая, можно печь кексы.
5. Если бумага светло-желтая, можно готовить пудинги и печеные.

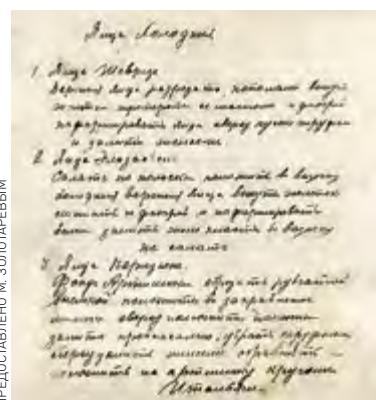
Как видно из всего вышесказанного, старинная кухня была трудоемкой и утомительной. Она требовала немалого времени для приготовления заготовок и качественного исполнения блюд, поэтому никак не могла превратиться в хобби, в занятие массовое и любительское. Однако жаль, что вернуть ее на повседневный стол XXI века уже вряд ли удастся. ☩

печи делать нельзя, а потому соус может выйти такой, что и хорошую провизию сделает никуда не годной», – советует одна из гастрономических инструкций. Хотя соусов великое множество, база большинства из них одна и та же: пережаренная на сливочном масле мука (так называемые белая и красная подпалка), бульон, вино или уксус – любовь к кислому вкусу характеризует старую кухню. К этой основе добавляются ароматические ингредиенты: лук-шалот, трюфеля, ветчина, лимонная цедра, мадера, шампиньоны, каперсы и пр. Иногда для приготовления соуса вполне достаточно загустить мукою и разбавить бульоном тот сок, что выделяется при жарке или тушении мяса. Главное в таком соусе – не готовить его заранее и подавать теплым, чтобы ароматы не успели выветриться. В роли льезона помимо жареной муки часто выступают и загущенные желтки и сливки. В таких случаях соус необходимо взбивать на водяной бане. Желтки, сбитые с прованским маслом и уксусом на льду, составляют соус «провансаль» – основу закуски «майонез», закуски «оливье» и прочих холодных закусок перед обедом.

О том, как создавать блюда на французский манер, пользуясь комбинациями готовых моделей из бульонов и соусов, рассказывают записные книжки Николая Хвостова – повара Федора Шаляпина. Он радовал великого русского певца сотнями разнообразных блюд с вычурными

французскими названиями, за которыми часто скрываются почти идентичные комбинации. Например, для яиц «Дантен» необходимы яйца пашот, соус «сюпрем», томаты и крутоны. Для яиц «Тонбельян» томаты нужно заменить на обжаренные белые грибы, а крутоны – на тарталетку. Консоме «Кресси» требует плотного бульона и кнелей (клецки из нежного перетертого и взбитого фарша) с добавлением морковного пюре, а если в кнели мы добавим пюре из шпината, то консоме уже назовется «Флорентин». Такая система заготовок очень подходила и для ресторанных дела. Не зря Николай Хвостов прошел хорошую школу в знаменитом французском ресторане «Кюба».

Но не одной французской кухней будет сыт старорежимный петербуржец. Русская кухня продолжает составлять основу меню почти всех сословий. В представлении тех лет русская кухня – это прежде всего русские продукты и специалитеты, поэтому и

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иллюстрация с готовыми блюдами из книги И.М. Радецкого «Санкт-петербургская кухня» (С.-Пб., 1862)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Страница из тетради повара Ф. Шаляпина Николая Хвостова

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ВЛАСТИТЕЛИ ПРИИРТЫШСКИХ СТЕПЕЙ

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

«ОТЕЦ ИСТОРИИ» ГЕРОДОТ, ОПИСЫВАЯ ЖИЗНЬ ВАРВАРСКИХ ПЛЕМЕН В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ, ОПИРАЛСЯ НА РАССКАЗЫ ГРЕЧЕСКИХ КУПЦОВ. К ПРИМЕРУ, ОПИСЫВАЯ НАРОД ИИРКОВ, ОН ОСОБО ОТМЕЧАЕТ ИХ СПОСОБ ОХОТЫ: «ОХОТНИК СИДИТ В ЗАСАДЕ, ВЗОБРАВШИСЬ НА ДЕРЕВО, А ДЕРЕВЬЯ ТАМ В ИЗОБИЛИИ РАСТУТ ПО ВСЕЙ СТРАНЕ. КАК ТОЛЬКО ОХОТНИК УВИДИТ С ДЕРЕВА ЗВЕРЯ, ОН, ВЫСТРЕЛИВ ИЗ ЛУКА И СЕВ НА КОНИ, УСТРЕМЛЯЕТСЯ В ПОГОНЮ, А СОБАКА СЛЕДУЕТ ЗА НИМ».

Дальше Рипейских гор (Урала) путешествовал только Аристей, сын Каистробия, муж родом из Проконесса. Он поведал, что у подножия этих гор жили аргиппеи, пившие вино из дикой вишни. Далее к востоку расселялись исседоны, известные особым почитанием предков и делавшие чаши из черепов своих вождей. Еще дальше обитали аримас-

пы, что в переводе с иранского означает «прекрасноконные». А ближе к Алтаю жили то ли люди, то ли чудовища, которых звали «стерегущими золото грифами»...

После многолетних раскопок на Урале и в Сибири ученые предполагают, что аргиппеи – это южноуральские саки, а исседоны – расселявшиеся в долинах Тобола, Исети и Миасса носители так называемой горохов-

ской культуры и сарматы. Соответственно, восточные соседи гороховцев могут быть ариамасами. И, возможно, именно о них Аристей писал: «Эти люди живут вверху (на севере) в соседстве с Бореем, они многочисленные и очень доблестные воины, богатые конями и стадами овец и быков. <...> самые могучие из всех мужей». Сегодня о них известно куда больше, чем во времена Геродота.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ

Во времена, когда Солнце было моложе, в Прииртышье жили воинственные племена, находившиеся в шаге от создания государства. Сейчас ученые называют их саргатцами. Это имя было дано им по могильнику у села Саргатского в Омской области, раскопанному в 1927–1928 годах сотрудником краеведческого музея Варварой Левашёвой, сделавшей очень много для становления омской археологии.

В раннем железном веке саргатцы занимали огромную территорию: всю лесостепь от Тобола до Барабы, достигая низовьев Иртыша на севере и предгорьев Алтая на юге. Естественной границей с запада служил Урал. На память о себе они оставили тысячи городищ и курганов.

Саргатцы во многом походили на скотов. Это был союз нескольких лесостепных южно-угорских племен. Саргатская же знать происходила из племен иранских, сумевших утвердить в чуждой среде свой образ жизни и мировоззрение.

Исследователи выяснили, что саргатцы разводили лошадей самых разных пород, а также крупный и мелкий рогатый скот. Занимались рыболовством и охотой, возделывали землю.

– Часть года военные вожди не могли ходить в походы, и тогда их с дружиной нужно было кормить. Для этого делались запасы для людей и запасы для коней. Обществу приходилось напрягаться, чтобы содержать вождя с его отрядом. Это был очень серьезный экономический посыл для того, чтобы развивались хозяйство и экономика. Саргат-

Разнообразные «предметы золото-бирюзового стиля»

Сергей Татауров многое может рассказать о древних жителях Прииртышья

ское городище Богдановка в Горьковском районе Омской области – огромный комплекс для проживания нескольких тысяч человек, фактически город. Там лили бронзу, ковали оружие, обрабатывали сельхозпродукцию, – поясняет заведующий сектором археологии Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН Сергей Татауров.

Саргатские племена вели активную торговлю с Центральной Азией. Сначала – с сопредельными территориями Казахстана, Кангюем и Хорезмом, позднее – с более отдаленными и высокоразвитыми центрами в Семиречье, Фергане, Приаралье.

– Торговые отношения в степном мире были очень развиты. Мы в одном захоронении можем найти янтарь с Балтики и раковины с побережья Тихого океана, предметы с севера Сибири и из Средней Азии. И те, кто пришел позже – гунны, а потом монгольские завоеватели, – шли не наобум, они шли проторенными дорогами, они знали, куда идти и кого там

ИЗ АРХИВА СЕРГЕЯ ТАТАУРОВА

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

встретят, – продолжает рассказ Сергей Филиппович.

Властители прииртышских степей контролировали местный участок Великого шелкового пути, фактически создав там первые таможенные посты. Потому финансовых проблем местная элита не испытывала – золото текло к саргатцам рекой. И позволить они себе могли многое. Из восточноевропейских и приуральских степей сюда привозили бронзовые котлы и глиняные курильницы, из Средней Азии и Казахстана – глиняную посуду. В Сибирь попадали изделия из драгоценных металлов из Ирана и с Алтая, мечи и покрытые черным лаком изделия из ханьского Китая и даже стеклянные бусы из Египта и Финикии.

ГОРОДА ПОЧТИ БЕЗ УКРЕПЛЕНИЙ

Основная масса саргатских поселений была сосредоточена вдоль рек – Иртыша, Ишима, Тобола, Исети и Оми. Городища располагались преимущественно на мысах между овра-

гами, были защищены одним или несколькими валами или рвами. По подсчетам тюменского археолога Натальи Матвеевой, в таких поселениях могло жить от 16 до 20 тысяч человек.

– Саргатцы представляли собой настолько серьезную силу, что эти укрепления были, скорее, традицией. От кого им было обороняться? Боевые действия в Прииртышье ограничивались внутренними противостояниями между вождями, потому мощных укреплений никто не строил, – констатирует Сергей Татауров.

Подобно монголам, в чьих городах исследователи находят только камни, из которых были построены жилища, властители прииртышских степей не боялись никого и ничего.

Что же касается саргатских жилищ, у них была вполне определенная планировка: сени – жилое помещение – хозяйствственные помещения. Три отдельные деревянные постройки (полуземлянки самых разных форм) соединялись длинными коридорами. Выход из-за холодно-

го климата тоже делался в виде длинного коридора. Он мог быть прямым или Г-образным. Строились такие дома, судя по всему, в технике заплата (стена состояла из вертикальных столбов с пазами, в которые вставлялись бревна, плахи или доски) – это позволяло при необходимости разбирать отдельные участки стен и делать пристройки. Очаг мог располагаться где угодно – у стены, у входа, в центре. Большую часть площади такого дома занимали спальные места. Пространство между входом и очагом и место в переходах отводились под полки для утвари.

Зимних помещений для скота в саргатских поселениях не нашли – скорее всего, скот зимовал в том же доме, в хозяйственных помещениях.

СИБИРСКИЕ ПИРАМИДЫ

У саргатцев не осталось письменных или изобразительных памятников, потому поведать об их жизни исследователям могут только предметы, найденные на месте городищ или в погребениях.

Пряжка
с «зеркальными»
грифонами
и чаша
из дальних стран

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Древние украшения были зорким напоминанием о том, что жизнь – это вечная битва

Погребальные комплексы саргатцев, так же как поселения, располагаются группами, цепочками или одиночно – чаще всего по высоким берегам рек. Курганы есть и в самом Омске – на территории телецентра, рядом с телевышкой. Скорее всего, изначально дерновые насыпи больших курганов имели ступенчатую форму. То есть это были своеобразные сибирские пирамиды.

Для своих умерших саргатцы строили своеобразные «дома мертвых» – исследователи отмечают сходство погребальных конструкций могил с жилищами. В «элитных» погребениях встречаются даже погребальные ложа.

В насыпях курганов ученые обычно находят кости животных, керамику, угли – остатки тризны или жертвоприношений. Саргатские племена жили на пространстве, открытом всем ветрам, поэтому они особенно почитали огонь. Он был одним из важных элементов погребального обряда. Но иногда в насыпях оказываются и мечи.

Половина известных курганов окружена округлыми или многоугольными рвами. На Иртыше и Тоболе чаще встречаются замкнутые рвы, среди которых есть двойные, на Ишиме – рвы с двумя входами. Если ровиков два, то они, как правило, расположены один в другом. Над их символическим значением исследователи ломают голову до сих пор.

ЗОЛОТОЙ КУРГАН

Неразграбленных курганов очень мало – их начали раскапывать еще по указу Петра I, найденные ценности «бугровщики» отправляли в Кунсткамеру. Найти нетронутый курган – редкая удача. Но Владимиру Матющенко, основателю омской и томской археологической школы, повезло.

В 1986 году в кургане недалеко от деревни Сидоровка в Омской области, который оказался на территории, предназначенный под распашку, было найдено захоронение молодого мужчины. Он лежал на специальном ложе, головой на север. В ногах стояли котлы с заупокойной пищей и

керамическая фляга, в головах – саргатский сосуд и серебряная чаша. Правее умершего был положен железный панцирь, рядом – принадлежности конской упряжи, копье, золотой колокольчик, наконечники стрел. Эта находка была сделана в самом finale раскопок – одна из могил оказалась двухъярусной: сверху находилось разграбленное женское погребение. Грабители дальше копать не стали, а вот археологи оказались упорней.

Исследователи установили, что захороненный в Сидоровке молодой человек был среднего для саргатских мужчин роста – около 170 сантиметров, европейской внешности. Он был облачен в шелковую рубаху с орнаментом, поверх которой был надет кафтан. Скорее всего, шерстяной – кожа тогда считалась материалом заурядным. Кафтан был красного цвета – любимого тогдашними кочевниками, ведь он символизировал стихию огня. Кафтан скреплял пояс, украшенный золотыми пластинами, на которых сплелись в яростной схватке львы и драконы.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ны. Обут древний воин был в кожаные сапоги без каблука, голенища которых затягивались ремешками с золотыми пряжками, инкрустированными бирюзой. В сапоги заправлялись узкие штаны из грубой шерсти или плотной замши.

Голову представителя высшей воинской аристократии украшал высокий парадный убор из шелка, расшитого золотыми нитями. Да, саргатская знать одевалась в шелк – его часто находят в курганах.

В руки покойного были вложены меч и кинжал в ножнах, покрытых красным лаком. Меч впечатляющий – почти полтора метра длиной. И явно китайский, ведь лак в то время нельзя было перевезти на большие расстояния в жидком виде.

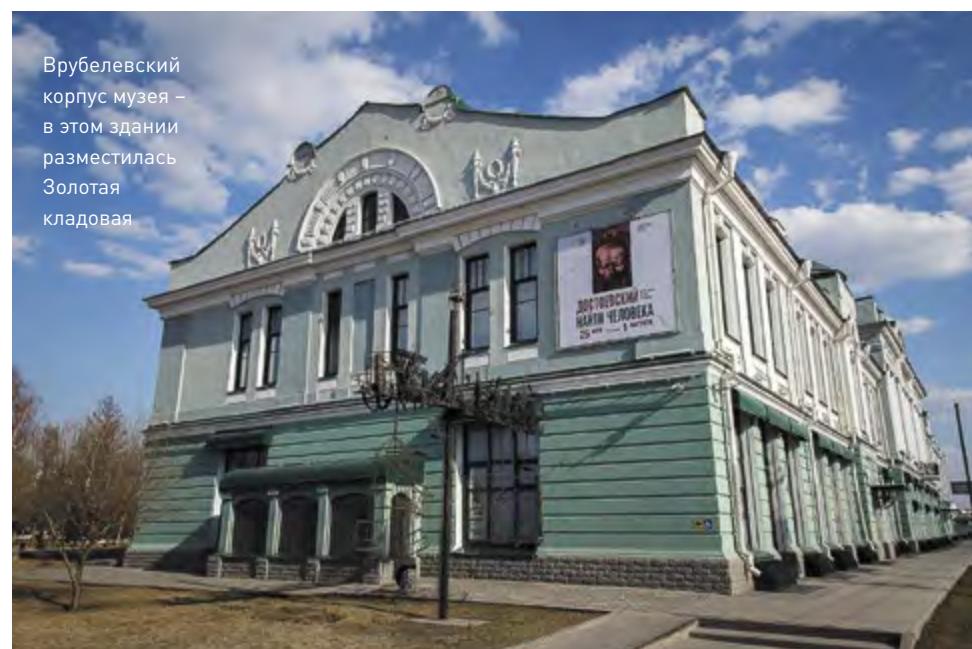
Железный панцирь из пластин былложен рядом. Скорее всего, погребенный был не просто воином, а воином-жрецом. На такую мысль наводит содержание колчана, «по краю расшитого золотой и серебряной проволочкой». В нем помимо 20 стрел, от которых сохранились наконечники, на-

ходились ребро, лопатка и сустав лошади – по-видимому, набор для гадания.

В кургане обнаружили практически все виды оружия, известные в ту эпоху. Как знак особого социального отличия на шею погребенного была надета массивная гривна.

Исследователи проводят параллели между этим погребением

и могилой иранского воина в некрополе Тилля-тепе в Афганистане. Практически совпадают оружие, экипировка, золотые гривны и парадные пояса. А в 1989 году в том же Горьковском районе Омской области возле деревни Исаковка омский археолог Леонид Погодин нашел еще один нетронутый курган...

Б rubelевский
корпус музея –
в этом здании
разместилась
Золотая
кладовая

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АЛЕКСАНДР ВРУБЕЛЬ

Сокровища
властителей
степей

ЗОЛОТАЯ КЛАДОВАЯ ОМСКОГО МУЗЕЯ

Сокровища Сидоровского и Исааковского курганов составили Сибирскую коллекцию, которая хранится в Омском музее изобразительных искусств имени Ермитажной – они очень похожи.

– Вполне может быть, что и сокровища, хранящиеся в Эрмитаже, были найдены на Омской земле. Да, саргатская культура занимала огромную территорию, но в омском Прииртышье находился один из крупнейших ее центров, – рассуждает старший научный сотрудник музея, хранитель коллекции декоративно-прикладного искусства Игорь Глазов.

Саргатских властителей вполне можно было назвать «Золотыми людьми». Эти безымянные военные вожди были не менее блистательными, чем знаменитый «Золотой человек» из Иссыкского кургана в Казахстане. Стены погребальной камеры в Исааковском кургане были увешаны златошвейными покрывалами – олицетворением мудрости, богат-

ства и власти. Кстати, образ золотого богатыря достаточно широко распространен и в иранской, и в угорской мифологии. Золотыми были все атрибуты власти древних вождей – массивная грива, пластины на широком поясе, серьга в левом ухе...

Древние ничего не делали просто так, «для красоты» – любое изображение преследовало какую-то цель. Многие украшения наглядно иллюстрируют известное утверждение, что жизнь – борьба, вечная битва.

На пластинах пояса переплелись в яростной схватке два львиноподобных существа и змей-дракон с гребнем на голове. Видимо, они отражают представления древних о существовании в мире двух противоположных начал – добра и зла, земного и потустороннего. Дракон, кстати, характерно бактрийский (Бактрия – государство, образовавшееся в Средней Азии после походов Александра Македонского). Но его еще нужно разглядеть в переплетении узоров, проще ориентироваться по янтарному красноватому глазу. Но больше всего на пластинах бирюзы: неслучайно такие предметы

еще иногда называют «предметами золото-бирюзового стиля»

На поясных накладках из Исааковки – двугорбый верблюд и какое-то мифическое животное. Морда у него напоминает волка, пятак как у кабана, ветвистые рога как у оленя, когтистые лапы как у хищной птицы.

– Древние создавали образы мифических существ, которых они наделяли выдающимися чертами разных животных. Получилось такое мощное животное, почти непобедимое. Хотя здесь еще неизвестно, кто кого – верблюд тоже отнюдь не «мальчик для битья», – поясняет Игорь Глазов.

Очень интересна и серебряная пряжка с двумя грифонами. Или все-таки с одним? Изображение будто развернуто – получились две зеркальные половинки. Если их соединить – получится объемная фигурка зверя.

Ножны кинжала украшали бляшки с изображением трех уток – птиц водоплавающих, соответственно, связанных со всеми тремя мирами. Они то ли летят, то ли плывут по кругу, напоминая о том, что в мире все циклично и после зимы снова будет весна.

ИЗ АРХИВА СЕРГЕЯ ТАТАУРОВА

Внизу к ножкам подвешивалась фигурка львицы, у которой явно удалась охота. На удачу хозяину кинжала.

А на серебряных бляхах-фаларах, соединявших ремни конской сбруи, дополняя древний бестиарий, свернулся в кольцо загадочный зверь.

– Кто-то считает, что это дракон, кто-то – что грифон. Если мы посмотрим на морду – он больше похож на античного грифона, из тех, что, по легендам, охраняли вход в подземное царство. В то же время у него лапы кошачьего хищника и тигровый хвост. Крылья тоже есть, а тело длинное – мы его условно называем тигровым грифоном.

Неизвестно, поднимались ли серебряные чаши с древнепарфянскими и хорезмийскими письменами на пирах или они предназначались для жертвенных возлияний, были ли это дипломатические дары или военные трофеи. Мы также никогда не узнаем, почему их решили положить в курган. Быть может, этот саргатский вождь был последним в своем роду. Или так решили отметить нечто великое, совершенное им.

ТЯЖЕЛАЯ КОННИЦА ДРЕВНЕГО МИРА

Саргатцы воевали много и часто. Всадники-катафрактарии в тяжелых доспехах сметали все на своем пути. Главным их оружием было длинное копье, которое при атаке воин удерживал двумя руками. Стремяя еще не изобрели, потому всадник держался на лошади за счет силы ног и умелой балансировки корпусом. Атакующий воин разворачивался левым плечом вперед, слегка склонялся к гриве лошади и, держа правой рукой древко за самый его конец, а левой ближе к середине, крепко прижимал копье к бедру. Такой прием позволял наносить удар всей массой коня и всадника. «Когда наступает время битвы, то, ослабив поводья и горяча коня боевым криком, он мчится на противника подобный какому-то железному человеку или движущейся кованой статуе», – писал о персидских катафрактариях античный автор Гелиодор. Главная сила такого воинства заключалась в мощной слаженной атаке.

До рубежа эр жители Прииртыша зависели от привозных ме-

таллов – своей бронзы здесь не было. Но пришел железный век, и положение резко изменилось: ведь буквально под их ногами оказались болотные руды – лимонит, сидерит. Из них ковали мечи, наконечники для стрел и копий... В курганах находят мечи с лезвиями, откованными из двух сваренных друг с другом полос железа. Пока раскаленный металл остывал, мастер проковывал изделие, обрабатывая его поверхность. После этого меч еще раз разогревался, а затем охлаждался на «быстром воздухе». Возможно, знаменитым полулегендарным методом: клинок передавался в руки всаднику, тот мчался на коне, подставляя горячий металл под струи ветра.

Кстати, у мечей иногда делали бронзовые рукояти. Многие исследователи считают саргатскую культуру угровской, а угры считали бронзу сакральным металлом, обладающим священной силой. Умели обращаться с оружием и саргатские женщины – многие из них похоронены с оружием как воины. Причем в большинстве своем это молодые девушки, которым было 18–25 лет.

На раскопках саргатского кургана в Большелеречье в 2021 году

ИЗ АРХИВА СЕРГЕЯ ГАЛАУРОВА

Археологи
продолжают
поиски

ЛЕСОСТЕПНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Разумеется, воинственные саргатцы пытались подчинить себе соседей. На севере, на реке Тобол, жил народ, который археологи относят еще к одной древней культуре – гороховской. Подчиниться гороховцы не пожелали. Ведь у них были очень сильные союзники – сарматы. Противостояние саргатцев и гороховцев длилось полторы сотни лет. Но потом гороховская знать с частью населения ушла к сарматам. Победители заняли их городища и подчинили оставшихся.

У восточных соседей, живших в Барабинской лесостепи, на территории современной Новосибирской области, сильных покровителей не было. К тому же были они людьми сугубо мирными – археологи редко находят в их могилах оружие, поселки их никак не укреплялись. Так что они не сопротивлялись саргатцам и исправно платили дань. А вдоль Оми один за другим появлялись саргатские форпосты. А вот на север, в лес, саргатцы особенно не совались – воевать в тайге они не умели. Лесостеп-

ное противостояние ограничивалось перманентными стычками на приграничной территории. Граница между двумя мирами проходила по реке Таре. На ее берегах археологи находят наконечники копий и стрел.

На пересеченной оврагами и реками, поросшей лесом равнине кавалерия саргатцев оказывалась практически беспомощной. Здесь господствовала пехота – небольшие отряды умелых стрелков, быстро и скрытно скользящих на лыжах зимой, а летом – на легких лодках. Из оружия хозяева северных лесов, названные современными исследователями кулаицами, предпочитали копья. Чем могло бы завершиться это противостояние – неизвестно. Скорее всего, властители степей и хозяева лесов в итоге создали бы в Прииртышье государство, причем весьма своеобразное. Но сделать этого они не успели – началось Великое переселение народов, перекроившее карту мира.

Гунны до Прииртышья не дошли, прошли южнее, но перерезали Великий шелковый путь, и золотой поток – источник богатства

кочевников – иссяк. Часть саргатцев погибла, пытаясь остановить опасных пришельцев, другие ушли на запад и стали предками современных венгров. А остальные отправились на север и, смешавшись с кулаицами, образовали новую культуру – потчевашскую...

Исследования продолжаются, ведь вопросов по-прежнему больше, чем ответов. Уже два года ведутся раскопки в Большереченском районе Омской области, на могильнике Большеречье-1. Два больших кургана – около 40 метров диаметром и несколько метров высотой, – ограбленных несколько раз, все же сохранили для ученых интересные артефакты. Например, в кургане раннего железного века нашли костяной панцирь – предшественник железных доспехов. Кроме того, ученым нужно пересмотреть имеющиеся материалы с использованием новых технологий. Обработать буквально тонны информации. Так что нас несомненно ждут новые открытия. ●

«ТРУД МОЙ ВЕЛИК»

АВТОР
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

МАЛО ТАКИХ КНИГ НА СВЕТЕ, КОТОРЫЕ СТОИЛИ ЖИЗНИ СВОЕМУ СОЗДАТЕЛЮ. И РЕЧЬ НЕ ОБ ИСТРЕБЛЕНИИ АВТОРА ЗА ИНАКОМЫСЛИЕ, НЕ О СОЖЖЕНИИ ЕГО НА КОСТРЕ. ХОТЯ БЕЗ СОЖЖЕНИЯ НЕ ОБОШЛОСЬ. «МЕРТВЫЕ ДУШИ» – ОДНА ИЗ ТАКИХ КНИГ: МЕЖДУ ГИБЕЛЬЮ ВТОРОГО ТОМА В КАМИНЕ И СМЕРТЬЮ АВТОРА ПРОШЛО ВСЕГО 10 ДНЕЙ. О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ, БИОГРАФЫ СПОРЯТ ДО СИХ ПОР. А ТРОЙКА-РУСЬ, ВЫПУЩЕННАЯ В МИР ГОГОЛЕМ, ВСЕ СКАЧЕТ – И ВСЕ ТАК ЖЕ НЕ ДАЕТ ОТВЕТА.

Началась эта история с анекдота. Пушкин рассказал Гоголю историю, слышанную им во время южной ссылки: в бессарабском городе Бендеры на протяжении многих лет не было зафиксировано ни одного умершего, кроме военных. Нет, люди, конечно, там умирали. Но их паспорта отдавали беглым крестьянам, которые приходили в Бессарабию из России в поисках воли. Так город и оказался населен бессмертными людьми.

Скорее всего, Пушкин поделился этой байкой с Гоголем в 1831 году. Так уже было и с сюжетом «Ревизора». Пушкин уговаривал Гоголя взяться за что-то крупное, значительное, написать свой *magnum opus* – вот как Сервантес своего «Дон Кихота». Кстати, самого Пушкина так уговаривали в юности не размениваться на пустяки, а создать русский героический эпос – русскую «Илиаду» или «Одиссею» или свой «Освобожденный Иерусалим» (недаром именно тогда Гнедич, Жуковский и Батюшков взялись за переводы этих поэм. – Прим. авт.). Пушкин, однако, вместо серьезной национальной поэмы создал легкую и насмешливую – «Русслана и Людмилу»; ближе всего в его творчестве к героическо-

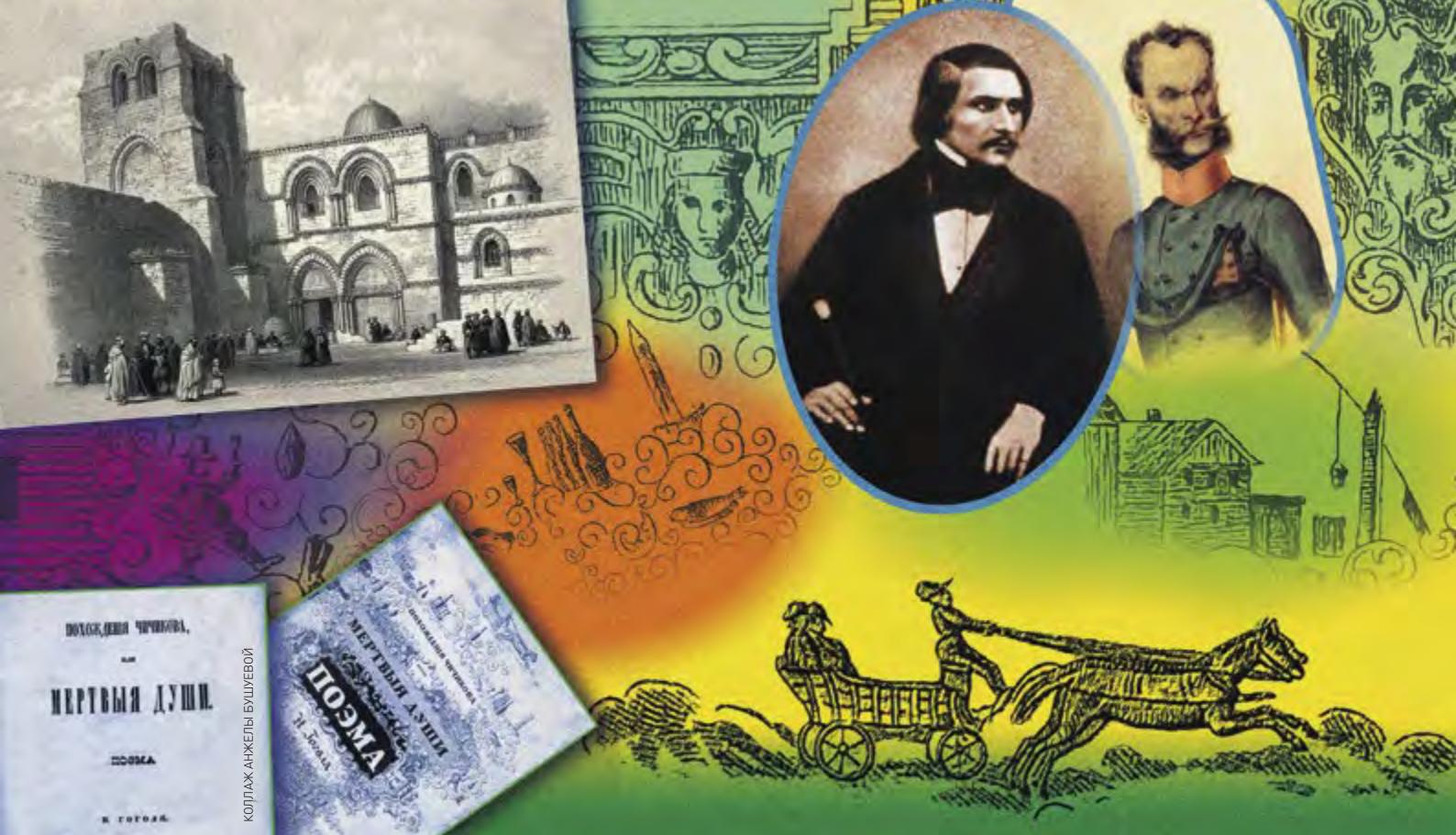
му эпосу, конечно, «Полтава», но основополагающим текстом для русской литературы стала вовсе не она, а «Евгений Онегин». И не в том дело, что в XIX веке зрелой литературе полагалось иметь свой роман, как в XVIII – героическую поэму. А в том, что и Пушкин, и Гоголь никогда не ставили перед собой задач уложиться в четкие жанровые рамки. И «Онегин» оказался не обычным любовным романом, а романом в стихах – «дьявольская разница», и «Мертвые души» выросли в поэму.

ОТКРЫТЬ ЗНАКОМЫЙ МИР

Сначала Гоголь думал, что это будет смешная история. Когда он читал у Сергея Аксакова в Абрамцеве первые главы, слушатели хохотали. Это нам сейчас не так уж смешно: мы уже не узнаем ни этот город, ни гостиницу «известного рода», ни рессорную бричку, ни глазеющих на нее мужиков, ни местного франта с тульской булавкой в виде пистолета. Только если вчитаемся – начнем узнавать провинциальный город в средней полосе России, старую гостиницу – даже с дурацкой дверью в соседнее помещение, ресторан при гостинице – все те же щи и жареная курица, та же сосиска с капустой и соленый огурец. Мы сейчас с трудом, но

все же узнаем эту вечную Россию, а для первых слушателей узнавание было мгновенным и радостным: мы же все это чуть не вчера видели. И как Гоголь умеет описать человека или предмет, ухватить суть, сделать мастерский моментальный набросок – смешной и точный: вот хозяин лавки, чье лицо не отличается от медного самовара, вот черные фраки на балу, как мухи на рафинаде, вот «вытянутые по снурку деревни» вдоль дороги, где каждый дом похож на серую кучу дров под треугольной крышей. Иван Панаев вспоминал, как у Аксаковых слушал «Мертвые души» в чтении Гоголя: «Все были потрясены и удивлены. Гоголь открывал для своих слушателей тот мир, который всем нам так знаком и близок, но который до него никто не умел воспроизвести с такою беспощадною наблюдательностью, с такою изумительной верностью и с такою художественною силою... И какой язык-то! язык-то! Какая сила, свежесть, поззия!.. У нас даже мурашки пробегали по телу от удовольствия».

Аксаков писал: «Слова самого Гоголя утверждают меня в том мнении, что он начал писать «Мертвые души» как любопытный и забавный анекдот; что только впоследствии он узнал,

говоря его словами, «на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначащий сюжет»; что впоследствии, мало-помалу, составилось это колossalное создание, наполнившееся болезненными явлениями нашей общественной жизни; что впоследствии почувствовал он необходимость исхода из этого страшного сорища человеческих уродов, необходимость – примирения».

Гоголь, человек глубоко и искренне верующий, очень серьезно относился к своему предназначению – так же, как и Пушкин, кстати. Талант – это не только легкий и счастливый дар, но и бремя сродни бремени пророческому. И опыт обличения у него уже был: он уже пытался собрать в одном месте, в одном тексте об одном городе все человеческие пороки и обличить их разом, чтобы люди прозрели и покаялись. Но публика восприняла «Ревизора» как смешную социальную комедию – и не поняла ее метафизического значения. А ведь Гоголь глубже и классицистов, обличающих человеческие пороки, и последователей своих, принадлежащих к «натуральной школе», к «гоголевскому направлению»: они обличают социальные язвы, а он волнуется о бессмертной человеческой душе.

РУССКАЯ «ОДИССЕЯ» И РУССКИЙ «АД»

Он поставил себе задачу сложную, практически невыполнимую. И, конечно, ориентировался на Данте, на три части его «Божественной комедии»: «Ад», «Чистилище» и «Рай». Как Данте путешествовал по кругам ада, так Чичиков кружил по России, а вместе с ним кружил читатель, разглядывая мелькающие мимо него лица второстепенных персонажей, всматриваясь в помещиков. А помещики все больше теряли человеческий облик: если Манилов еще вполне его сохранил, то Собакевич уже больше похож на медведя, чем на человека, а Плюшкин вовсе ни на что не похож – на гору тряпья, на «прореху на человечество».

Дмитрий Быков видит в этом кружении не столько спуск вниз дантовской воронки, сколько путешествие Одиссея от острова к острову, от одной опасности к другой: так, Манилов оказывается сиреной, заманивающей путников, Коробочка – Цирцеей, превращающей людей в свиней, Собакевич – циклопом, а Ноздрев – легким Эолом, который сбивает странствующих с пути. В конце путешествия герой возвращается восвояси, не приобретая ничего, кроме опыта. И конечно, в этом есть свой резон: по своей структуре первый том «Мертвых душ» – типичный эпос странствия с его сюжетом, подобным «нитке бус»:

дорога ведет героя от одного эпизода к другому, как нить соединяет бусины. Так сказочный Иван следует за клубком, так хоббит несет кольцо в Мордор. Одиссей возвращается домой, «пространством и временем полный»; сказочный Иван женится на царевне, Фродо спасает мир. А разоблаченный Чичиков в конце первого тома уезжает в никуда – и птицатройка несется, и никто не знает, куда она несется.

Ни покаяния, ни обновления – одна надежда.

Для христианина невозможно оставить грешника погибать без надежды на спасение. Второй том должен был показать покаяние грешника. Третий – новую жизнь преображеной, обновленной души. Может быть, поэтому замысел и оказался неудачным: ад вообразить и изобразить легко. Покаяние – трудно, но возможно. А как изобразить новую жизнь, если ты ее не видишь? Как вымечтать рай на земле? Как создать убедительную утопию? Художественный дар Гоголя и его пророческая миссия вступили в противоречие – и второй том, уже готовый к печати, отправился в камин. Русская божественная комедия не состоялась. Зато состоялся национальный эпос – не там, не так и не такой, какого ожидали классицисты и романтики; получилась наша русская «Одиссея» с нашим русским хитроумным героем.

СВЯЩЕННОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Гоголь взялся за перо осенью 1835 года. 7 октября писал Пушкину: «Начал писать Мертвых душ. Сюжет растянулся на пре-длинный роман и, кажется, будет сильно смешон».

Общеизвестно, что когда он стал читать этот смешной роман Пушкину, тот становился все мрачнее и мрачнее – и наконец произнес: «Боже, как грустна наша Россия». Летом 1836 года Гоголь надолго уехал за границу. Ему не жилось в Петербурге – он страдал ипохондрией и меланхолией, вечно чувствовал себя больным, тосковал. Им постоянно владела охота к перемене мест: нигде он не был дома, а вот в дороге он чувствовал себя хорошо. Он был любопытен и жаден до впечатлений, живых подробностей жизни, новых картин. Один из гоголевских спутников, ездивших с ним по России, вспоминал, что Гоголь про каждый сорванный цветок рассказывал, как он называется и чем полезен, а на каждом постолом дворе подробно расспрашивал хозяев и слуг об их жизни. Заметим, именно так ведет себя Чичиков, беседуя со старухой-трактирщицей: «Герой наш, по обыкновению, сейчас вступил с нею в разговор и расспросил, сама ли она держит трактир, или есть хозяин, и сколько дает доходу трактир, и с ними ли живут сыновья, и что старший сын

холостой или женатый человек, и какую взял жену, с большим ли приданым, или нет, и доволен ли был тесть, и не сердился ли, что мало подарков получил на свадьбе, – словом, не пропустил ничего». В его записных книжках – множество самых пестрых сведений обо всем: от списков диалектизмов, картежных терминов, названий рабочих профессий до цен на хлеб или сведений о кошачьей ярмонке в бывшем монастыре. «Сороконедужница, душистая трава, принадлежит к мятым». «Шишига – чорт в Симбирской губернии». «Гуляфная вода – розовая вода, употребляемая старыми барынями, вместо одеколона, для умывания рук». Гоголю так важна всякая подробность, что в «Мертвых душах» своя история – пусть коротенькая, пусть в двух строках – есть даже у маниловского петуха, «который, несмотря на то что голова продолбена была до самого мозгу носами других петухов по известным делам волокитства, горланил очень громко и даже похлопывал крыльями, обдерганными, как старые рогожки».

Гоголь пожил в Швейцарии, в Германии, во Франции. В Париже его застало известие о смерти Пушкина, совершенно его ошарашившее. Он писал поэту и критику Ивану Плетнёву: «...Никакой вести хуже нельзя было получить из России. Все наслаждение моей жизни, все мое высшее наслаждение исчезло вместе с ним. Ничего я не предпринимал без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его перед собою... Боже! Нынешний труд мой, внущенный им, его создание... я не в силах продолжать его». Но он чувствовал себя обязанным продолжать работу: «Я должен продолжать мною начатый большой труд, который писать с меня взял слово Пушкин, которого мысль есть его создание и который обратился для меня с этих пор в священное завещание», – сказано в письме Гоголя Жуковскому.

Работу над поэмой Гоголь продолжил в Италии, где поселился весной 1837 года. В Риме он прекрасно себя чувствовал: здесь душа егоправлялась и наполнялась гармонией, здесь было тепло и солнечно, как в родных краях. Путешествия и жизнь в Италии требовали расходов; жить писателю было особо не на что, хотя он много работал. Но для того, чтобы получить доход от книги, надлежало ее закончить, провести через цензуру, издать, продать. Жуковский выхлопотал для него пособие у царя, Гоголь влез в огромные долги. Но возвращаться в Россию не стремился: ему казалось, что он лучше видит ее издалека, что отсюда он может охватить ее взглядом во всей целостности и полноте.

ПОХОЖДЕНИЯ РУКОПИСИ

В Россию он ехать не хотел, но нужно было забирать подросших сестер из института и както пристраивать их во взрослой жизни. В этот приезд он читал рукопись поэмы у Аксаковых, потом уехал в Петербург, там читал Жуковскому. А потом вернулся в Рим – заканчивать работу над первым томом и готовить его к печати. К концу лета 1841 года работа была окончена, и осенью Гоголь снова приехал в Россию. Теперь рукопись надо было проводить через цензуру. Тут-то и начались мытарства. Цензор Снегирев, которому Гоголь очень доверял, прочитал поэму и не нашел в ней ничего предосудительного. Но потом вдруг переменил мнение и отдал ее в Московский цензурный комитет. Тот рассмотрел вопрос об издании «Мертвых душ» 12 декабря – и решил, что издавать поэму нельзя. Гоголь послал еще один экземпляр в Петербургский комитет, передал через Белинского – и заодно попросил сразу нескольких друзей похлопотать о судьбе поэмы. В январе 1842 года он писал Владимиру Одоевскому: «Рукопись моя запрещена. Проделка и причина запрещения все смех и комедия. Но у меня вырывают мое последнее имущество. Вы должны употребить все силы, чтобы доставить рукопись государю». «Вырывают мое последнее имущество» – значит, лишают возможности опубликовать книгу и получить за нее гонорар.

Гоголь ядовито описывал «комедию», которая разыгралась в цензурном комитете: Голохвастов возражал против названия «Мертвые души», ибо душа бессмертна, а «автор вооружается против бессмертья». А про ревизские души и подавно нельзя писать – «это против крепостного права». А похождения Чичикова – уголовное преступление, теперь все будут брать с него пример. «В одном месте сказано, что один помещик разорился, убирая себе дом в Москве в модном вкусе. Да ведь и госу-

дарь строит в Москве дворец!» – сказал цензор (Каченовский), – негодовал Гоголь.

В Петербурге, однако, цензор Никитенко подписал книгу к печати почти безболезненно, но с условием смены заглавия и без «Повести о капитане Копейкине». В оригинальном варианте повести капитан, ставший на войне инвалидом, остается без пенсии и приезжает в Петербург хлопотать у начальства, чтобы не умереть с голоду. Его нигде не принимают, он доходит до министра – а потом, отчаявшись, уходит в разбойники. Повесть оказалась «непроходной» из-за ее острого социального звучания и критики властей. Гоголь совершенно не был готов еюожертвовать: он считал повесть лучшим местом первого тома и полагал, что без нее в тексте об разуется прореха, которую он ничем не сможет заделать. Поэтому он стал смягчать текст: теперь получалось, что Копейкин попал в тяжелое положение из-за собственных излишеств: его подвело желание есть вкусно и дорого, приобщиться ко всем столичным благам и соблазнам. Вместо министра появился просто «вельможа», даже саму фамилию Копейкин Гоголь был готов заменить на «какого-нибудь Пяткина»: ведь «вор Копейкин», знаменитый разбойник – известный персонаж народных песен, похожий на Стеньку Разина. Впрочем, фамилию получилось оставить.

А вот заглавие пришлось заменить на «Похождения Чичикова, или Мертвые души»; раз «похождения» – значит, авантюрный роман, с автора взятки гладки. На обложке, по наставлению Гоголя, первая часть названия была написана мелко, вторая – крупно.

ГОЛОВА ГОТОВА, ДУША НЕТ

В 1842 году книга вышла в свет тиражом 2400 экземпляров. Гонорар ушел на оплату долгов. Гоголь перед отъездом оставил критику Степану Шевыреву пе речень кредиторов: «Первые вырученные деньги обращают

ся в уплату следующим: Свербееву – 1500, Шевыреву – 1900, Павлову – 1500, Хомякову – 1500, Погодину – 1500. Выплачивать прежде тому, кому будут нужны. Выплативши означенные деньги, выплатить следующие мои долги: Погодину – 6000, Аксакову – 2000». Выплаты были окончены в следующем году.

А Гоголь опять уехал за границу. Теперь его ждала работа над вторым и третьим томами. А что значила для него эта работа, можно понять из его письма давнему другу Данилевскому: «Через неделю после этого письма ты получишь отпечатанные «Мертвые души», предвведение немногого бледное той великой поэмы, которая строится во мне и разрешит, наконец, загадку моего существования».

В 1845 году он скончался рукопись второго тома – получалось не то, что он хотел. А хотел он чего-то небывалого. О своей работе писал: «...грех, сильный грех, тяжкий грех отвлекать меня! Только одному неверующему словам моим и недоступному мыслям высоким позволительно это сделать. Труд мой велик, мой подвиг спасителен. Я умер теперь для всего мелочного».

Он должен был служить Богу своим словом. После тяжелой болезни, опасаясь не успеть сделать все самое важное, он решил перейти к прямой проповеди и выпустил книгу «Выбранные места из переписки с друзьями». В ней он принял суровый тон наставника, духовного учителя – весьма свойственный, вероятно, религиозной литературе, входившей в круг его чтения, но с неприятным изумлением воспринятый и светским читателем, и даже близкими друзьями. Гоголя мучил провал этой выстраданной им книги; он раскаивался, смиренно принимал критику, печально выражал разъяненному Белинскому, который обвинял его в религиозном фанатизме и ненужной проповеди смирения.

Тяжело пережив неудачу, он размышлял о том, как продолжать свое служение. Для того чтобы создать великую поэму, в которой говорится о преображении человеческой души, о нравственном воскресении, он должен был найти в себе духовные силы. Но для этого и сам он должен был нравственно очиститься. Для этого нужен был новый духовный опыт – и Гоголь решил отправиться в паломническую поездку в Иерусалим. Гоголевед Игорь Золотуский так рассказывает о смысле этой поездки: «Ему хотелось вернуться в Россию чистым. Он убеждал себя в том, что не готов к написанию второго и третьего тома поэмы, потому что душа еще не готова. «Голова готова, а душа нет», – прибавлял он. Что это значило? Это значило, что, для того чтобы показать светлое (светлых героев в противовес темным героям первой части), надо и самому просветлиться, сделаться достойным изобразить светлое. Перед Гробом Господним, находящимся в Иерусалиме, он хотел испросить себе право на такое писание. Как искренне верующий и христианин, он мог испросить такое право в любой церкви. Но Гоголю нужна была почти «очная встреча» с Христом. Вот почему он поехал в Иерусалим. Только здесь, как считал он, он может проверить себя».

После долгих странствий по Европе – Германия, Италия, Швейцария, снова Германия, Франция – он отправился на Восток. О своем посещении Гроба Господня Гоголь писал Жуковскому так: «Все это было так чудно! Я не помню, молился ли я. Мне кажется, я только радовался тому, что поместился на месте, так удобном для моленя и так располагающем молиться. Литургия неслась, мне казалось, так быстро, что самые крылатые моленя не в силах бы угнаться за нею. Я не успел почти опомниться, как очутился перед Чашей, вынесенной священником из вертепа для приобщения меня, недостойного...»

Гоголь не очень охотно рассказывал об этой поездке. Писал своему духовному наставнику отцу Матфею Константиновскому: «Скажу вам, что еще никогда я не был так мало доволен состоянием сердца своего, как в Иерусалиме и после Иерусалима. Только разве что больше увидел черствость свою и свое себялюбие – вот весь результат». Но прибавлял еще: «Была одна минута...» – и тут же одергивал себя: мол, искушатель близко, «хожу опасно». «Бlestит вдали какой-то луч спасенья: святое слово любовь. Мне кажется, как будто теперь становятся мне милее образы людей, чем когда-либо прежде, как будто я гораздо больше способен теперь любить, чем когда-либо прежде...».

Друзья вспоминали, что из этой поездки он вернулся умиротворенным, очень спокойным, смягчившимся.

ЗАГЛЯНУТЬ В БУДУЩЕЕ

Он снова взялся за второй том. Теперь он думал, что писать книгу о России надо в России. Вернувшись, он жил то у матери в имении под Полтавой, то в Калуге у фрейлины императорского двора Александры Смирновой-Россет, то в Одессе. Наконец, окончательно поселился в Москве в доме своего друга Александра Толстого, тоже духовного чада отца Матфея. Ученые до сих пор спорят, какое влияние оказывал отец Матфей на Гоголя: одни называют его фанатиком, который едва ли не вынудил Гоголя отказаться от светской литературы, другие полагают, что он был обеспокоен не столько литературной, сколько духовной жизнью Гоголя. Впрочем, есть свидетельства, что отец Матфей требовал, чтобы Гоголь отрекся от Пушкина, чего тот сделать никак не мог. И его суровый аскетизм наверняка повлиял на тот образ жизни, который Гоголь выбрал для себя в последний год жизни: у него практически не было ничего своего, он мало ел, часто постился... После его смерти обна-

ружили у него 2 тысячи рублей, предназначенных для раздачи малоимущим, и 170 рублей своих денег, ничего больше.

Написанные главы второго тома Гоголь показывал друзьям; они говорили, что это прекрасно. Глав было 11, как и в первом томе – а, стало быть, в трех томах их должно было стать 33. Может быть, тут тоже сказалась ориентация на «Божественную комедию»: в двух ее частях по 33 песни, только «Ад» по причине своего несовершенства вмещает 34; итого 100.

Некоторые главы он показал отцу Матфею, тот отнекивался, мол, ничего не понимаю в светской литературе, но потом прочитал. И посоветовал Гоголю их не печатать, а уничтожить: осмеют ведь хуже, чем за «Выбранные места». «Выбранные места» ему, кстати, тоже не понравились, и он корил Гоголя за самозваное учительство. Во втором томе его неудовольствие вызвало изображение священника и губернатора – таких не бывает, сказал он. Отец Матфей рассказывал уже после смерти Гоголя, что никогда не запрещал ему писать светских произведений, но советовал изобразить людей добрых: «Он взялся за это дело, но неудачно». Хотя Сергей Аксаков, прослушав некоторые главы второго тома в авторском чтении, потрясенно делился с сыном Иваном: «До сих пор не могу еще прийти в себя... Такого высокого искусства: показывать в человеке пошлом высокую человеческую сторону, нигде нельзя найти... Теперь только я убедился вполне, что Гоголь может выполнить свою задачу, о которой так самонадеянно и дерзко, по-видимому, говорит он в первом томе...»

Гоголь, однако, сомневался в себе. Поэтому так стремился получить оценку тех, чьим мнением дорожил. Даже просил Александра Толстого показать рукопись митрополиту Филарету. Тот просьбу не выполнил, опасаясь за душевное состояние писателя, в случае если митрополит не одобрит.

Может быть, Гоголь понимал, что у него не выходит та великая книга, которую он задумал. А может быть – что и весь замысел был ошибкой. Он не мог не понимать своим художническим чутьем, что нельзя убедительно и реалистично изобразить то, чего еще не существует, теми литературными средствами, которые еще не изобретены. Многое из того, что он только наметил во втором томе, сделали другие. Не до конца придуманный и прописанный ленивый барин Тентетников воскрес в Обломове. Полковник Кошкарев, учинивший у себя в имении крючотворство и бюрократию, обернулся персонажами Салтыкова-Щедрина. Даже толковые хозяйственники и промышленники вроде Костанжгло – и те нашли себе место в литературе во второй половине XIX века. И, конечно, самая главная для Гоголя тема покаяния и обновления души воплотилась у Достоевского и Толстого. Толстой, кстати, создал второй национальный эпос – эпос войны, русскую «Илиаду».

Гоголь смог заглянуть далеко вперед, но не смог описать в поэме ту Россию, которой еще не было. Смог разглядеть глубину человеческого падения, но не смог рассказать, как душа восстать из мертвых. Увидел,

как несется тройка-Русь, – но как было понять, куда она летит, свалится ли под откос или взлетит как птица? Он, кажется, истощил все собственные человеческие силы в попытке опередить свое время и надорвался.

БЕСКОНЕЧНАЯ ПЕСНЯ

Еще в январе 1852 года он был бодр и спокоен, но скоро все изменилось. Умерла сестра его друга, поэта Николая Языкова, Екатерина Хомякова, жена публициста и философа Алексея Хомякова. Ей было всего 35 лет, ее смерть потрясла Гоголя. Но на похороны он не поехал, а поехал почему-то в Сокольники. Некоторые исследователи считают, что он хотел повидаться со знаменитым юродивым Иваном Корейшей (см.: «Русский мир.ru» №5 за 2016 год, статья «Московский пророк». – Прим. ред.), которого содержали в Преображенской больнице, но, приехав туда, не решился на посещение.

За неделю до Великого поста Гоголь начал говеть; он ел совсем мало, слабел, друзей, которые его уговаривали не истязать себя, не слушал: он уже знал, что умирает, и готовился к этому. В ночь с 11 на 12 февраля он сжег рукопись второго тома. Рукопись плохо горела, и он специально поджигал с углов каждую тетрадь. Утром

сказал графу Толстому, что хотел сжечь только ненужные бумаги, но под действием злого духа сжег все. Впрочем, он говорил еще, что во всем полагается на волю Божию: если нужно этой книге быть, она будет, если не нужно – не будет.

До сих пор неизвестно, чем он был болен. Некоторые современники считали, что он решил заморить себя голодом. Врачи диагностировали менингит. Гоголь отказывался от лечения, говорил, что ему и так хорошо, просил оставить его в покое. Насильственное – и довольно варварское по нынешним меркам – лечение привело только к резкому ухудшению состояния: вечером 20 февраля Гоголь потерял сознание и утром 21-го скончался.

А «Мертвые души» так и остались бы гоголевским «Адом», если бы не та любовь, которая в них вложена – ко всем этим серым избам и бестолковым мужичкам, к пьяному кучеру и бараньему боку с кашей, к величавому плюшкинскому саду и бесконечной дороге, по которой несется неведомо куда птица-тройка. Если бы не тоска по настоящей России, не волшебная музыка, которой звенят лирические отступления, не авторская печальная улыбка, не «бесконечная, как Русь, песня».

Портрет
А.Н. Скрябина.
Рисунок
Р. Штерля.
1911 год

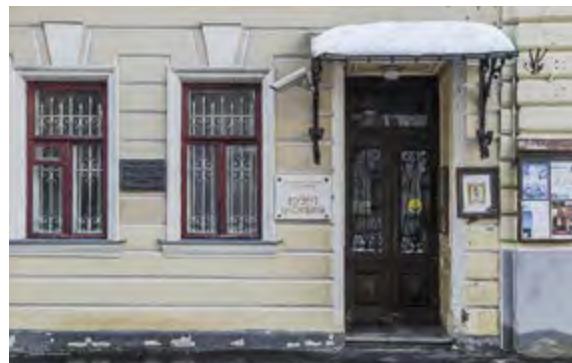
М

УЗЫКА АЛЕКСАНДРА

Николаевича Скрябина будет звучать на всех серьезных концертных площадках в 2022 году, который посвящен 150-летию со дня рождения композитора. Одна из таких площадок – Мемориальный музей А.Н. Скрябина в Большом Николопесковском переулке. До революции хозяином этого двухэтажного особняка был приват-доцент Московского университета филолог Аполлон Грушка. Он жил на первом этаже, а второй сдавал в аренду. В 1912 году здесь поселился Скрябин вместе с гражданской женой Татьяной Шлётцер, ее матерью, своей тетушкой Любовью Александровной Скрябиной и детьми – Ариадной, Юлианом и Мариной. Здесь же в апреле 1915 года оборвалась жизнь великого русского композитора...

Музей открылся в июле 1922 года. Немалая заслуга в этом принадлежит Аполлону Грушке, содержавшему квартиру, в которой жил Скрябин, и не допустившему подселения в нее жильцов, что было обычной практикой после революции. Помог и глава Наркомпроса Анатолий Луначарский, выдавший в августе 1918 года Татьяне Шлётцер документ о неприкословенности квартиры. Татьяна Шлётцер числилась заведующей музея, составила полную опись предметов, но до официального открытия она не дожила, скончавшись в марте 1922 года в возрасте 39 лет. Первым директором нового музея был назначен Сергей Иванович Каштанов.

Вход в Мемориальный музей А.Н. Скрябина в Большом Николопесковском переулке, дом 11 в Москве

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАНТИК

АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

ЕГО НАСЛЕДИЕ – БОЛЕЕ 200 МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ. ЕГО 24 ПРЕЛЮДИИ НАЗЫВАЮТ ЭНЦИКЛОПЕДИЕЙ МУЗЫКАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ. ИСПОЛНЕНИЕ ЕГО СОЧИНЕНИЙ ВХОДИТ В ОБЯЗАТЕЛЬНУЮ ПРОГРАММУ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА ИМЕНИ П.И. ЧАЙКОВСКОГО. ЕГО ТИТАНИЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ МОГЛИ ПЕРЕВЕРНУТЬ ВСЮ МИРОВУЮ МУЗЫКАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ, ОДНАКО ИМ ПОЛОЖИЛА КОНЕЦ СМЕРТЬ КОМПОЗИТОРА В 43 ГОДА.

го университета, обвенчался с ней и осел в Саратове, зарабатывая на жизнь адвокатурой. Любовь Петровна продолжала гастролировать, талантом ученицы известного пианиста Теодора Лешетицкого восхищались Антон Рубинштейн и Петр Чайковский. За пять дней до поездки на Рождество в Москву она дала последний концерт. В поезде Любови Петровне, которая была на последнем месяце беременности, стало плохо. В дом свекра ее пришлось вносить на руках. 25 декабря 1871 года (6 января 1872 года по новому стилю) в Москве, в доме у Покровских казарм, появился на свет Александр Николаевич Скрябин.

В апреле 1873 года Любовь Петровна скончалась от туберкулеза. Николай Александрович оставил Сашу своей матери Елизавете Ивановне и сестре Любови Александровне, а сам, окончив юрфак, поступил на кафедру восточных языков при Азиатском департаменте. Затем служил в российских посольствах в разных странах. Он снова женился, во втором браке у Николая Александровича родилось пятеро детей. Со своим первенцем отец виделся лишь во время редких поездок в Москву.

Саша рос под неусыпной заботой бабушки и тети, а также своей крестной – Марии Ивановны Подчертковой, родной сестры Елизаветы Ивановны. Шуринька, как называли его дома, не любил игрушки, рано выучился читать и писать, на его рабочем столике всегда лежали цветные карандаши и бумага. Он был равнодушен к сказкам, зато любил сочинять сам. В 7 лет ему подарили детский складной театр. Саша писал «драмы», рисовал декорации и устраивал дома представления. Он радовался, когда ему дарили музыкальные инструменты, у него было множество свистулек, дудочек и даже маленькая шарманка. В 3 года Саша одним пальчиком стучал по клавишам рояля, в 5 лет – играл уже обеими руками, на слух подбирал

ТАЛАНТЛИВЫЙ СИРОТА

На Рождество 1871 года в московском доме отставного полковника Александра Ивановича Скрябина ждали гостей: из Саратова должны были приехать сын Николай и его жена. Ждали с нетерпением и волнением. Женитьбу Николая Александровича на дочери художников Императорского фарфорового завода из мещан семьи дворян Скрябиных не одобряла. Едва познакомившись с талантливой пианисткой Любовью Щетининой, Николай, бросив юридический факультет Петербургско-

Гостиная
в доме
композитора

Юный кадет
Саша Скрябин
со своим отцом,
дипломатом
Н.А. Скрябиным.
1882 год

мелодии и сочинял что-то свое. Тогда же у него появилась скрипка. В 7 лет, встретив на одном из детских праздничных вечеров девочку Лизу, Саша был так очарован, что написал однотемную оперу, от которой уцелело лишь несколько черновых набросков. В 1879 году Любовь Александровна решила показать племянника знаменитому пианисту и композитору Антону Рубинштейну, который, по ее воспоминаниям, был поражен талантом мальчика.

Дома Саша часами сидел за роялем: учился, импровизировал, сочинял. К осени, когда мальчика отдали во 2-й Московский кадетский корпус, шкатулка тети была полна нотными записями его сочинений.

Любовь Александровна волновалась: как ее худенький, болезненный Шуринька будет чувствовать себя среди кадет, сможет ли защититься от грубости старших учеников? Упомянула она лишь на то, что в корпусе работал воспитателем ее родной брат, дядя Саши – Владимир Александрович. Но вскоре, благодаря своему таланту, Шуринька завоевал авторитет среди кадет. Причем все решил случай. Как-то в Москву вместе со своей второй женой, Ольгой Ильиничной, приехал отец Саши. Ольга Ильинична недурно играла на рояле. Явившись домой «на побывку», Саша застал мачеху за инструментом: она играла «Песнь гондольера» Мендельсона, а после – «Гавот» Баха. Саша сел за рояль и по памяти повторил оба произведения. Отец был удивлен и рассказал об этом случае брату Владимиру, а тот – поведал о нем в корпусе. «Как-то в праздник у них (в кадетском корпусе. – Прим. ред.) был концерт, – вспоминала Любовь Александровна. – По окончании концерта директор и кадеты начали уговаривать Сашу сыграть что-нибудь; <...> Саша неплохо сыграл Мендельсона, но в конце «Гавота» Баха забыл последнюю страничку, но только на одну секунду запнулся, а затем, что-то прибавив свое,

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ

Ноты – эскизы к «Предварительному действию». 1914–1915 годы

Уголок со складным ломберным столиком в гостиной

блестящее кончил своим собственным аккордом <...> Аплодировали ему горячо и заставили его сыграть свои сочинения». Летом 1883 года Саша начал брать уроки у пианиста Георгия Конюса. Через два года – у известного преподавателя, пианиста Николая Зверева и композитора, профессора консерватории Сергея Танеева. В 1888 году, за

год до окончания кадетского корпуса, Александр стал студентом Московской консерватории по классу композиции и фортепиано. Его одноклассником был Сергей Рахманинов.

«Еще в те ранние годы Скрябин обладал сопутствовавшей ему всю жизнь способностью с первых же взятых им аккордов устанавливать психический контакт с аудиторией, источать от себя некий нервный, гипнотизирующий ток, неотразимо покорявший ее», – писал о 19-летнем студенте критик Александр Оссовский. Профессор Василий Ильич Сафонов, у которого Скрябин учился в консерватории, говорил, что у Скрябина «было особое разнообразие звука, особое идеально-тонкое употребление педали; он обладал редким и исключительным даром: инструмент у него дышал». Перед летними каникулами 1891 года Сафонов познакомил Скрябина с собственным методом извлечения «глубокого звука». Пытаясь освоить его, Александр с особым рвением начал разучивать две виртуозные концертные фантазии – «Исламея» Балакирева и «Воспоминания Дон Жуана» Листа. Осенью, когда начались занятия в консер-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Рояль Bechstein, подаренный Скрябину в 1912 году. Рабочий кабинет композитора

ПОРЫВ И СВЯЩЕННОЕ ПЛАМЯ

Еще в октябре 1891 года Александр познакомился с 15-летней гимназисткой Натальей Секериной, влюбленность в которую продлилась несколько лет. Скрябин считал ее своей невестой, хотя мать Наташи всячески противилась этому роману. Александр писал Секериной длинные письма, делился впечатлениями буквально обо всем. Отправившись после окончания консерватории в путешествие (Петербург – Выборг – Иматра – Рига – Ревель – Дуббельн), он подробно описывал ей свои приключения.

Весной 1893 года вновь обострились боли в травмированной правой руке, и врачи посоветовали Скрябину поездку на Кавказ, лечение кумысом, купание в море. В июне он отправился в Самару, а в августе – в Гурзуф. Самочувствие улучшилось, но слабость правой руки подтолкнула Скрябина к созданию произведений для левой руки – появились его знаменитые Прелюдия и Ноктюрн. Опус 9.

Он с юмором описывает свое пребывание в лечебницах в письмах Наташе. Их переписка продолжалась и в 1895 году, когда Скрябин отправился в первую заграничную поездку. «Я все-таки должен сказать, что как ни хороша Европа, а русскому человеку русскую деревню ничто не может заменить», – пишет он Наташе из Гейдельберга. – Есть какая-то особенная необъяснимая прелест, в основе которой лежат ширина и полет». Но в конце концов молодые люди расстались: как много позже объяснит сама Наталья Секерина, она не приняла предложение руки и сердца композитора. Проблемы с правой рукой, поставившие под угрозу судьбу музыканта, привели к переоценке ценностей и увлечению философией. В 1894 году Скрябин записывает в тетради: «Кто бы ни был ты, который наглумился надо мной, который ввергнул меня в темницу, восхитил, чтобы разочаровать, дал,

ватории, Сафонов, увидев игру Скрябина, ужаснулся: правая рука студента оказалась «переигранной». Это ставило под вопрос всю его дальнейшую карьеру, так что Александра срочно отправили на лечение и отдых. Весной 1892 года Скрябин окончил консерваторию по классу фортепиано с Малой золотой медалью: Большую он не получил, поскольку не завершил обучение по классу композиции, с преподавателем которого у него случился конфликт. Но как бы то ни было, имя Скрябина украшает мраморную Доску почета в фойе Малого зала Московской консерватории, а в 2020 году там же был установлен его бюст.

К моменту окончания консерватории на счету Скрябина как композитора было уже нема-

ло произведений – оркестровое рондо, фантазия для фортепиано с оркестром, сюита для струнного оркестра, множество фортепианных пьес, вальсы и так далее. Еще в 1889 году он составил список всего им написанного, который сейчас хранится в музее. Как и две тетради с черновыми набросками 1885–1890 годов.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

чтобы взять, обласкал, чтобы замучить, – я прощаю тебя и не ропщу на тебя. Я все-таки жив, все-таки люблю жизнь, люблю людей, люблю еще больше, люблю за то, что и они через тебя страдают (поплатились) <...> Иду сказать им, что они сильны и могучи, что горевать не о чем, что утраты нет! Чтобы они не боялись отчаяния, которое одно может породить настоящее торжество. Силен и могуч тот, кто испытал отчаяние и победил его». Наверное, это нельзя назвать атеизмом, но программой индивидуального развития – можно. Отныне 23-летний Скрябин не признает ничей авторитет, верит только в свое «я», продолжая искать пути миропонимания...

Первый авторский концерт Скрябина состоялся в Малом зале Санкт-Петербургской консерватории 11 февраля 1894 года. На нем присутствовал миллионер, лесопромышленник Митрофан Петрович Беляев, меценат и страстный любитель музыки. Это благодаря ему был впервые поставлен «Князь Игорь» Бородина. Это он основал Русские симфонические концерты и Русские квартетные вечера в Петербурге, создал два фонда для композиторов, публиковал за свой счет их сочинения, финансировал гастроли исполнителей. Именно Беляев до своей смерти в 1904 году будет меценатом и одним из самых близких друзей Скрябина. В начале 1895 года композитор участвует в серии столичных концертов, исполняя собственные произведения. Критики по большей части негодуют, но у известных музыкантов его сочинения вызывают восхищение. Беляев – в восторге от Александра Николаевича. Это он отправляет Скрябина в Европу отдохнуть и начать работу над новыми произведениями, а когда в сентябре тот возвращается в Москву, дарит ему рояль «Беккер», который сегодня можно увидеть в музее.

Следующий год начался с европейских гастролей: Париж,

Александр
Скрябин,
Татьяна Шлётцер
и их сын Юлиан.
1913 год

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Ноты «Поэмы
экстаза»,
изданные
М.П. Беляевым

Берлин, Гаага, Амстердам, Брюссель, Кёльн. Бельгийский журнал *L'echo musical* писал: «Артист, совсем молодой человек, нас поразил и как виртуоз, и как композитор. В течение часа он очаровывал аудиторию, исполняя целую серию пьес – очень трудных, очень изысканных, элегантной и сжатой формы и гармониче-

ски совершенных. <...> Он может считаться одним из лучших фортепианных композиторов нынешней русской школы». Газета «Свободная критика» назвала Скрябина «крупной индивидуальностью и философом; он – весь порыв и священное пламя», а в Брюсселе он «в течение двух часов держал слушавшую его избранную публику под очарованием строгой, отчетливой, нервной и богатой красками игры <...> Г. Скрябин является музыкантом тонкой души, намагниченной сприкосновением с Шопеном и Шуманом». Это был не просто триумф, это было покорение музыкального олимпа. Новую звезду называли «русским Шопеном», но такой комплимент для истинного гения слишком узок. Нет, это русский Скрябин.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ

Беляев был не единственным покровителем Скрябина. Зимой 1896 года Василий Ильич Сафонов познакомил Александра Николаевича с семьей известных меценатов Михаила и Маргариты Морозовых. Композитор стал не только гостем их музыкальных вечеров, но и давал уроки игры на рояле Маргарите Кирилловне.

К этому же времени относится знакомство Скрябина с Верой Ивановной Исакович. Все тот же Сафонов представил композитора пианисту и педагогу Павлу Юльевичу Шлёцеру и его сестре Иде Юльевне. В их

доме жила на правах пансионерки ученица Шлёцера Вера Исакович. Тихая и скромная девушка из Нижнего Новгорода обладала большим талантом исполнительницы, окончила консерваторию с золотой медалью. И Сафонов, и Шлёцеры считали, что Скрябин и Исакович могут составить прекрасную пару. Тетя композитора, Любовь Александровна, в этом сомневалась, а Беляев, познакомившись с девушкой, прямо заявил другу, что она ему не подходит. Но в августе 1897 года Скрябин и Исакович обвенчались в Нижнем Новгороде, после чего отправились в свадеб-

Световой аппарат, созданный А.Э. Мозером по эскизам Скрябина для домашнего исполнения «Прометея». Поэмы огня»

ное путешествие. Сначала в Ялту, где навестили Маргариту Морозову, которая заметила, что молодожены не выглядели счастливыми, «какая-то печаль тоски, разочарованности лежала на их лицах». Затем Скрябины уехали в Париж.

В Москву они вернулись в мае 1898 года. С сентября Александр Николаевич работает профессором фортепианного класса Московской консерватории, в которой будет преподавать до 1903 года. В том же году у Скрябина родилась дочка Римма, в 1900-м – Елена, через год – Мария, в 1902-м – Лев (Римма и Лев умрут в семилетнем возрасте. – Прим. ред.). Растущую семью требовалось содержать, и с 1901 года Скрябин устроился еще и преподавателем фортепиано в Екатерининский институт. Времени на сочинение музыки почти не оставалось. На помощь пришла Маргарита Морозова. С 1904 года она оказывала Скрябину постоянную безвозмездную финансовую помощь для того, чтобы он оставил работу в институте и мог продолжать сочинять. Кроме того, она финансировала его концертную деятельность. Скрябин очаровывал Морозову рассказами о своей музыкальной теории, которая должна была воплотиться в «опере» – событии мирового масштаба, где он сам «станет центром мира через свое искусство и зажжет все человечество огнем творчества. Искусство сольется с жизнью и преобразит ее».

Еще в конце 1890-х Скрябин, бывавший в кругах московских философов, познакомился с правоведом и философом Сергеем Николаевичем Трубецким. Они подружились практически сразу, часто бывали друг у друга в гостях. «Трубецкой всегда придвигал стул к самому роялю и так сидел около Саша часа по два, по три, если Саша учил что-нибудь или готовился к концерту», – вспомнила тетя композитора Любовь Александровна. Трубецкой был для друга своего

Мебельный гарнитур из комнаты Л.А. Скрябиной, тети композитора

рода наставником, советовал, какие книги и каких философов читать, рассказывал Александру Николаевичу о «русской идее» Владимира Соловьева, об элевсинских мистериях и обрядах различных культов. Более всего Скрябин заинтересовался теософией Елены Блаватской. Постепенно в композиторе крепло убеждение, что ему уготована миссия пророка, постигшего смысл жизни и знающего путь к обновлению общества. Он считал свои произведения способными духовно обогатить мир и усовершенствовать человека. Нравственные и эстетические убеждения композитора зиждались на вере в силу творчества, в силу Духа, были благородны и возвышенны. Однако на его личную жизнь это не распространялось. По словам Морозовой, не встретив в «очень здравой и рассудительной» жене понимания своих идей, Скрябин отдался от нее и искал «общения с другими». В 1902 году он увлекся своей ученицей в Екатерининском институте Марией Богословской, о чем судачила вся Москва. Но сокрушительный удар по семье Скрябина нанесла его страсть к племяннице того самого Шлётцера, который способствовал женитьбе Александра Николаевича на Верне Ивановне. Это была юная, красивая и властная Татьяна Федоровна Шлётцер, которая поверила во все идеи Скрябина.

Денежная помощь Морозовой позволила Скрябину в 1904-м уехать с семьей в Швейцарию, несколько лет жить в Европе и плодотворно работать. Через некоторое время в Швейцарию приехала и Татьяна Шлётцер. Скрывать больше было нечего, Вера Ивановна все знала, семья рушилась на глазах. В ноябре Скрябин едет в Париж на гастроли, в декабре к нему присоединяется Татьяна Федоровна.

15 июля 1905 года в Швейцарии умерла старшая дочь Скрябина, любимица отца Римма. Для Александра Николаевича

Рабочий кабинет композитора

это был страшный удар, он долго рыдал на могиле девочки. Вместе с Татьяной Шлётцер композитор поселился близ Генуи, изредка навещая жену и детей в Швейцарии. В конце 1905 года подруга Скрябина ждала рождения их первой дочери, Ариадны. Начались переговоры о разводе Скрябина, но Вера Ивановна, надеясь, что очередное увлечение мужа закончится, не соглашалась дать ему свободу. Она вернулась к карьере пианистки, успешно выступала, играя и пропагандируя сочинения Скрябина. Что же касается Татьяны Федоровны, то ее сильно раздражало положение любовницы.

Тем более что в их гражданском браке родились трое детей...

«В свое время в музее постоянно бывали жившие в России две дочери композитора – Мария и Елена, а также его внук Александр Софоницкий, – рассказывает Александр Иванович Лазарев. – К сожалению, потомков в России больше не осталось. Музей поддерживал связи и с младшей дочерью Скрябина, Мариной, и его внучкой Татьяной (Мириам) Корнман, жившими за рубежом. По приглашению музея они приезжали в Москву. Но теперь их также нет в живых. Сын Татьяны, живущий в Париже, передал нам ряд фотографий. Не так давно музей выяснил, что в Израиле живет праправнук композитора Элиша Абас. Мы надеемся установить с ним контакт. Сейчас музей поддерживает контакты с внучатым племянником композитора, президентом Фонда А.Н. Скрябина Александром Серафимовичем Скрябиным». Несколько лет Скрябин концертировал в Европе и США и только в 1909-м вернулся в Москву. Выступал с оркестром Кусевицкого, в 1910 году отправился в тур по Волге, а потом вновь уехал за рубеж на гастроли.

Директор Мемориального музея А.Н. Скрябина заслуженный работник культуры А.И. Лазарев

АЛЕКСАНДР БУРУЙ

ЦВЕТОМУЗЫКА

Музыковеды делят творчество Скрябина на три периода: ранний – до 1900 года, средний – до 1907-го, поздний – до 1915 года. Первый характеризуется лиризмом, преемственностью музыки таких композиторов, как Шопен, Чайковский, Вагнер, Лист. Второй отмечен поисками в сфере гармонии, нарастанием драматизма. Третий период отразил философские искания автора, его увлечение эзотерикой и мистическими идеями Индии и Древнего Востока. Ко второму и третьему периодам относятся такие сочинения для оркестра, как Симфония №1 (1900),

Симфония №2 (1902), Симфония №3. «Божественная поэма» (1904), «Поэма экстаза» (1907), «Прометей. Поэма огня» (1910). «Прометей. Поэма огня» стала первым светомузыкальным произведением в мире. Впервые в истории музыки композитор воплотил сложнейший синтез искусств в светомузыкальном произведении для оркестра, хора, органа, фортепиано и специального светового аппарата. Одно из самых известных сочинений Скрябина знаменует торжество свободной воли и активную энергию Вселенной. Скрябин создал новый музыкальный язык, заменив традиционный

Р. Штерль.
Концерт
в Симбирске
(за пультом
С. Кусевицкий,
за роялем
А. Скрябин).
1910 год

мажор-минор системой собственной звуковой организации и включив в партитуру световую строку *Luce* для светомузыкального инструмента. Он играл «Прометея» на фортепиано дома для гостей, а Татьяна, согласно партитуре, нажимала кнопки на цветовом круге.

В экспозиции музея хранится тот самый светомузыкальный аппарат «Прометей», созданный по просьбе Скрябина его другом, инженером Александром Мозером. «Синестезия – то есть цветной слух или способность воспринимать музыку в цвете, цветотональное восприятие – связана с физиологией и психологиями, – рассказывает заведующий отделом научной работы Владимир Попков. – Поэтому точки соприкосновения в восприятии, скажем, звуковысотности в цветах, у разных людей найти можно, но оттенки и нюансы все равно будут индивидуальными. Скрябин часто обсуждал эту тему с представителями искусства. Например, в Лондоне он подробно говорил с профессором Кембриджем Чарльзом Майерсом, который занимался вопросами психологии цвето-светового воздействия музыки. Потом Майерс написал в своей статье *Two cases of synesthesia*, что помимо взаимодействия цвета и тональности у Скрябина некоторые оттенки имели и философские коннотации: «красный – тональность С, относится к материи и благоухает запахом почвы, тогда как фиолетовый – тональность Fis, является духовным и эфирным».

Композитор был убежден, что новое содержание, которое он вкладывал в музыку, требует новых гармонических средств, и шел на смелые эксперименты, облекая идею в неожиданные звуковые сочетания. Появился даже особый «прометеев аккорд». Его музыка завораживала публику ощущением иллюзорности, мистичности. Но критики обвиняли автора в чрезмерной сложности новаторских сочинений. В 1907 году им возразил С. Трубецкой: «Эта слож-

Спальня.
Здесь
композитор
скончался...

ность не есть искусственная, деланная: она не служит маской для отсутствия содержания, а является последовательным результатом музыкальной мысли, которая стремится оформить, выразить действительно сложное содержание».

Конечно, мистические поиски отразились в сочинениях Скрябина: «Черная месса» (Соната для фортепиано №9), «Белая месса» (Соната для фортепиано №7), «Сатаническая поэма». Но среди представителей Серебряного века, да и в европейском обществе рубежа веков, царила мода на спиритические сеансы, гадания, предсказания и прочие диковинки и загадки. Когда общественная жизнь была проникнута мыслью о новом человеке, познавшем свою внутреннюю сущность, Скрябин поставил перед собой вселенскую задачу: нести откровение, приобщать людей к вере в грядущую революцию Духа, которая сметет с лица земли ветхих людей и создаст иное племя. Этому проекту Скрябин посвятил пять последних лет своей жизни.

В прессу просочилась идея «Мистерии» («Мистериума») – главного произведения его жизни. Критики предположили, что симфонические поэмы явились лишь подготовкой к «Мистерии» – художественно-религиозному акту. Работа над этим грандиозным действом требовала от композитора необычайного напряжения сил. Он планировал, что откроет «Мистерию» тема «колокольного шествия», семь дней в индийском храме на берегу «таинственного озера» ее будет исполнять оркестр, семитысячный хор и солисты. Но Скрябин так и не смог понять, как воплотить свой фантасмагорический проект в жизнь: то ли это действие с уклоном в религиозное таинство с примесью театральности, то ли наоборот. «Александра Николаевича не устраивал театр в классическом понимании, с его условиями, – говорит Владимир Попков. – Скрябина увлекали поиски Мейерхольда, Таирова,

Столовая

Александра Бурый

Мария Александровна Скрябина, дочь композитора от брака с Верой Скрябиной, в экспериментальной студии электронной музыки, работавшей в музее в 1960–1970-х годах

Алисы Коонен – новый театр, который он хотел воплотить в «Мистерии», когда граница между исполнителями и слушателями была бы стерта и все стали бы участниками общего действия». Исполнители должны были быть непрофессиональными актерами, репетиции вообще не подразумевались, поскольку «убили» бы живую ре-

акцию «актеров» на происходящее, а она и являлась основной целью – постижение высшего смысла, достижение чувства великого братства и первородного ощущения жизни. Скрябин полагал, что, осуществив свой проект, он достигнет той вершины в гармонии, после которой в музыке больше нечего будет сказать. Но идея представлялась невозможной для реализации. И композитор пошел на компромисс: оформил идею в сокращенном виде, как вводную часть к «Мистерии». Это «Предварительное действие» с эскизами и текстом вобрало в себя весь смысловой посыл, и постановка казалась уже вполне осуществимой. Он играл друзьям наброски из «Действа» – «какие-то совершенно новые откровения в звуковом мире, новые формы, совершенно необычные даже для Скрябина гармонии». Музыканты были недовольны таким вторжением философских идей в сферу чистой музыки. Но Скрябин игнорировал их мнение, он был свободным творцом, готовым к тому, что его творчество будет понято лишь в будущем. Как Прометей, оннес свет знания людям, но чувствовал себя не жертвой, а победителем.

Александра Бурый

А.Н. Скрябин.
1890-е годы

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

«Вокруг его имени созидалась легенда, которая начинала существенно изменять его истинный облик. Но Александр Николаевич Скрябин не нуждается в этой легенде, – писал в 1925 году в книге «Воспоминания о Скрябине» эмигрировавший после революции друг Скрябина, композитор и критик Леонид Сабанеев. – Как все гениальные личности, он особенно характерен для среды, особенно ярко отражал ее идеологию. <...> он был именно «мистическим романтиком». Перекрашивание Скрябина в революционные колера, выкраивание из него какого-то неожиданного, невозможного в его время «певца пролетариата» – так же неуместно, как и обратное <...> перекрашивание его в «православные религиозные краски»...».

ОГНЕННЫЙ СТОЛП

Свой последний сольный концерт Скрябин дал в Петербурге 2 апреля 1915 года. Принимали его восторженно, и в Москву он возвращался в прекрасном настроении. По свидетельству композитора Михаила Ипполитова-Иванова, в вагоне поезда Скрябин неосторожно срезал на губе маленький фурункул. Год назад в Лондоне та же фурункул на той же губе

Посмертные слепки рук композитора и пианиста Александра Николаевича Скрябина. Скульптор С.Д. Меркуров. 1915 год

ему вскрывал врач, и все быстро зажило. Тогда, в марте 1914-го, композитор писал жене: «Мне с распухшей губой пришлось выступить впервые перед английской публикой...» Вообще, Скрябин редко болел и при малейшем недомогании впадал в панику. Даже никогда не ел ничего упавшего с тарелки на скатерть: «На скатерти могут быть бациллы...» Видимо, Александр Николаевич занес инфекцию в ранку. Уже дома, в Николопесковском переулке, начался отек верхней половины лица. Врача почему-то вызвали только через несколько дней, наложили компресс с серной мазью и камфорным маслом. Но было уже поздно: начался сепсис, композитор угас за неделю. Его последние слова: «Нет – это невыносимо... Так, значит, конец... Но это катастрофа!»

Скрябин скончался утром 14 (27) апреля 1915 года, на вторую неделю Пасхи. Приглашенный скульптор Сергей Меркуров не смог снять посмертную маску из-за обезображенного после четырех операций лица композитора. Удалось сделать слепок уха и рук – их можно увидеть в музее. Похоронили Александра Николаевича Скрябина на Новодевичьем кладбище Москвы.

В статье «Памяти А.Н. Скрябина», опубликованной в журнале «Аполлон», музыковед Евгений Браудо писал: «Последние немногочисленные сочинения Скрябина, изданные после «Прометея», особенно седьмая, девятая и десятая сонаты, позволяют нам сделать предположение о повороте в его творчестве. Прислушайтесь к девятой сонате, – ее зловещие гармонии, мрачные тени ночи совершенно поглощают божественный огонь, обретенный в «Прометея». Однако, чувствуется, что в этих судорожных схватках Духа рождается новая художественная мысль, нарастает новое разрешение чувственного в сверхчувственном. Скрябин близок был к каким-то великим синтезам, мистическим и музыкальным... Но смерть развеяла огненный столп, ведший нас к обетованной земле новой Красоты...»

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ЖЕНЩИНА

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

«КОГДА БЫ ВЫ ЗНАЛИ, ИЗ КАКОГО СОРА РАСТУТ СТИХИ, НЕ ВЕДАЯ СТЫДА», – ПИСАЛА АХМАТОВА. ЕСЕНИН, ПЕРЕПЛЕТАЯ И РОЗЫ, И НАВОЗ, ВЫРАЖАЛСЯ ГРУБЕЕ. НО МЫСЛЬ ЯСНА: МНОГОЕ В ИСКУССТВЕ, ДА И ВООБЩЕ В МИРЕ, ФОРМИРУЕТСЯ СЛОЖНО, ЗАТЕЙЛИВО. ОСОБЕННО ЧТО-ТО НОВОЕ. И ПЕРВОПРОХОДЦЫ ПОНАЧАЛУ ЧАСТО НЕПОХОЖИ НА ГЕРОЕВ. ДА И ПОСЛЕДУЮЩАЯ ИХ СЛАВА ПОРОЙ ДАЛЕКО НЕ БЛИСТАТЕЛЬНА. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ ТАКИМ ПЕРВОПРОХОДЦЕМ СТАЛА ВЕРА КРЫЖАНОВСКАЯ – ЖЕНЩИНА, ДАЖЕ ИМЯ КОТОРОЙ ИЗВЕСТНО ЛИШЬ НЕМНОГИМ. А ВЕДЬ ИМЕННО ГЕРОИ ЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ УЖЕ В XIX СТОЛЕТИИ СОВЕРШАЛИ МЕЖЗВЕЗДНЫЕ ПЕРЕЛЕТЫ НА КОСМИЧЕСКИХ КОРАБЛЯХ И ТЕЛЕПОРТИРОВАЛИСЬ, ИМЕННО ОНА ПЕРВАЯ ОСВОИЛА ТЕМУ ПРОГРЕССОРСТВА И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ. ЛЮБОПЫТНА И САМА ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ. ЕСЛИ НЕ СКАЗАТЬ, ЧТО ЭТО И ВОВСЕ ФЕНОМЕН.

В ПРОЧЕМ, ВЕРА ИВАНОВНА Крыжановская во многом была типичной дочерью своего времени. И даже ее устремления в далекие эпохи, в фантастику и мистику были порождением богатого на все XIX века. Бурное развитие науки и мода на оккультизм и спиритуализм – вот что определило ее интересы с самой юности. Вера Крыжановская родилась в Варшаве 14 июля 1861 года (по другим данным – 1857-го) в семье генерал-майора артиллерии Ивана Антоновича Крыжановского и дочери аптекаря Аврелии Григорьевны. Росла девочка очень слабой, много читала и очень быстро увлеклась всем таинственным и потусторонним, веря, что только силы иных миров уберегут ее от невзгод и болезней. Да и как не поверить? В 1870-е на Россию обрушилась просто повальная мода на спиритуализм.

Варшава.
Королевский
замок и Алек-
сандровский
мост. 1870 год

ИЗБРАННАЯ ДУХОМ

Медиумы заполнили не только гостиные богатых столичных домов, они проникли и в провинцию. Даже в Сибири многие помешались на столоверчении и разных темных обрядах. Да что там, и крестьянскую среду не обошли новые веяния: в народе практика спиритизма перемешалась с традицией святочных гаданий. В столице самый известный кружок спиритуалистов был основан профессором Санкт-Петербургского университета зоологом Николаем Вагнером, публицистом, племянником известного писателя Александром Аксаковым и знаменитым химиком Александром Бутлеровым. На их собраниях бывали многие ученые, высокопоставленные чиновники, художники, поэты и писатели. Иронически вспоминал об этих встречах в «Дневнике писателя» Федор Достоевский. Николай Лесков использовал опыт участия в таких сеансах в своих произведениях. А Дмитрий Менделеев полемизировал со спиритуалистами серьезно, точно с научными оппонентами – он даже инициировал создание комиссии для рассмотрения медиумических явлений вообще и для идейной борьбы с кружком Аксакова, Бутлерова и Вагнера в частности.

Вера Крыжановская приобщится к этому кружку позже. Во времена его зарождения она была

слишком юной, девочка еще только училась в Петербурге в Екатерининском институте благородных девиц. И учиться ей было совсем непросто. Особенно тяжело давались уроки словесности. Да, девочка, которая напишет более 80 произведений, весьма расстраивала учителей почти патологической неспособностью сносно писать сочинения. Но если школьных наставников эти ее неудачи только огорчали, то саму ученицу они буквально сводили с ума. Очень чувствительная Вера Крыжановская пролила немало слез по этому поводу. Зато какой случался праздник в ее душе, когда удавалось получить за сочинение высокую оценку. Разумеется, этому придавалось такое значение, что иначе как вмешательством сверхъестественных сил объяснено и быть не могло.

Уже будучи писательницей, Крыжановская вспоминала один случай. Однажды в классе было за-

Воспитанницы
Петербургского
Екатерининского
института
на занятиях
музыкой

Джон Уилмот, граф Рочестер (1647–1680), английский поэт, классик порнографической поэзии

дано сочинение на какую-то сложную тему, выполнить работу нужно было к следующему дню. Девочка подступала к тексту и так и эдак, но он никак не давался. Наконец, обессиленная, она бросилась на кровать, надеясь встать пораньше и набросать хоть что-то. Проснувшись утром, она вернулась к тетради и ахнула: листы были аккуратно исписаны, при том ее почерком – это было блестящее сочинение, получившее высший балл.

Это, конечно, одна из легенд, призванная проиллюстрировать ее метод письма в состоянии транса. Писательница уверяла, что ничего не сочиняет, а лишь записывает надиктованное. Диктовал ей якобы дух Джона Уилморта, графа Рочестера – английского поэта и сатирика эпохи Реставрации. Она даже не хотела вовсе подписывать

Сpirитический
сеанс. XIX век

Александр Михайлович Бутлеров (1828–1886), русский химик, общественный деятель, автор статей по медиумизму

что-либо записанное своим именем, но после уговоров усопшего поэта согласилась разделить с ним его новую славу.

Над этим можно смеяться, этим можно возмущаться, но, наверное, правильнее всего простить пробующей себя в литературе женщине эту маленькую слабость к мистификациям. В конце концов такой слабости в конце XIX века в России были подвержены очень многие – то была эпоха активного мифотворчества.

А первые произведения Крыжановской-Рочестер увидели свет в середине 1880-х годов. Она тогда ненадолго переехала с мужем (в 1880 году Крыжановская вышла замуж за чиновника Сергея Семенова; позже он переводил ее книги с французского на русский, занимался их публикацией. – Прим. ред.) во Францию, там сблизилась с разными спиритами, мистиками, вошла в круг масона и оккультиста Папюса, увлеклась доктринаами теософа Елены Блаватской и исследователя парапротомальных психических явлений Аллана Кардека. Неудивительно, что увлечение псевдонаучной мистикой проникло и в первые литературные опыты Крыжановской, хотя формально они больше тяготели к жанру исторического романа.

Первая повесть, «Эпизод из жизни Тиберия», вышла в Париже в 1886 году, следом за ней были опубликованы романы «Фараон Мернефта», «Месть еврея» и «Царица Хатасу», которые сразу же привлекли внимание читающей публики. Крыжановская много читала, интересовалась древней историей, но даже блестящим образованием и эрудицией трудно было объяснить, как удавалось писательнице описывать жизнь и мистерии древних так хорошо. Критик и публицист Виктор Буренин отмечал, что писательница знает быт древних египтян, «может быть, даже лучше, чем прославленный исторический романист Эберс». Положим, критик мог ошибаться. Но роман «Железный канцлер Египта» был отмечен в 1899 году французской Академией наук!

Елена Петровна
Блаватская
(1831–1891),
представитель
западного
оккультизма
конца XIX века,
создатель
теософского
учения

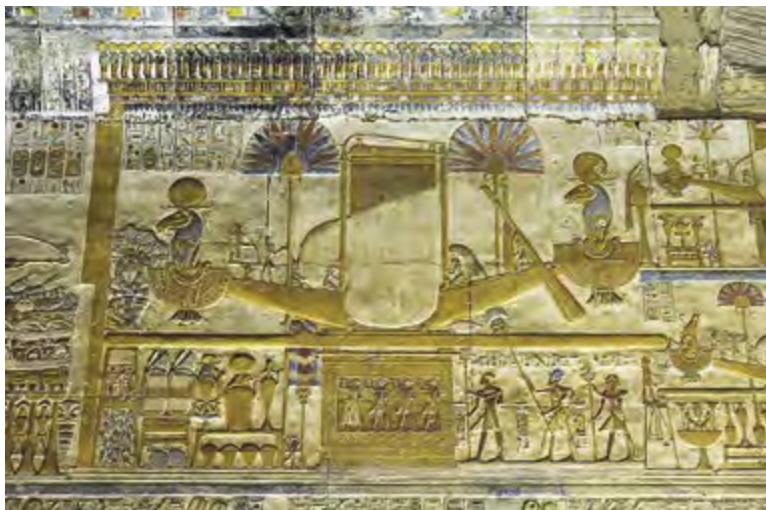
В БЛЕСКЕ СЛАВЫ, В ТЕНИ ЗЛОСЛОВИЯ

В России на «Железного канцлера» особо рьяно нападал Горький в статье «Ванькина литература». Писатель хочет над легендой Крыжановской о духах, которые диктуют ей свои романы, находя, что духи эти, по всей видимости, малограмотные, и сетует, что такого рода литература обольщивает массового читателя. «Иосиф является в романе точной копией с мелодраматического злодея, – пишет Горький, – его сопровождают колдуны, змеи, а в числе действующих лиц подвизается сама судьба... олицетворенная автором в виде женщины с телом быка и ногами льва. Все это производит оглушающее впечатление и пре-

Папюс,
настоящее имя
Жерар Анаклет
Венсан Анкосс
(1865–1916),
французский
оккультист,
масон,
розенкрейцер;
видная фигура
в различных
оккультных
организациях
конца XIX
и начала
XX столетия

скверно пахнет... Ванька будет доволен госпожой Крыжановской. Ванька ужасы любит, и тем более любит, чем они нелепее... Ванька вообще любит все дикое и грубое». Возмущается писатель и тем, как обращается сочинительница с первоисточниками, а ее слог он считает оскорбительным для людей, имеющих вкус: «Нужно отдать справедливость авторше, она ни на шаг не отступает от текста легенды, хотя вышивает на нем разнообразные и чрезвычайно фантастические узоры и зовет Иакова – Яакоб, Иосифа – Иозеф, Рувима – Ребэнном и Пентефрия – Потифаром, что, оказывается, нужно «по сефардийскому чтению древнееврейского языка». Ссылка на этот язык, а в примечаниях имена таких египтологов, как Брунг, Шаба и... Эберс, придают роману ученый вид, но не улучшают его дубоватого языка». Язык Крыжановской действительно любопытен, ее стиль и в самом деле не отличается выдающимися художественными особенностями, более того, он довольно неровен: порой он почти по-пушкински прост и ясен, временами – напоминает пародию. Вероятно, все дело в переводах. Изначально Крыжановская записывала текст на французском, на котором сама изъяснялась якобы недостаточно хорошо, а потом переводила сама или с помощью мужа на русский. Вообще, по свидетельству близких, писала избранница графа Рочестера в полуబессознательном состоянии: иногда во время обычного разговора внезапно замолкала, бледнела, просила карандаш и бумагу и начинала писать, не глядя на листы, без пробелов, заглавных букв и знаков препинания. Наблюдать за таким автоматическим письмом Крыжановская позволяла и журналистам. Однажды, предчувствуя встречу со своим наставником Рочестером, она пригласила корреспондентов журнала «Ребус». Визитеры, став свидетелями письма в состоянии транса, отнеслись к увиденному скептически и попросили записи для консультации со специалистом. Записи – а это было

Фреска
в святилище
Амона-Ра
в Абидосе.
Египет

Обложка исторического романа
«Светочи Чехии» (С.-Пб., 1904)

описание ночной мистерии, проведенной великим иерофантом в святилище Амона-Ра в Абидосе, – они показали египтологу Израилю Франк-Каменецкому, и тот будто бы опознал в тексте Крыжановской описание обряда, известного по хранящимся в Британском музее папирусам. Мистификация? Трюки, специально разыгрываемые на публике? Более чем вероятно. Бессовестный обман? Едва ли, скорее, следование выбранному когда-то сценическому образу. И образ этот был очень важен. То была своего рода рекламная кампания. Каждый новый слух или заметка в бульварной газете повышали интерес к книгам Крыжановской, их буквально сметали с полок магазинов. В конце концов сочинительница ведь не придумала ничего нового. Уж сколько художников до нее признавалось, что чувствовали, будто рукой их управляет какая-то высшая сила: и Вальтер Скотт, и Иоганн Гёте, и Чарльз Диккенс. Крыжановская лишь представила этот феномен в наиболее эффектном виде.

Да и вообще, многие ведь тогда, на рубеже веков, шли на различные ухищрения. Кто ради известности, а кто ради забавы или из любви к таинственному. Ведь на страницах того же «Ребуса», специализирующегося на сверхъестественном, появлялись и Брюсов, и Мережковский. В редакционный кружок спиритов входили в разное время Андрей

Белый и его возлюбленная Нина Петровская, Маргарита Сабашникова и Максимилиан Волошин. Над всем этим иронизировал Чехов в рассказе «Беседа пьяного с трезвым чертом». Рогатый представитель низших миров, сморкаясь в «Ребус», сокрушался, что людей не с чего стало сорвать – «пути добра нет уже»: люди подались во всяческую чертовщину, а чертям пришлось пойти в люди!

Все смешалось. Наука, мистика, обывательские суеверия и религия. О Крыжановской много злословили, но ею же и восхищались. Над ней смеялись, но и выражали самое серьезное почтение. В 1907 году отметила ее и российская Академия наук, наградив Пушкинской премией роман «Светочи Чехии». Интересно свидетельство Елены Рерих, тоже любившей окутать себя туманом

Титульный лист
журнала «Ребус»
со статьей
А. Аксакова.
1890 год

таинственности. Она писала, что «наряду с немалой пошлостью» книги Крыжановской «содержат истинные жемчужины», что «книги ее принесли свою пользу» и «также несомненно, что серия «Маги» несравненно талантливее и богаче верными сведениями, нежели произведения многих позднейших романистов на оккультные темы».

В МЕЖЗВЕЗДНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Интересны не только историко-оккультные романы Крыжановской, любопытен ее космологический цикл. Это действительно предвосхищение отечественной научной фантастики. Да, фундамент, на котором строит Крыжановская свои произведения – теософские идеи Блаватской, основанные на смешении всех религий с философией и наукой. Крыжановская точно так же пытается прийти к некоему универсализму, переплетая времена, религиозные учения, философские идеи современности с различными научными открытиями о формах материи, эволюции и психической жизни человека. Но Крыжановская отличалась еще и богатым воображением: ее герои не просто перемещаются во времени и пространстве, они летают на детально обрисованных космических кораблях и реинкарнируют не по одной только воле

всесильного автора, а согласно подробно объясненным законам мироздания.

К почти классической фантастике можно отнести роман «На соседней планете», вышедший в свет в 1903 году. В нем повествуется о создании идеального государства на Марсе, куда попадает главный герой – землянин. Когда Крыжановская готовила этот роман, она не только пользовалась помощью незримого Рочестера, но и добросовестно штудировала известные в то время труды астронома Камиллы Фламмариона «Многочисленность обитаемых миров» и «Планета Марс». А уже собственное ее воображение населило красную планету разными народами, каждый из которых имел свою историю, религию, законы, ритуалы, одежду, архитектуру, флору и фауну. И вот с многообразием этих культур на Марсе знакомится русский князь Андрей Шелонский, ученик мага Агарвы. Из пассивного наблюдателя князь очень быстро превращается в активного деятеля и причину многих перемен на далекой планете. Интересно еще и то, что именно это произведение вдохновило Толстого на создание «Аэлиты», а Булгаков развел некоторые мотивы книги Крыжановской в «Мастере и Маргарите». А вот в романе «В ином мире», написанном в 1910 году, действие происходит уже на Венере. Сюда на огромном фосфоресцирующем шаре Крыжановская забрасывает героиню, чтобы познакомить ее с более развитой цивилизацией. Цивилизацией, представители которой присматривают за братьями меньшими – землянами и незримо помогают лучшим из людей – ученым, художникам, музыкантам, поэтам.

Как всякая писательница, повествующая о неведомом, Крыжановская не избежала чести быть провозглашенной пророчицей. Ведь куда, например, летят герои романа «Смерть планеты», могущественные и бессмертные маги? Не праздные же они космические туристы. Они отправляются осваивать новые пространства и развивать новые цивилизации,

Афиша фильма
«Болотный
цветок».
1917 год

потому что их привычный мир рушится. Тут и идея прогрессорства, ставшая популярной уже в советской научной фантастике, и живописание экологической катастрофы, вызванной нравственным упадком общества, – настоящая антиутопия.

«Земля, столь плодородная прежде, становится все бесплоднее и беднее, и нас захватывает пустыня. Климат стал так непривычен, что иногда кажется, будто перепутались все времена года. Смертность растет в страш-

Обложка романа
В.И. Крыжановской
«На соседней планете»,
изданного в Риге

ных размерах. Деторождение все сокращается», – пишет Крыжановская в 1911 году. В чем же причина упадка? Почему планете, «которая могла бы и должна была бы существовать еще долго, служа школой для совершенствования бесчисленного ряда поколений» грозит гибель? Человечество, погрязшее в грехах, довело Землю до истощения. Люди сами приблизили катастрофу.

Крушение мира, к слову, вполне созвучно страшным картинам Апокалипсиса. «Материки сливались и земля скималась, а смещенные каменные массы, нагромождали новые горы и обнажали бездонные пропасти, – пишет Крыжановская. – Пелена огня разливалась потоками и сметала все на своем пути: рев вод, ломавших земную кору, взрывы и свист урагана, слившего воедино землю и небо, образовали неописуемый хаос. <...> В глубине пещер, образовавшихся кучами разбитых скал, бродили безобразные, обезумевшие голые существа, <...> они, – изведавшие все тонкости «цивилизации», наслаждавшиеся всевозможным комфортом, доставляемым богатством и утонченной роскошью, блуждали нагими, как в первый день появления на свет». В первоисточнике мы читаем: «И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих. И цари земные, и вельможи, и богатые, и тысячечальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор».

Откуда такие жуткие сопоставления у женщины, пишущей книжки для массового читателя, женщины, явившейся, в общем, вполне типичной представительницей своей среды, женщины, бывшей женой и матерью, светской дамой? Писательница объясняла: «Да не подумают читатели, что автор писал под влиянием какого-то адского кошмара. Пусть взглянут они испытывающим трезвым взором вокруг и тогда ясно увидят зародыши всех ужасов, которые пышно расцветут в будущем».

Кадр из фильма «Болотный цветок». 1917 год

Афиша фильма «Кобра Капелла». 1917 год

«СТАЛО СТРАШНО ЖИТЬ»

Крыжановскую очень впечатлила уже первая русская революция. Говорят, она даже задолго предсказывала по лайковой перчатке цесаревича Николая и революцию 1905 года, и революцию 1917-го, и Гражданскую войну, и расстрел царской семьи, и поругание церквей. Но доверия эти свидетельства не внушают, вероятнее всего, родились они задним числом. Но время, однако, Крыжановская чувствовала остро и, кажется, прекрасно понимала, что грядущие перемены не сулят ей ничего хорошего.

Так и случилось. Революция катком прошлась по ее семье. 1917 год – последний благополучный год в ее жизни. Книги Крыжановской все еще взахлеб читают, по ним даже снимают фильмы («Кобра Капелла» и «Болотный цветок»). А дальше – мрак: арест и смерть в тюрьме мужа, разорение, нужда. Об этом периоде она вспоминала в 1921 году, когда ей с дочерью удалось выехать в Эстонию. «С момента большевистской революции начался кошмарный период для меня, – писала Крыжановская, – я разучилась работать умственно, забросила творчество, как никому не нужный хлам. До философских ли идей, когда люди выброшены на улицу, все у них отнято, когда умирают от голода под угрозой тюрьмы и расстрела, ожидая каждую ночь обыска и реквизиций? Русская интеллигенция стала той затравленной

дичью, за которой охотились день и ночь освободители русского народа от всех человеческих прав. Стало страшно жить. Все, что меня окружало, было отвратительно, все как-то омертвело, покрылось ложью и заразилось гангреной».

Об отношении к происходящему в России она писала в издававшихся в Ревеле (Таллине) «Последних известиях». Писала трезво, резко, горько. Не как медиум и проводник высших сил, а как обычный человек и гражданин. «Самое ужасное, – призналась она, – во мне началась колебаться вера в славное будущее моей родины, гордиться которой меня учили с детства. Счастливы мертвые, не дожившие до ее позора и разложения. Родную страну позорят, срамят собственные выродившиеся сыны, которые открыто с публичного торга продают ее и пресмыкаются перед всяkim глупым политическим лозунгом».

Нина Петровская, писательница, литературный критик, хозяйка литературного салона. 1900-е годы

Крыжановская постоянно писала в своих романах о борьбе темных и светлых сил, о столкновении противоположных вселенских начал. И вот она увидала, узнала, сколь разрушительна стихия зла в реальности. И если в книгах демоническому началу противостояла бессмертная каста сверхъ существ, то в жизни противопоставить катастрофе оказалось нечего и некому. В эмиграции жизнь писательницы так уже и не наладилась. Опустошенная пережитым кошмаром, больная обострившимся туберкулезом, она вынуждена была ради пропитания работать уборщицей на лесопильном заводе, вечерами подрабатывала карточными гаданиями, чтобы собрать хоть немного денег не только на хлеб, но и на издание книг. Писать, впрочем, она уже не могла. Умерла писательница в кромешной нищете 29 декабря 1924 года в Таллине, в тесной, убогой комнатке, на старой железной кровати.

Конец пути ее, впрочем, не был чем-то исключительным для того времени. Такая судьба постигла многих современников Крыжановской. Можно вспомнить хотя бы «Конец Ренаты» – очерк Владислава Ходасевича о печальной судьбе Нины Петровской, возлюбленной Белого, постоянной участнице спиритических сеансов издателей «Ребуса». И она умерла на чужбине, оставленная почти всеми, кто ее когда-то любил, измученная болезнями, безденежьем. Только если Петровская стала символом гибели русского декаданса, Крыжановская явилась предтечей зарождающейся отечественной фантастики.

Да и постфактум Крыжановской повезло все же больше, чем многим другим. Остались ее книги. За тридцать лет работы писательница создала более 80 романов и повестей. До середины 1930-х годов они еще переиздавались в Риге и Берлине. В Россию ее творчество вернулось после перестройки. Сегодня ее книги с интересом читают многие любители мистики и фантастики.

НА ЯЗЫКЕ ГЛИНЫ

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЁВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

У СОВРЕМЕННЫХ ДЕТЕЙ НЕТ НЕДОСТАТКА В ИГРУШКАХ. ЯРКИЕ, РАЗНОЦВЕТНЫЕ, ГОВОРЯЩИЕ, ПОЮЩИЕ, ЛЕТАЮЩИЕ, ЗАВОДНЫЕ, ИНТЕРАКТИВНЫЕ... КАЗАЛОСЬ БЫ, ПРИ ТАКОМ РАЗНООБРАЗИИ УДИВИТЬ НИЧЕМ НЕВОЗМОЖНО. НО ПОЧЕМУ-ТО ДЕТИ, ИЗБАЛОВАННЫЕ ЭТИМ ИЗОБИЛИЕМ, НЕ МОГУТ ОСТАТЬСЯ РАВНОДУШНЫМИ К ГЛИНЯНОЙ ИГРУШКЕ. ЧЕМ ТРОГАЮТ ИХ ПРОСТИЕ КОНИ, СОБАЧКИ, БАРАШКИ – ТАКИЕ ЖЕ, КАКИМИ ИГРАЛИ НАШИ ПРЕДКИ СОТНИ ЛЕТ НАЗАД? СВЕТЛАНА ПИМАНОВА, ЗАНИМАЮЩАЯСЯ ВОЗРОЖДЕНИЕМ ПЕТРОВСКОЙ ИГРУШКИ, КАЖЕТСЯ, ЗНАЕТ ОТВЕТ НА ЭТЫЙ ВОПРОС.

СВЕТЛАНА ПО ОБРАЗО-
ванию художник, пре-
подавала в студии и не
собиралась ничего ме-
нять в своей жизни. «Не я, а моя
подружка захотела заняться гли-
ной. Мне хватало рисования и
преподавания. Но она упорно
меня агитировала: давай найдем
человека, который нас научит», –

вспоминает Светлана. Знала бы Светлана, как изменит ее жизнь стремление подруги... Человека они нашли. Да не про-
сто способного научить, а по-
настоящему увлеченного гли-
ной. «Михаил Александрович занимается этим ремеслом вот уже тридцать лет, – рассказывает Светлана. – Когда он ле-

пит, это завораживающее зрели-
ще – у него руки просто танцуют. Он занимался лепкой, а потом в его судьбе появилась петров-
ская игрушка. Она не оставила его равнодушным. Не осталась равнодушной к ней и Светлана. Почти двадцать лет назад она пришла к Михаилу Александровичу Шмарову ученицей, пять лет осваивала тонкости глиня-
ного мастерства. А потом стала и единомышленницей, и супругой учителя. Спустя несколько лет они решили, что исконному ко-
стромскому ремеслу необходимо иметь свой музей. Так в Костро-
ме появился Музей «Петровская игрушка».

Дымковская, филимоновская, романовская, каргопольская... Об этих игрушках большинство из нас слышало. У петровской нет такой всероссийской славы. «Уди-
вительно, но даже не все костро-
мичи знали о ней, – говорит Свет-
лана, выдавливая стеком узор на глиняном коньке. Мы застали ее за созданием очередной игрушки, а глина ждать не умеет. – Если

о дымковской игрушке написано много книг, то петровская игрушка осталась белым пятном в народном искусстве. Описаний ее очень мало, есть лишь короткие статьи, причем даже не искусствоведов, а, скорее, коллекционеров. Искусствоведы же, как правило, вскользь упоминали о нашей игрушке. То есть промысел был почти потерян. Мы и сами понимали, что знаем о kostromskoy игрушке очень мало, поэтому по крупицам собирали все, что можно было найти». Михаил и Светлана ездили по селам и выспрашивали у местных жителей подробности промысла. «Кто-то учился у мастеров петровской игрушки, кто-то сам ее делал, – говорит Светлана. – Последний мастер петровской игрушки ушел из жизни в 2013 году: Валентин Константинович Веселов прожил 87 лет, нам удалось у него многому научиться». Хранят в музее память и о Павле Алексеевиче Иванове и Александре Васильевиче Зайчикове – пожалуй, самых известных мастерах петровской игрушки. Это большая удача, что сделанные ими игрушки сохранились, сегодня они – коллекционная редкость. А когда-то в петровских игрушках не видели никакой ценности. «К нам в музей не-

редко приезжают уроженцы села Петровского, рассказывают, что дети играли этими игрушками и совсем их не берегли, не осознавали их ценности, – объясняет Светлана. – Говорят, только теперь понимают, что это народное искусство, что надо было поставить эти игрушечки на полку и беречь как символ родины».

Музей петровской игрушки расположился практически на окраине Костромы – сюда добирается только «отборный» турист

За танцем рук во время лепки можно наблюдать бесконечно – это завораживающее зрелище

ПОНЯТЬ ГЛИНУ

В Петровском был гончарный центр. Ремеслу учились из поколения в поколение, начиная осваивать тонкости работы с глиной лет с шести. Этот промысел не так прост. Технологию освоить нелегко, да и организация процесса – дело трудоемкое. Даже сейчас покупка печки требует довольно больших средств. Так было и раньше: для обжига глины использовалась особая дровяная печка. «Некоторые думают, что тут сложного – накопаю глину и слеплю. Вроде бы вот она глина – под ногами. Но все не так просто. Слепить – это еще полдела. Чтобы завершить работу, надо приложить немало усилий, и на каждом этапе есть свои подводные камни», – говорит Светлана. На вопрос, сложный ли материал глина, Светлана отвечает: «Здесь нужно понимание. Если оно есть, то проблем не возникает, а если нет, то работать невозможно, глина не поддается». Наверное, это даже не понимание, а какое-то особое чутье, которое должно быть у художника. Только в таком случае он найдет общий язык с глиной. И у Михаила Шмарова, и у Светланы Пимановой такое чутье явно есть: об этом говорят сотни зверушек и человечков в витринах Музея петровской игрушки. «Конечно, сегодня многое изменилось и в технологии, и в материалах. С дровяным обжигом, с неэкологичной глазурью в наше время не работает ни один гончарный центр. Хотя и в XIX, и в XX веках у всех был один рецепт: свинцовый сурик, несмотря на то, что он очень вредный. Но других вариантов просто не было, – раскрывает тонкости гончарного ремесла Светлана. – Сейчас мастера традиционных промыслов пользуются другими материалами, и вроде бы все они одинаковые, но изделия у всех выглядят по-разному. Причина в том, что есть особенности, которые формировались годами, – лепка, формы, набор орнаментов, пантеон образов. В каждом промысле свои отличительные особенности, собственные критерии. Конечно, в каждой местности глина своя, но даже когда мы поль-

Михаил Шмаров увлекся глиной более трех десятилетий назад

зумеся привозной, то все равно замешиваем ее так, чтобы было похоже на первоисточник. Поэтому пробуем одну глину, другую – это тоже творческий поиск. Ведь даже в одной яме глина не бывает одинаковой. У нас в Костроме есть один гончар, ему 80 лет, он до сих пор работает, а осваивал свое ремесло в Узбекистане, оттуда уехал в Иркутск, а потом судьба занесла его в Кострому. Так вот он рассказывал, что не сразу смог вернуться к своему ремеслу – три года потратил на поиск подходящей глины. Сейчас нашел, зимними вечерами крутит гончарный круг, летом выходит на базар и продает свои изделия».

Так что глина не так проста, как кажется на первый взгляд. Зато если проникся человек тонкостями работы с этим материалом, скорее всего, уже не бросит работать с ним. Так случилось в свое время и с Михаилом Шмаровым. А к петровской игрушке его привел случай. В судьбоносном 1988 году сотрудник Романовского музея показал начинающему гончару костромскую игрушку, познакомил его с искусствоведом Александром Наумовичем Фрумкиным, который собирал сведения об этой игрушке и ездил к мастеру Павлу Алексеевичу Иванову. Выставки Павла Алексеевича проходили даже в Эрмитаже. В 1970-х годах случился всплеск интереса к петровской игрушке, ее образцы появились в музеях. А Павел Алексеевич Иванов стал одним из тех, кто не дал угаснуть скромной игрушке из села Петровского.

Светлана Пиманова прониклась душевностью петровской игрушки, и этот промысел стал ее судьбой

На первый взгляд глина – материал податливый, но тому, кто не чувствует ее особенности, она не поддается

РАЗМЕННАЯ МОНЕТА

Когда появилась петровская игрушка, сказать невозможно. Никаких археологических данных на этот счет нет. Известно лишь, что в XVII веке село Петровское уже упоминалось. «Мастер Веселов говорил нам, что игрушки делали «деды и деды наших дедов», – рассказывает Светла-

на. – Вообще, в каждом селе был свой промысел. Знаем, что в соседней с Петровским деревне производили кирпичи, которые использовались для строительства храмов, для кладки печей. Где-то делали ковши, где-то шили шапки. Во всех деревнях было так заведено: летом – работы в поле, а зимой – промысел, помогавший выживать крестьянам. Глиняная посуда активно использовалась до 60-х годов XX столетия – ее производили в больших количествах. Стоит вспомнить, как в то время жили крестьяне: работали за трудодни в колхозе. Промышленную посуду они себе позволить не могли, ее не на что было купить. Так что пользовались глиняной. Когда мы пытались выяснить, сколько же тогда стоили игрушки, поняли, что игрушка была, можно сказать, сопутствующим товаром, дополнением к промыслу. Мелкую игрушку делали в огромном количестве, она была разменной монетой, ею нередко расплачивались со старьевщиками, которые ходили по дворам».

Как рассказывает Светлана Пиманова, занимавшаяся изучением истории гончарства, этот промысел стал затухать в 1960-х годах, когда указ Хрущева привил гончарный круг к меха-

ническому средству, а гончаров обложили высокими налогами. Кустарный промысел потихоньку стал сходить на нет... После хрущевского запрета в Петровском остались только два мастера – Павел Алексеевич Иванов и Александр Васильевич Зайчиков. Из-за инвалидности

у них были налоговые льготы, и они могли продолжать свое дело. Сейчас в витринах Сусанинского и Романовского музеев Костромы можно увидеть подборки именно их работ.

«Петровская игрушка осталась обливной. Она не стала расписанной – в этом ее характерная осо-

бенность. Филимоновская, дымковская, каргопольская – все они крашеные. Кстати, каргопольская тоже когда-то была как глиняный горшок с ямочным орнаментом, это уже потом ее женщины перекрасили. Пока мужчины промыслом занимались, все было в одной технологической линейке, а когда женщины за него взялись, все поменялось, – улыбается Светлана.

– А у нас так сложилось, что промыслом всегда занимались мужчины, технология не менялась, и игрушка осталась глазурюованной, с ямочным орнаментом. Не приобрела наша игрушка «городской» вид – считалось, что белить и красить игрушки начали в подражание фарфоровым статуэткам, которые были крестьянам не по карману – вот и создали они себе более дешевый вариант». Знает Светлана Александровна и другие версии, точнее, логич-

ные объяснения появления краски на игрушках. Дело в том, что игрушка нередко выделялась в самостоятельный промысел. Для посуды важно быть глазурой, а для игрушки в этом нет никакой необходимости. «Технологически глазурование более сложное, чем краска – объем печи для обжига должен быть больше, все игрушки надо поставить обособленно, чтобы они не касались друг друга, иначе они прилипнут, придется разбивать. Если же игрушку красить, можно хоть горой навалить и обжечь – возможности обжига сразу увеличиваются в несколько раз. Так что красенную делать проще и быстрее. Во многом именно это определяло выбор технологии – красенная экономически выгоднее. Обжег, а потом сиди и расписывай, – объясняет Светлана. – Появление глазурования – это уже конец XVIII – начало XIX века.

Сегодняшним мастерам лепить приходится много – практически каждый посетитель музея увозит из Костромы игрушечку на память

Что было до того, сказать точно нельзя. Вряд ли изделия тогда глазуровали, ведь для крестьян глазурь была дорогим материалом. До глазури делали черновищие, молочение. Скорее всего, такой была и петровская игрушка. Но до наших дней она дошла глазурованной».

«ОТБОРНЫЙ» ТУРИСТ И ПОГРЕМУШКИ- ГРЕМОТУШКИ

В XXI веке у петровской игрушки появился собственный музей с просторным и вместительным залом, который позволяет в полной мере представить все ее многообразие.

Впрочем, здесь можно увидеть игрушки не только Костромского края: за долгие годы работы, путешествий по различным фестивалям, обмена с разными мастерами собралась большая коллекция. Все это пряталось в коробках и хранилось в «запасниках» мастерской. Люди часто изъявляли желание посмотреть на накопленное богатство, на образцы петровской игрушки. А показать-то было и негде... «У нас было подвальное помещение, собственно, оно есть и сегодня – там у нас находится мастерская, которую мы называем авгиевыми конюшнями, – смеется Светлана. – Людей туда не поведешь – там идут рабочие процессы». Светлана и Михаил стали искать помещение. Конечно, это было непросто –

зал, по их представлениям, нужен был большой. После долгих поисков такой удалось найти на окраине Костромы. Но в том, что музей расположился не в центре, его создатели видят только плюс: «Если бы турпоток был больше, ушла бы художественная ценность, пришлось бы упрощать изде-

Светлану и Михаила соединила глина. Да так крепко, что этот союз стал и творческим, и семейным

лия. А для нас важно было сохранить баланс. Мы не ставили перед собой цели обогатиться или создать туристический объект. Мы хотели показать людям петровскую игрушку. А некоторая удаленность от центра гарантирует, что до нас добирается «отборный» турист. Приходят только самые стойкие, самые знающие – те, кому это на самом деле интересно, – рассуждает Светлана. – Равнодушных к нашему промыслу приходит один на тысячу. Хотя встречаются, конечно. Вот буквально на днях мужчина возмущался, что мы так подробно рассказываем о крестьянской культуре, традициях, поверьях. А как же без этого? Ведь в крестьянском мире все это связано. Все верования, поверья, поговорки, пословицы – они неразрывно связаны с крестьянской жизнью. И орнаменты у нашей игрушки языческие, как это можно изменить, если все уходит корнями глубоко в историю?»

Орнаменты петровской игрушки перекликаются с узорами, встречающимися в вышивке, в резьбе по дереву – символы одни и те же, характерные для крестьянской жизни. Конь, лестница в небо, цветок плодородия, а еще шестикрылая розетка Перуна-громовержца. «Вы обратите внимание на наличники – каждый второй будет со знаком Перуна-громовержца. Будут там и Макоши. Макошь – это покровительница плодородия, богиня судьбы. Изображается как женщина с поднятыми руками, она часто присутствует на северных вышивках, ее можно увидеть на рушниках, – объясняет Светлана. – В орнаментах встречаются одни и те же знаки – солнце, дождь, земля, вода, вспаханные поля. Все, что крестьянин видел, отражалось и в вышивке, и в игрушке. Где влияние города было сильнее, появлялись и городские сюжеты, а где этого влияния не было, образы и символы оставались одни и те же. И хотя сейчас мы, может быть, добавляем немного

Петровская игрушка осталась обливной. Расписной она так и не стала – в этом ее характерная особенность

новых сюжетов, все равно наша игрушка в основном однозначная – это, как правило, одна фигура. Таких сюжетов, как в каргопольской или дымковской игрушке, в костромской не увидеть. Козел, баран, свинья, утка – кого видел крестьянин, того и лепил. Есть и человеческие образы – их называют «скоморохи», и бабы-кормилицы – женщины с детьми. Игрушки отражали все то, что окружало крестьянина».

Правда, есть один выбивающийся из этой вереницы образ: в петровской игрушке встречается... слон. Говорят, такой неожиданный персонаж появился после поездки Павла Иванова в Ленинград, в Эрмитаж, где проходила выставка его работ. Павел Алексеевич увидел животное в зоопарке, потом слепил его по памяти – так в петровской игрушке появился слон. «Впрочем, это не такая уж редкость. Говорят, в наших храмах можно увидеть и слонов, и крокодилов. Гиды рассказывали мне, что в нашем Троицком соборе в росписи можно найти слона», – улыбается Светлана Пиманова.

А если соблюдать точность, то люди лепили не только то, что видели, но и то, что слышали. Ведь петровская игрушка еще и звучит. В музее то и дело раздаются мелодичные трели – это мастера проверяют новые изделия. «Игрушка у нас звучащая, но не всегда свистящая, – объясняет Светлана. – В арсенале петровской игрушки есть еще разряд погремушек, гремотушек. Считалось, что такой шум оберегает дом, людей, призывают силы природы. И неслучайно на праздниках часто играли свистульки – не потому, что это музыкальный инструмент, а потому, что это считалось музыкальным оберегом. И по своим наблюдениям могу сказать, что каждого человека свист притягивает. А звуки у петровской игрушки очень интересные – от высоких до низких. Когда к нам музыканты заходят – тут такие трели разлива-

Костромские гончары шутят, что женщины платят за маски из глины, а их руки получают эти процедуры постоянно. Правда, потом пересушенная кожа остро нуждается в креме

ются... Возможности у наших свистулек богатые».

Заходят в музей не только музыканты – здесь побывали, наверное, представители всех профессий. Да и география гостей обширна. «Откуда только не приезжают. Интернет – это великая мощь. Вот всегда говорят про сарафанное радио – это самая единственная реклама, когда информация идет от человека к человеку. Теперь сарафанное радио приобрело такие масштабы, что новости разлетаются по

всему миру. Один человек побывал, привел еще пятерых. Двое побывали – привели десятерых. И это работает как снежный ком», – утверждает Светлана. Такой популярности создатели музея не ожидали. «Приятно, что есть люди, которые приходят к нам в четвертый, в пятый раз. Когда слышу такое, говорю: наверное, на экскурсию не пойдете? Но они идут, говорят, что интересно. В такие моменты думаешь – не зря мы все это затеяли...». Конечно, не зря.

Глина может воплотить любую задумку творца

ПЕЧКА-ХУДОЖНИК И ДРУГИЕ ТВОРЦЫ

Наверное, петровская игрушка сохранилась бы в музеях, может быть, о ней знали бы только искусствоведы. Но такой популярности, как сегодня, костромской промысел точно не приобрел бы. Вряд ли слава о нем разле-

телась бы до самых дальних гра- ниц России и перешагнула за ее пределы. После открытия му-зея образцы петровской игруш-ки появились в домах самых разных городов, ведь гости мо-гут не только посмотреть на на-родное творчество, но и сами ста-ть творцами: на мастер-клас-

Современные мастера стараются сохранить классические образцы петровской игрушки и не менять ее традиционного вида

сах в музее каждый желающий собственными руками мастерит петровскую игрушку. «В на-ших изделиях каждый находит что-то для себя. Игрушки нра-вятся очень многим, у нас их охотно покупают, мы нередко сидим с пустыми полками – все разлетается. Как-то я пробова-ла подсчитать, получилось, что за месяц уходит более тысячи экземпляров. Больше считать не стала, – машет рукой Свет-лана. – А ведь на мастер-клас- сах и гости лепят сами, и наши ма-стера лепят, и все равно не хватает». Мастер-классов, как приблизительно подсчитали в музее, за год проводится около 5 тысяч! Пожалуй, цифра гово-рит сама за себя... Большинство гостей не отказы-ваются от возможности создать фи-гурику, ведь это дей-во-сре-дни волшебству, когда бесфор-менный кусок глины превраща-ется в игрушку, причем не

В каждой местности глина своя, и даже в одной яме не бывает одинаковой глины

простую, а музыкальную. И волшебство это творится руками... Впрочем, есть у мастеров и свои волшебные палочки. «Стеков очень много. – Светлана крутит в руках тоненькую палочку, которой только что наносила узор на коняшку. – Вот этот Михаил выстругал сам из бересклета – его древесина прекрасно подходит для глины».

Похоже, Светлана знает о лепке все, но признается, что всему училась у супруга – Михаила Шмарова можно назвать настоящим гуру глины. Многолетний стаж и опыт позволяют ему предугадать поведение этого порой непредсказуемого материала, создать правильный состав, слепить что угодно... Чтобы понять, как трудились гончары в далеком прошлом, Михаил Александрович провел сложнейший эксперимент. «Он умудрился воспроизвести технологию прошлого в муфельной

Сегодня петровская игрушка разъехалась в разные края – гости охотно приобретают образцы этого промысла, а нередко и сами становятся творцами, делая игрушки на мастер-классах

электрической печи, что практически невозможно, потому что надо обеспечить горение кислорода. Чтобы было максимально приближено к условиям прошлого, он клал в печь дрова, завернутые в специальную технологическую вату, которая не горит. Все это заворачивал

в специальную фольгу, чтобы на последнем этапе обжига сгорел кислород. Это был сложный опыт, который требовал серьезных расчетов, но он со всем справился, – рассказывает Светлана Пиманова. – Вообще, музей показал, насколько разный подход у мужчин и женщин к твор-

Кажется, что у каждого изделия свой характер

Когда в руках мастера безликий и бесформенный кусок глины оживает, превращаясь в произведение искусства, это кажется волшебством

Секрет обаяния этих простых изделий, наверное, в их наивности. Незамысловатая игрушка покоряет сердца своей искренностью

честву, насколько разная у нас психология. Мужчины больше специализируются на технологиях – как глину размешать, какую глазурь применить, при ка-

кой температуре обжигать. Нас, женщин, больше интересуют мифы, сказки, предания».

«После обжига игрушки меняют цвет, – объясняет Светлана. –

Керамист должен владеть и цветовым искусством». Как выясняется, описания этих процессов практически нигде нет. Знают об этом только гончары, а искусствоведы, например, не догадываются, как в керамических изделиях появляется зеленый цвет. Светлана начинает объяснение издалека: «У нас ручи текут красной водой, потому что в воде много железа. Так проявляется наш север. Когда глину обжигали в дровянной печи, происходило восстановление железа. С печкой как было – доводили температуру до нужной, закрывали заслонкой и полностью замазывали глиной, давая остить. А в печке идет химический процесс, цвет у черепка становится как у настоящего железа – серый. Причем происходит это неравномерно. Поэтому одна и та же глина может дать разные цвета. Почему так происходит? Газовая среда может быть неоднородной. Кислород сгорает неравномерно». Да и как кислород мог сгорать равномерно, если печи были просто огромными – в костромских деревнях на гончарной печи могли уместиться 9 человек. А сколько в такую «печурку» горшков влезало... И, конечно, готовые изделия могли получиться разных оттенков – где-то серый, где-то зеленый цвет, ну, и рыжей классики, конечно, никто не отменял. Так что печь – тоже немного художник, она тоже творила чудеса, добавляя изделиям живописности.

Светлана и Михаил продолжают копаться в истории, находя все новые и новые сведения о старинном промысле. «Очень многое всплыивает в сказках, пословицах, поговорках, загадках. Когда все это собираешь, складывается картина крестьянского быта. Сейчас часто говорят про генетический код – а вот он, ключ от этого кода, – показывает Светлана один из образцов глиняной игрушки. – Наша история состоит из маленьких крупинок, которые мы должны собирать, чтобы не терять связи со своими предками».

БЕССМЕРТНЫЙ БАС

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

СЫН ВЯТСКОГО КРЕСТЬЯНИНА, ПЕВЧИЙ В ЦЕРКОВНОМ ХОРЕ, УЧЕНИК САПОЖНИКА... ОТЕЦ МЕЧТАЛ ВЫРАСТИТЬ ИЗ НЕГО РЕМЕСЛЕННИКА И РУГАЛ ЗА УВЛЕЧЕНИЕ ТЕАТРОМ. КАК ОКАЗАЛОСЬ, ЗРЯ: БАС ФЕДОРА ШАЛЯПИНА ПРОГРЕМЕЛ НА ВЕСЬ МИР. НА РОДИНЕ ОН БЫЛ НЕ ПРОСТО ЗНАМЕНИТ – ОБОЖАЕМ. НО ОБОЖАНИЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ ПОСЛЕ ТОГО, КАК ПЕВЕЦ НЕ ВЕРНУЛСЯ В РОССИЮ С ЗАРУБЕЖНЫХ ГАСТРОЛЕЙ. ЕГО ЛИШИЛИ ЗВАНИЯ НАРОДНОГО АРТИСТА, КОТОРОЕ ВЕРНУЛИ – ПОСМЕРТНО – В 1991 ГОДУ. А ПЕРВЫЙ МУЗЕЙ ШАЛЯПИНА ОТКРЫЛСЯ В ЕГО ПЕТЕРБУРГСКОЙ КВАРТИРЕ ЛИШЬ В 1975 ГОДУ.

В

СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ О «невозвращенце» Шаляпине на родине предпочитали молчать, потому открыть музей было непросто. Нашлись даже те, кто бомбардировал чиновников письмами с протестами против создания музея «изменника родины».

Но музей все же открыли. Экспозицию помогли выстроить дети певца. Марфа Федоровна передала музею документы, письма, личные вещи отца, включая пепельницу с поющим котом, нарисованным Жаном Кокто. Ее Шаляпину подарил сам писатель. Борис Федорович пополнил экспозицию театральными костюмами и папrikами отца. Аккомпаниатор

Большая гостиная.

На стене – портрет Федора Шаляпина кисти Бориса Кустодиева

Шаляпина сохранил его пальто и шляпу и прислал их из Финляндии. У наследника секретаря и друга певца Исаи Дворищина музей приобрел рисунки и письма Шаляпина. Изящные золотые канделябры передала в музей вдова электрика, который получил их в подарок от знаменитого баса. Что же касается интерьеров, то их восстановили по фотографиям: Шаляпин часто позировал в своей гостиной художникам, во время некоторых сеансов были сделаны фотографии. К тому же при расчистке стен были найдены обои, которые удалось повторить на заказ, так что стены в музее сегодня выглядят так же, как при именитом хозяине.

Эскизы и фото костюма Мефистофеля. Первое выступление Шаляпина на сцене Мариинского театра состоялось в опере Шарля Гуно «Фауст» в 1895 году

Имя Шаляпина долгое время было под запретом, и только в 1989 году на фасаде музея появилась мемориальная табличка

Петербургская квартира Шаляпина в доме №2Б на Пермской улице (ныне улица Графтио) – последний адрес певца в России. Трехэтажный особняк с плоскими пилястрами и единственной парадной 42-летний певец купил в 1915-м и прожил в нем восемь лет до отъезда за рубеж. Здесь, на Аптекарском острове Петроградской стороны, селилась петербургская интеллигенция. По соседству квартировали друзья певца: Леонид Андреев, Максим Горький, Борис Кустодиев. Шаляпин поселился на Пермской, будучи уже весьма состоятельным человеком, и жил здесь со своей второй женой – Марией Валентиновной Петцольд. Семья певца заняла второй этаж. Условно квартира площадью почти 600 квадратных метров была поделена на «взрослую» и «детскую» половины. Она отапливалась каминами, парового отопления, которое Шаляпин считал вредным для голосовых связок, не было. Зато был телефон: 606-14.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Федор Шаляпин появился на свет 1 (13) февраля 1873 года в Казани в семье писаря уездной земской управы. Жили бедно. В семье родилось шестеро детей, но выжили только Федор и младший, Василий.

Пету Федору нравилось с детства. С детства же он подрабатывал певчим в церковном хоре. Отец пытался пристроить сына учеником к сапожнику, затем к токарю, но дело не заладилось. В 12 лет Шаляпин впервые попал в театр и, как вспоминал сам певец, сделался «практически невменяемым». Домашние на походы в театр смотрели косо.

В Казани Федор окончил начальное училище, затем в Арске – ремесленное, сначала учился на плотника, затем – на переплетчика. Но работа в мастерской его не привлекала, как и служба помощником писаря. В 1889 году Федор поступил статистом в труппу В. Серебрякова, получал сущие гроши. В марте 1890-го он впервые получил возможность блеснуть на сцене: Шаляпин исполнил партию Зарецкого в опере «Евгений Онегин» в постановке Казанского общества любителей сценического искусства. В сентябре того же года он уехал в Уфу, где выступал в труппе под руководством Семенова-Самарского. Затем были гастроли по империи в составе труппы Деркача. Все это время Шаляпин получал смехотворные гонорары, порой нищенствовал и брался за любую работу.

В 1892-м в Тифлисе Шаляпину посчастливилось познакомиться с опытным певцом Дмитрием Усатовым, который стал его первым учителем по вокалу. Распознав огромный талант, Усатов не только бесплатно учил певца, но даже кормил его и снабжал одеждой.

В 21 год Шаляпин приехал в Москву, мечтая петь в Большом театре, однако в дирекции прослушивать провинциала не стали. С антрепризой Михаила Лентовского он уехал выступать в петербургском увеселительном саду «Аркадия» и не упускал возможности выступать на благотворительных концертах и разнообразных вечерах. Постепенно общительный и обаятельный Шаляпин обзавелся в столице полезными знакомствами. Наконец молодым певцом заинтересовались в Мариинском театре, с которым в начале 1895 года Шаляпин подписал контракт на три года. Правда, работа здесь вскоре разочаровала Федора Ивановича, да и отношения с начальством и труппой у него не складывались. Летом 1896 года Шаляпин отправился на Всероссийскую промышленную и сельскохозяйственную выставку в Нижнем Новгороде, надеясь подзаработать в местном театре. Эта поездка стала для Шаляпина судьбоносной. Во-первых, здесь он познакомился с Саввой Мамонтовым, предложившим певцу перейти в свою Московскую частную русскую оперу. Правда, Мамонтову пришлось долго уговаривать Шаляпина и даже заплатить Мариинскому театру солидную неустойку за певца. В опере Мамонтова Шаляпин выступал в 1896–1899 годах. Именно в это время к нему приходит настоящая слава после исполнения ролей Сусанина в «Жизни за царя» и Мефистофеля в «Фаусте». Во-вторых, именно в Нижнем Новгороде певец встретил итальянскую балерину Иолу Ле-Прести (сценический псевдоним – Торнаги), за которой он трогательно ухаживал и которая в 1898 году стала его женой. У них родились шестеро детей, но выжили только пятеро.

Импровизированная грим-уборная. Федор Шаляпин предпочитал гримироваться самостоятельно

ЩИ И ЛАПТИ

В первом зале музея – импровизированная грим-уборная. На туалетном столике – щипцы для завивки волос, гримировальные мелки, ингаляторы, щетки для одежды и парика. Тут же – автопортрет Шаляпина

на образе Досифея – героя из оперы «Хованщина», выполненный гримировальными мелками. Он сам делал наброски персонажей, продумывал грим, детали костюма: Иван Грозный, Досифей, Иван Сусанин. Шаляпин не просто исполнял партии, он проживал роль и режиссировал представление.

В частной опере Мамонтова Шаляпин мог выбирать, что и как петь. А петь ему очень хотелось русское. Иван Сусанин в «Жизни за царя» Глинки, Мельник в «Русалке» Даргомыжского, Борис Годунов и Досифей Мусоргского, Иван Грозный в «Псковитянке» Римского-Корсакова. Русская музыка, вспоминает певец в «Страницах из моей жизни», многим тогда казалась «тоскливой».

Кстати, одной из первых ролей Шаляпина в Мариинском театре была роль Ивана Сусанина. Костюмер выдал ему красные сафьяновые сапоги, а не лапти. Певец возмутился. На что костюмер ответил, что директор не любит русскую оперу: от нее несет щами и перегаром. Выступая в Мариинском театре спустя несколько лет, 26-летний Шаляпин, уже знаменитый певец, снова пел Сусанина.

За письменным столом певец проводил немало времени, учтывая обширность его переписки. Стол в музее не мемориальный

Конфуз с сапогами повторился. На сей раз Шаляпин их растоптал, приказав принести лапти. Одна из самых удачных ролей Шаляпина – Борис Годунов в одноименной опере Мусоргского. Шаляпин готовился к ней очень тщательно, пытаясь понять психологию своего героя. Он даже обратился за консультацией к известному историку Василию Ключевскому. Чтобы перевоплотиться в образ человека, сгибающегося под тяжестью грехов, Шаляпин просил костюмеров вшивать свинец в подол костюма Годунова. Певец говорил, что

для этой роли ему важно все: то, как стоит трон, и то, как лежит на подлокотнике рука. Недаром Станиславский признался: «Свою систему я писал с Шаляпина».

– Зрители приходили в восторг еще до того, как Шаляпин начинал петь. Он был убедителен и в образе царя Бориса, и в роли худого Дон Кихота. В 1933 году он снялся в фильме «Дон Кихот» у австрийского режиссера Георга Пабста. Шаляпин там играет и поет, – рассказывает директор петербургского Дома-музея Федора Шаляпина Александра Петрова.

Черно-красный костюм Мефистофеля, в котором выступал Шаляпин, создан по эскизу Александра Головина. Оперой «Русалка» (костюм Мельника в дальней витрине) закрывали театральный сезон

ВОПЛОЩЕННОЕ ЗЛО

Широкий черно-зеленый пояс в экспозиции музея в глаза не бросается. Но на него стоит обратить внимание. Это фрагмент костюма Мефистофеля, роль которого исполнял Шаляпин. С этим куском атласа связана интересная история. В мае 1900 года Федор Иванович получил телеграмму из Италии: миланский театр Ла Скала приглашал его спеть партию Мефистофеля в одноименной опере Арриго Бойто. Естественно, на итальянском языке. Шаляпину было уже 28 лет, он был знаменит, но телеграмму посчитал розыгрышем. Италия – родина оперы, судьи там строгие, а премьера оперы Бойто в 1868 году провалилась на той же сцене... Певец терзался сомнениями и затребовал огромный гонорар. Но Ла Скала принял условия. Отступать было некуда. Да и неудобно: в письме генеральный директор Ла Скала Джузеппе Гатти-Казацца назвал певца «именитым артистом» и пожелал одержать триумф. Слова итальянца оказались пророческими. Мефистофель Бойто отличается от трактовки Гуно – это не средневековый кавалер, а воплощенное зло. Над костюмами для опе-

ры работал художник Александр Головин. Идея «изобразить Мефистофеля» полунасмешки ошарашила итальянцев, но упрямый певец все же вышел на сцену за гримированным и облеченным в свой костюм. Полуобнаженная фигура в черном покрывала гипнотизировала зрителей. И зал взорвался аплодисментами. Увидеть Шаляпина в образе Мефистофеля Бойто можно на фотографии в первом зале музея.

Опера «Мефистофель» – первый зарубежный триумф Шаляпина. Публицист Влас Дорошевич писал, как избалованная мilanская публика «ревела, кричала и махала платками». Успех Шаляпина в Милане проложил дорогу в Европу «Борису Годунову»: оперу перевели на итальянский.

«ТОВАРИЩ ПО СУДЬБЕ»

В январе 1911 года Шаляпин пел в «Борисе Годунове» в Мариинском театре. Он не знал, что артисты труппы хотели получить прибавки к пенсии и задумали упасть на сцене на колени перед императором Николаем II после представления. После поклонов Федор Иванович направился было за кулисы, но тут послышались крики: «Гимн! Артисты упали на колени. И Ша-

ляпин опустился на одно колено. В книге «Маска и душа» он вспоминал об этом случае так: «Гимн вещь высокая и драгоценная. <...> Святынями не кидаются, точно гнилыми яблоками. У нас же вошло в отвратительную привычку требовать гим-

на чуть ли не при всякой пьяной драке – для доказательства «национально-патриотических» чувств». Интеллигенция обрушилась с критикой на певца. Отчитал Шаляпина и его друг Максим Горький.

Горький – важный человек в жизни Шаляпина. Судьбы этих людей похожи: оба бродяжничали, грузили баржи, жизненно-го опыта набирались «в людях». Они познакомились в 1901 году в Нижнем Новгороде. Горький расчувствовался после того, как увидел Шаляпина в опере «Жизнь за царя» и подписал певцу свой снимок: «Простому, русскому парню Федору от его товарища по судьбе А. Пешкова».

При участии Горького в Петрограде в 1917 году в журнале «Летопись» была опубликована половина автобиографии Шаляпина «Страницы из моей жизни». Через пятнадцать лет в эмиграции певец не без сторонней помощи написал новую книгу – «Маска и душа», в которой резко высказался о революции. Горький воспринял «Маску и душу» как вызов и посчитал ее «пошлойшей» и «ложивой». Дружба, учитывая столь принципиальные расхождения, была обречена.

МОЙ ДРУГ – ХУДОЖНИК И ПЕВЕЦ

Федор Шаляпин дружил с художниками Константином Коровиным, Александром Головиным, Александром Бенуа, Михаилом Нестеровым, Михаилом Врубелем и другими. Его часто писали.

Знаменитый портрет Шаляпина кисти Бориса Кустодиева – украшение музейной коллекции. Певец стоит на заснеженном пригорке в роскошной шубе нараспашку. За его спиной – ярмарочный барабан, если присмотреться, можно найти афишу с именем

Шаляпина. По просьбе певца на картине изображены его дочери Марфа и Марина, а еще – Исаи Дворишин. У ног Шаляпина – любимый бульдог. Заказчик был в восторге и купил картину, которую Кустодиев писал уже парализованным, за солидную сумму. Холст несколько раз просили на выставки. Потому Кустодиев год спустя пишет меньшую по размеру копию, изменив палитру и детали. Сейчас она находится в собрании Русского музея. А картину, принадлежавшую Шаляпину, дочери певца подарили музею.

Малая гостиная
украшена
портретами
хозяина
и его супруги

Шаляпин много фотографировался, в музее хранится немало снимков певца и его близких. В его петербургской гостиной часто собирались именитые гости – Рахманинов, Блок, Горький, Куприн, Маяковский, Чуковский, – тогда она превращалась в концертный зал. Правда, рояль из этой гостиной позже переехал в московский Дом-музей Шаляпина на Новинском бульваре. Наверняка гости слышали не только живое пение хозяина, но и записи его вокала. Одним из первых Шаляпин стал записывать свой голос на пластинки. В музее хранится изящная винтажная виниловая пластинка – вид фонографа, которым пользовался Федор Иванович. Певцу его подарила звукозаписывающая компания на десятилетие сотрудничества, в 1912 году.

«ГРАДУСНИК» И «АНТИЧНЫЙ БОГ»

Со своей второй женой, Марией Петцольд, Шаляпин познакомился в 1906 году в Москве. По одной версии, это произошло на скачках, по другой – в доме богатого купца Ушкова, супруга которого была старшей сестрой Марии Валентиновны. К этому моменту Петцольд была молодой вдовой с двумя маленьенькими детьми на руках. Между ней и певцом вспыхнул бурный роман. Петцольд уехала с Шаляпиным в Петербург, где он, не стесняясь, знакомил ее со своими друзьями. Жена Федора Ивановича Иола Ле-Пresti в это время лечилась в Италии. Узнав об измене мужа, она предложила ему развестись. Но Шаляпин отказался. Тогда Иола Игнатьевна объявила, что муж свободен, но формальный брак они сохранят, чтобы не травмировать детей. Певец стал жить на два города и две семьи. Иола Игнатьевна с пятью детьми осталась в Москве, Мария Валентиновна со своими детьми от первого брака – в Петербурге. Она родила Шаляпину трех дочерей: Марфу, Марину и Дасию, которые с согласия Иолы Игнатьевны носили фамилию отца.

Прихожая.
При Шаляпине
вход в квартиру
располагался
иначе.
Из прихожей
гости могли
пройти
в столовую
или в гостиную

Добавим, свое наследство певец завещал второй супруге и всем кровным детям. Шаляпин развелся с Ле-Прести только в 1927 году, уже в Париже оформив брак с Петцольд.

Друзья семьи называли Марию Валентиновну «градусником»: она знала, в какой момент и как можно подойти к вспыльчивому мужу. Шаляпин любил играть в карты и очень не любил проигрывать – в музее хранится ломберный стол певца. Нередко Мария Валентиновна тайно просила гостей оставить последнюю партию за ним.

Энергичная, властная, яркая – в малой гостиной музея можно увидеть портрет второй жены Шаляпина кисти Кустодиева. Мария Валентиновна осталась недовольна работой художника: считала, что похожа на нем на замоскворецкую купчиху, а она гордилась дворянским происхождением. Если присмотреться, на пальце Марии Валентиновны сверкает бриллиантовое кольцо – подарок Шаляпина по случаю рождения первой дочери, Марфы. В музее стоит скульптурный портрет хозяйки, созданный самим Шаляпиным.

– Вы заметили трость, на которую так живописно опирается Шаляпин на картине? Когда певцу диагностировали сахарный диабет, то запретили алкоголь. Потому он пошел на хитрость, чтобы не нервировать Марию Валентиновну. Трость имела небольшой секрет: внутрь наливался коньяк, – рассказывает Александра Петрова. – А на прогулки в эмиграции он выходил только с ней. После смерти отца Марина Федоровна подарила трость Ираклию Андроникову. А он – музею.

Если Борис Кустодиев увидел певца барином, то художник Александр Яковлев изобразил его на картоне античным богом. Картина украшает малую гостиную. Дочь Шаляпина Ирина уверяла, что в день смерти отца, 12 апреля 1938 года, картон на портрете треснул. Трещина заметна и сейчас.

По описаниям дочерей певца, в родительской спальне стояла похожая кровать с тайником

«ИТАК, Я БУРЖУЙ»

Щи кислые с грудинкой и гречневой кашей, пельмени, бифштекс с кровью, бефстроганов сильно перченый – это любимые блюда Шаляпина, которые ему подавал личный повар Николай Хвостов. Те же кушанья верный Николай будет готовить своему патрону и на гастролях. Хвостов был и поваром, и костюмером, и камердинером Шаляпина, и компаньоном, позволяющим обыгрывать себя в карты.

Стену столовой музея украшает коллекция оружия, собранного Горьким во время поездок по

России. Эти реликвии Горький подарил Шаляпину, зная, что тот не любит пользоваться на сцене бутафорией. В театре певцу разрешали использовать оружие на сцене, но при условии, что оно будет не заточенным. Революцию Шаляпин сначала воспринял с воодушевлением, но быстро разочаровался. Его квартиру часто обыскивали, изымали ценные вещи, экспроприировали автомобиль. Счета в банках национализировали, гонорары стали выдавать провиантом. «Итак, я – буржуй. В качестве такового я стал подвергаться обыскам», – писал

Малая гостиная. Говорят, куклу в белом платье перед отъездом певец подарил дочери Исаи Дворищина Софье

певец в своих мемуарах. Но в 1918 году его назначили художественным руководителем бывшего Мариинского театра и первому присвоили звание народного артиста.

После эмиграции Федора Ивановича в квартире проживал его секретарь Исаи Дворишин, сохранивший множество вещей своего патрона. Когда к 1927 году стало ясно, что Шаляпин на родину не вернется, его квартиру уплотнили, разбив на три коммуналки. Дворищины жили в двух комнатах. Исаи Дворишин очень хотел сохранить вещи великого певца и не стал эвакуироваться во время войны. Зимой 1942-го он умер.

ЭМИГРАНТ ПОНЕВОЛЕ

В 1922 году, получив командировочное удостоверение, Шаляпин вместе с Марией Валентиновной уехал на гастроли в Англию, затем – в Америку. Половину гонораров за концерты певец перечислял государству. Власти быстро усвоили: Шаляпин поет – казна богатеет. Так что после первых зарубежных гастролей Шаляпин вновь отправился за границу – теперь на пять лет. Уехали и все дети певца, кроме Ирины, она осталась в России с матерью – Иолой Игнатьевной.

В 1925 году Шаляпин купил дом в Париже, в котором поселился с Марией Валентиновной и дочерьми. А через два года случился скандал. Шаляпин пожертвовал 5 тысяч франков детям русских эмигрантов. В Советской России это посчитали пособничеством белоэмиграции: Шаляпина проклинали и обличали, лишили звания народного артиста и советского гражданства.

– В 1927 году Ирина Федоровна увозит в свой дом в Москву вещи из петербургской квартиры, в том числе рояль отца и его портрет в образе греческого бога. Исаи Дворишин составил описание вещей, которые она увез-

Актриса Мария Савина подарила Шаляпину шкатулку с конфетами перед спектаклем «Псковитянка». Этую шкатулку можно увидеть в столовой

Певец нередко позировал художникам и скульпторам. Таким его запечатлел Серафим Судьбинин

ла, с формулировкой: «На остальное притязаний не имею». Оставшиеся вещи стали основой нашей экспозиции, – рассказывает Александра Петрова.

В 1929 году Федор Иванович встретился в Риме с Горьким. Горький агитировал певца: «Поезжай на родину, посмотри на строительство новой жизни...» Больше Шаляпин и Горький не виделись.

Позиция советской власти по отношению к певцу была двойственная. С одной стороны, унизительные санкции и травля в прессе. С другой – настойчивые приглашения вернуться на родину. До певца доходили слухи, что власть готова вернуть ему звание народного артиста, пожаловать виллу в Крыму, но с условием, что он раскается в своей «недружелюбной, антисоветской акции». На родину Федор Иванович не вернулся.

В апреле 1938 года Шаляпин скончался в Париже от лейкоза. Его похоронили на небольшом кладбище Батиньоль. Эпитафия на его надгробии гласила: «Здесь покоятся Федор Шаляпин, гениальный сын земли русской». Через 46 лет прах артиста был перезахоронен на Новодевичьем кладбище Москвы. ■

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

«КРАСНОЕ» СОРМОВО

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

В 1922 ГОДУ СЕЛО СОРМОВО ПРИОБРЕЛО СТАТУС ОТДЕЛЬНОГО ГОРОДА. ПО СУЩЕСТВУ, ЭТО БЫЛ ГОРОД ОДНОГО СУДОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА. ПРЕДПРИЯТИЕ ПРОДОЛЖАЛО РАСТИ ТАК БЫСТРО, А НИЖНИЙ НОВГОРОД БЫЛ ТАК БЛИЗКО, ЧТО В 1928 ГОДУ СОРМОВО СТАЛО РАЙОНОМ НИЖНЕГО. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ СОРМОВО ДО СЕГО ДНЯ СОХРАНЯЕТ СВОЕОБРАЗНЫЙ ДУХ.

В 1922 ГОДУ СОРМОВСКИЙ завод изменил название на «Красное Сормово». В реальности завод и все Сормово стало «красным» гораздо раньше – сразу после октября 1917-го. Одно из крупнейших предприятий страны превратилось в опору большевиков. За считанные месяцы сормовичи переориентировали

цеха для поддержки Красной армии. Одели в броню, вооружили орудиями и пулеметами более 20 буксирных пароходов – в том числе флагман Волжской военной флотилии канонерскую лодку «Ваня-коммунист». Легендарный «Ваня» был в строю до Великой Отечественной войны. И до сих пор лежит на дне Волги, потопленный немцами в 1943 году.

«ПЕРВЫЙ МАРШАЛ» И «РЕНО-РУССКИЙ»

В годы Гражданской войны сормовский завод построил более 30 бронепоездов. Самый известный экземпляр и абсолютный долгожитель – «И имени товарищай Шаумяна и Джапаридзе». В 1919 году бронепоезд был захвачен денкинцами и сменил название на «Доброволец». Затем снова вернулся к «красным». В 1920 году в боях на Украине перешел в руки польской армии и получил имя «Первый маршал» – в честь маршала Юзефа Пилсудского. В 1930-х годах поляки модернизировали вооружение поезда, и он участвовал в боевых действиях против немцев с первых дней Второй мировой войны. Затем воевал с Красной армией на востоке. Был отбит советскими войсками в сентябре 1939 года и заступил на боевой пост в районе Ивано-Франковска. В начале Великой Отечественной войны использовался в нескольких боях против гитлеровцев. Закончил свой боевой путь в Красной армии 7 июля 1941 года – вероятно, из-

Танк «Борец за свободу тов. Ленин». Фотография, отправленная с завода Льву Троцкому

за отсутствия боеприпасов бойцы оставили поезд, предварительно взорвав бронепаровоз. Затем до последних дней войны поезд служил немцам на Восточном фронте. О конце броневого долгожителя мало что известно. Поезд попал в руки Красной армии и, по всей вероятности, отправился на металломолом.

В Сормове был построен и первый отечественный танк. В марте 1919 года под Одессой большевики застали врасплох франко-греческие военные части – интервенты бежали, бросив артиллерию и технику на поле боя. Среди трофеев оказались четыре легких французских танка Renault FT-17. Многие красноармейцы видели новейшую технику впервые, фотографировались с диковинкой, но «оседлать» не смогли – требовались навыки, чтобы разобраться с такой машиной.

Три танка отправили на Харьковский завод, а один – в Москву в качестве подарка Ленину как «современное чудище», пограничное «пролетарской революцией». Вождю трофей понравился, и он предложил производить подобные танки. Выборпал на Сормово – к тому времени сормовское предприятие уже славилось как «завод-пионер» и «завод-универсал». Туда и отправили подаренный Ленину «рено».

«Сормовичи воспроизвели трофейный танк за 11 месяцев, – рассказывает заместитель директора музея завода «Красное Сормово» Маргарита Геннадьевна Финюкова. – Хотя изначально предполагалось, что производство займет гораздо больше времени. «Рено» разобрали до винтика, чтобы сделать чертежи. Проектом занимались несколько инженеров, в том числе двое просоветски настроенных французов, работавших ранее на заводе «Рено». Важную роль сыграли и смекалистые сормов-

Сормовские рабочие у свежеиспеченного танка «Рено-русский»

ские рабочие, разобравшиеся, каких деталей не хватает в образце, чем их можно заменить: «рено» на завод прибыл не на ходу, без коробки передач и других узлов. На заводе делали модели деталей из дерева, подгоняли, пробовали, изготавливали формы для литья. Усовершенствовали конструкцию танка. У французов в качестве оружия предполагались либо пушка, либо пулемет – сормовичи установили сдвоенное вооружение. Стрелок в «рено» сидел на подвесном кожаном сиденье, на ухабах его болтало в разные стороны – немудрено было разбить голову о железо и торчащие везде болты. В нашем исполнении сиденье стрелка стало более удобным и безопасным. 31 августа 1920 года был готов первый танк, названный «Борец за свободу тов. Ленин». Трофейный же образец был доведен до ума и остался трудиться на заводе в качестве трактора. Всего сормовичи наклепали 15 танков серии «Рено-русский». В буквальном смысле наклепали – сварка тогда еще не была известна».

Маргарита Финюкова разбрала архивы завода, нашла чертеж первого танка и написала о создании «Рено-русского» книгу

Один из бронепоездов, сделанных в Сормове

ПО СТАРому СОРМОВУ

У северной проходной завода исторический танк воспроизведен с максимальной точностью. Стоит он вместе с великим «братьем» – Т-34 (во время Великой Отечественной войны завод выпустил 13 тысяч Т-34. – Прим. авт.). Т-34 здесь самый что ни на есть исторический – этот танк одним из первых ворвался в Берлин. В 1946 году танкисты прислали заводу боевого друга в качестве подарка – на память. Интересно, что создатель и первый главный конструктор танка Т-34, Михаил Ильич Кошкин, также приложил руку и к «Рено-русскому». В 1918 году он по ранению попал в госпиталь Нижнего Новгорода. Выздоровление совпало с прибытием танка на сормовский завод. К тому же Кошкин поступил на завод слесарем. В своих мемуарах конструктор писал, что, «если бы после той малой партии сормовичи продолжали бы собирать танки, я, возможно, остался бы у них надолго».

Неподалеку от монумента на улице Коминтерна стоит привычный памятник Ленину. Он установлен в 1927 году и является самым старым памятником Сормова. Сама бронзовая фигура – копия известного памятника скульптора Василия Козлова, что стоит у Смольного в Петербурге. Постамент же очень необычный – со ступенчатыми элементами и стелой за спиной Ленина.

А самый оригинальный памятник вождю пролетариата стоит в начале улицы Коминтерна, на границе Сормовского и Московского районов: Ленин с телом... Странно, что это мало кто замечает. Телосложение, поза и, главное, знаменитый френч – все выдает Иосифа Виссарионовича. Исследователи полагают, что таким образом после разоблачения культа личности решили сэкономить на парковом дизайне – поменяли памятнику Сталина лишь голову...

Вообще, пройтись по старому Сормову вдоль растянувшее-

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

Памятник
Ленину,
открытый
в 1927 году
в честь 10-летия
Октябрьской
революции

гося по Волге завода – это окунуться в буйство стилей и эпох, перемешанных самым неожиданным образом. Резные избы середины XIX века и пестрые современные башни в 25 этажей, старые храмы и первый кинотеатр «Буревестник»...

«ДОМ-КОММУНА»

Совершенно исключительное здание – дом №5 по улице Энгельса, построенный в 1935 году. Поражает он и архитектурным замыслом, и тем, что об этом чудо-юде почти никто не знает – даже жители близлежащих домов. Мне рассказала о доме Маргарита Финюкова, она же разобралась в его причудливом строении и нанесла его на карту сормовских достопримечательностей. По этой карте я и двигался к улице Энгельса, а номер дома не удосужился запомнить. И вот стою вроде бы в нужной точке. «Чуда» не вижу. Спрашиваю прохожих: где дом, у которого с одного фасада шесть этажей, а с другого – четыре? Нет, говорят, такого... Заметить дом в самом деле непросто. Он почти ничем не отличается от потертых желтых пятиэтажек. И нет такого места, чтобы можно было обнять взглядом оба фасада разноэтажного дома.

Это не что иное, как «дом-коммуна» – образец авангардного стиля 1920–1930-х годов. Построен для рабочих завода. Социальный смысл таких домов был в обобществлении быта, наличии общих сто-

такие разные танки отделяют всего двадцать лет...

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

«Дом-коммуна» на улице Энгельса. Хотя «коммуну» здесь создать не получилось, часть квартир долгое время были коммунальными

него два входа. Через них можно пройти в коридоры, тянувшиеся вдоль всего дома на втором и пятом этажах. Все квартиры двухуровневые. Проход в квартиру идет через общую кухню и санузел в четырехэтажной секции, где высота потолков 3,6 метра. На этом же уровне расположена одна «высокая» жилая комната. Две другие комнаты «коммуны» находятся в шестиэтажной секции — к ним ведет деревянная лестница из кухни. Высота потолков здесь 2 метра. Для лучшего понимания «озарения» немецкого архитектора привожу схему планировки дома, сделанную Маргаритой Финюковой.

Постороннему может показаться, что в таких хитросплетениях лестниц, кухонь, комнат, коридоров несложно тронуться умом или, во всяком случае, быстро утомиться все время ходить по лестницам. И каково жить в комнатах с двухметровыми потолками? Местные жители говорят, что к расположению комнат и ходьбе по лестницам привыкли. Загадочному немцу пеняют только на отсутствие балконов — так хорошо было там ставить велосипеды и мешки с картошкой, любоваться близлежащим Сормовским парком. Впрочем, некоторые хозяева этот недочет архитектора исправили сами. Ну, и власти жители благодарят, что в 1984 году в дом провели газ — до тоготопили дровами печи, расположенные в кухнях. Заготовки на зиму делали в дровяных сараях возле дома.

В России сохранилось несколько памятных «домов-коммун», один из них находится в Нижнем Новгороде на улице Пискунова. Известен как «Культурная революция». Никакой разноэтажности в нем нет. Дом является объектом культурного наследия регионального значения. Сормовская же «коммуна» к памятникам почему-то не отнесена, хотя «революция» там куда грандиозней. И вообще, существует ли еще хоть один подобный дом где-либо?

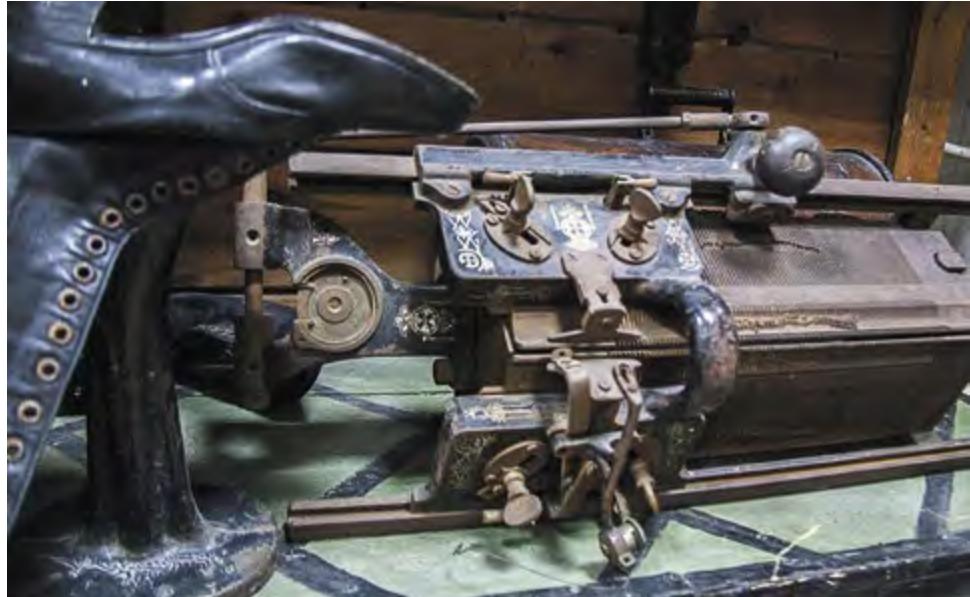
ловых, душевых, гостиных с библиотекой и настольными играми. Правда, этот дом официально не именовался «коммуной» — он был достроен в 1935 году, когда советская власть уже отказалась от подоб-

ных проектов и осудила идею как «уравниловско-мальчишеские упражнения левых головотяпов». Дом №5, как утверждают старожилы, построен по проекту немецкого архитектора. С шестиэтажной стороны у

СУДОЯМА ИЛИ СТАПЕЛЬ?

После Гражданской войны успехи «Красного Сормова» были связаны с освоением электросварки. Переход от клепаных соединений к сварным стал настоящим переворотом в советской промышленности. Из-за отсутствия нахлестов металла расходовалось на 20 процентов меньше, конструкции получались более экономичные и легкие. В 1933 году с верфей завода сошло первое в стране судно с полностью сварным корпусом — буксирный пароход «Сварщик». По легенде, капитан новейшего судна отказывался выйти в первый рейс — не доверял сварке, боялся, что на ходу швы расплузутся. Напрасно опасался. Сормовская сварка стала всесоюзным знаком качества; позднее местные сварщики научились сваривать и такие металлы «со сложным характером», как титан и алюминий. В музее выставлены интересные фото 1930-х годов самого «Сварщика» и того, как в те времена строили суда. Сейчас основная работа идет на стапелях (специальное сооружение с наклонными дорожками для постройки и спуска судна), тогда — в судояме. Гигантскую яму у самого берега Волги отделяла от воды земляная перемычка. Весной, когда уровень реки поднимался, перемычку взрывали — яма наполнялась водой, и суда всплывали. Если же весенний паводок был незначительный, суда из ямы тащили к реке по бревнам — это была настоящая проблема для судостроителей. Впрочем, маловодье здесь случалось крайне редко. В памяти сормови-

Строящиеся пароходы в судояме.
1930-е годы

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ ЗАВОДА «КРАСНОЕ СОРМОВО»

Вязальная машинка — реликвия семьи Пастуховых, память о рукодельнице из Балахны

Юрий Пастухов даже в 80-летнем возрасте приходил на завод помогать со сложными моделями

чай, напротив, остались катастрофические наводнения. Например, паводок 1926 года. Улицы Нижнего Новгорода и Сормова проходили на каналы Венеции. Некоторые здания «Красного Сормова» совершенно ушли под воду. Так, потерявшийся в образовавшемся море пароход «Орел» налетел на затопленный цех завода.

Наводнение 1926 года. Центр Сормова, на заднем плане Спасо-Преображенский собор

ОТ ЗАКЛЕПОЧНОГО СТАНКА ДО ЭКРАНОПЛАНОВ

Среди рабочих есть династии, трудящиеся на заводе с середины XIX века. Например, Пастуховы. Один из последних представителей династии — искусственный модельщик Юрий Пастухов, отработавший на заводе 45 лет. Модельщики изготавливают деревянные модели для металлических отливок. Юрий Пастухов передал музею семейную реликвию — старинную вязальную машинку. С ней связана целая история. На этой машинке работала бабушка Юрия Ивановича по материнской линии, Анна Романова. В конце XIX — начале XX века она жила в городе Балахне, к Балахнинскому уезду долгое время относилось и Сормово. В Балахне Анна славилась как искуснейшая кружевница. В 1913 году Балахну посетил Николай II с супругой Алексан-

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ ЗАВОДА «КРАСНОЕ СОРМОВО»

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ ЗАВОДА «КРАСНОЕ СОРМОВО»

ла дань Балахне как родине Кузьмы Минина. Для Александры Федоровны Анна с дочерьми сплела на коклюшках белоснежное кружевное платье, которое и преподнесла в дар во время торжественного приема. На заводе помнят и гордятся своими талантливыми рабочими всех времен. В особенности изобретателями. Хотя современники относились к изобретениям по-разному. В архивах музея сохранилась невероятная история рабочего изобретателя М. Щетинина. В апреле 1929 года он написал руководству завода ультиматум: «Против бездушного чиновничества и злостного зажима рабочих изобретений. Я объявляю голодовку и не закончу до тех пор, пока не помру – иль увижу свой

Драма изобретателя Щетинина была подробно изложена во всесоюзном журнале «Изобретатель» за 1929 год

дрой Федоровной. Приезд был приурочен к празднованию 300-летия дома Романовых – императорская семья отдава-

Единственный в России памятник судну на подводных крыльях типа «Метеор». Установлен в Сормове в 1982 году

станок...» Щетинин усовершенствовал заклепочный станок в слесарном цехе. Имеющийся станок был опасен – на нем не один рабочий лишился пальцев. Изобретатель устранил опасный механизм, а также увеличил производительность станка почти вдвое. Но отдел рационализации с одобрением нового станка затягивал. Кроме того, Щетинина преследовали за «рабкоровскую деятельность» – то есть он, как рабочий корреспондент, публиковался в местной газете.

Закончилось тем, что обессилившего от голода изобретателя друзья-рабочие отвезли в больницу. История получила огласку. Только благодаря вмешательству уездного комитета партии Щетинин прекратил голодовку, был возвращен на завод, получил средства для разработки чертежей изобретения, отправлен в Ленинград для ознакомления с работой местных заводов. Впоследствии станок Щетинина пошел в дело, использовался и на других заводах.

После войны мировую славу заводу и Сормову принесли скоростные суда на подводных крыльях и экранопланы. Ростислава Евгеньевича Алексеева, конструктора этих суперсовременных судов, сормовичи считают гением. Первые скоростные суда Алексеев начал проектировать еще в конце 1941 года – сразу после окончания Горьковского индустриального института. Если «Ракеты», «Кометы» и «Метеоры» Алексеева хорошо известны и до сих пор служат на реках и морях по всей России, то экранопланы так и не были запущены в серийное производство. Великий конструктор умер в 1980 году, а вместе с ним зачахло и это направление. На заводе до сих пор стоит огромный недостроенный экраноплан. Выглядит он как водный самолет, но летать может только низко над водой, развивая скорость до 500 километров в час.

Ростислав Алексеев в последний год жизни. Испытание экранопланов в Каспийском море

ПОСВЯЩЕНИЕ В ПОДВОДНИКИ

А все же подлодки на заводе считаются еще более сложной техникой, чем экранопланы. Работать с подводными лодками здесь начали еще в 1918 году – ремонтировали и переоснащали для Красной армии лодки времен Первой мировой войны, пригнанные в Сормово с Черноморского флота.

Главное здание завоудуправления, построенное в 1905 году

Колокол с подлодки Б-177 у входа в залы подводного судостроения

Собственные подводные лодки завод делал с 1930 по 2005 год. Всего за это время было построено 249 дизельных и 26 атомных подлодок. Залы музея, посвященные подводному судостроению, обновлены в 2020 году. Маргарита Геннадьевна бьет в колокол с подлодки Б-177, открываясь символические врата с иллюминаторами, входим в стилизованные под отсеки подлодки залы. Все сделано современно и с расчетом на интерактив. Дети могут пролезть из отсека в отсек через узкий переборочный люк, как это делают подводники, впечатлиться мириадами проводов, подержать в руках аварийный запас воды в жестяных банках, «закатиться» в тесную трехъярусную кровать, пройти символическое посвящение в подводники... Сормовские строители подводных лодок проходили посвя-

щение самое что ни на есть настоящее. В первое глубоководное погружение лодки во время государственных испытаний военные моряки в обязательном порядке берут с собой ее создателей – это гарантия качества продукции. В бытность ответственным сдатчиком дизельных «Варшавянок» членом такой сдаточной команды был нынешний директор музея, Сергей Николаевич Леонов. «Посвящение у подводников такое, – рассказывает Сергей Николаевич, – сначала нужно выпить плафон от светильника, наполненный забортной водой. Вода соленая, горькая, но что делать – пьешь. А затем целовать подвешенную и раскаивающуюся кувалду. Чтобы зубы сохранить, само собой, целовать кувалду нужно на отлете, «бежать» за ней».

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

ПОДЛОДКА-ПАРОХОД

Удивительно, конечно, что в Сормове строили подлодки. Ведь до выхода в Мировой океан из Нижнего Новгорода пробираться по рекам и каналам около 1500 километров. Но в период Великой Отечественной войны только здесь и в Комсомольске-на-Амуре строили подлодки; завод в Николаеве на Черном море был оккупирован и разрушен, ленинградский завод – в блокаде.

Строительство подлодок в Сормове весь советский период было государственной тайной. Лодки спускали на воду ночью, маскировали фанерными надстройками, ставили дымовую трубу – делали все, чтобы со спутников подлодка была похожа на обычную баржу. Так же их транспортировали к выходу в Финский залив или в Черное море – «одетыми» под теплоход. Интересно, что на заводе специалисты-эксплуатационщики подлодки называют... пароходами. В этом смысле для конспирации им ничего мудрить не приходилось. Нынешний директор конструкторско-технологического управления, Сергей Игоре-

Подлодка «Варшавянка» в качестве монумента на территории завода. 1995 год

вич Смирнов, говорит, что это такой сленг у тех, кто эксплуатирует морские суда: теплоходы, дизель-электроходы, атомные подлодки – все суда для них «пароходы». Ну, и прижился сленг на заводе.

«Только мы строили атомные подводные лодки в титановом корпусе», – рассказывает Маргарита Финюкова, – даже в США считали, что это слишком дорого. Титан – уникальный металл: легкий, сверхпрочный, не коррозийный, немагнитный. Наши четыре титановые лодки до сих пор исправно служат на Северном флоте. Особая сложность была со сваркой титана. Наши сварщики разгадали секрет титана. Оказалось, он любит идеальную чистоту и не выносит сквозняков. Сварщики работали с титаном как хирурги – в белых халатах и белых перчатках. Все окна и двери наглухо закрывали – варили 40 минут, затем 20 минут проветривали цех». Титан титаном, но вершиной подводного судостроения на заводе

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

Титановая подлодка «Барракуда» на рубежах Северного флота

признают дизельную «Варшавянку». Эту сверхмалошумную лодку американцы прозвали «Черной дырой в океане». Ее звук сложно отличить от шума моря и засечь акустикам – корпус «Варшавянки» словно облит толстым слоем рупорной резины, гасящей все звуковые волны. Кусок этого покрытия представлен в музее. Отправлялась подлодка на экспорт для стран Варшавского договора – отсюда и название.

Сегодня на заводе строят в основном танкеры, сухогрузы и дноуглубительные суда. В среднем со стапелей завода сходит одно судно в месяц. А ведь в самые «ударные» времена одних подлодок здесь строили три штуки в месяц. Но тогда на предприятии работало почти 30 тысяч сотрудников, сейчас – около 4 тысяч.

Но все меняется. В 2019 году был спущен на воду первый в стране четырехпалубный лайнер, который стал первым за последние шестьдесят лет круизным судном. «То ли еще будет, – улыбается Маргарита Геннадьевна. – Может, на экраноплане еще полетаем».

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ ЗАВОДА «КРАСНОЕ СОРМОВО»

Спуск на воду первого в России четырехпалубного лайнера «Мустай Карим». Длина судна 141 метр – максимальные габариты для заводского затона

РУСИЯ ИСКАНДАРИЯ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА В ЕГИПТЕ ПОБЫВАЛО НЕМАЛО РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ. РАЗ В НЕДЕЛЮ ИЗ ОДЕССЫ В АЛЕКСАНДРИЮ ХОДИЛ ПАРОХОД, НА КОТОРОМ ПРИБЫВАЛО БОЛЬШИНСТВО ПОДДАННЫХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ЕГИПЕТ МАНИЛ ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНОСТИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ БОМОНДА.

СЕГОДНЯ САМЫЙ ПРОстой способ попасть в Александрию – сесть в Каире на поезд. Поездов масса. Как простых, наподобие наших электричек, так и современных скоростных с мягкими креслами и кондиционерами. Только не стоит ждать, что местные поезда ходят строго по расписанию: реальная скорость на первой африканской железной дороге за 170 лет почти не изменилась. Наш «скоростной» поезд опоздал на два часа, преодолев 200 километров за пять с половиной часов! Впрочем, мы не скучали. Разглядывали в окно каналы в дельте Нила и зеленые поля до горизонта, «разбавленные» рощами финиковых пальм. После пустыни и урбанистических пейзажей сочная зелень радовала глаз.

ПЕРВАЯ ВОЛНА

История рождения российской диаспоры в Александрии нетривиальная. В конце XIX века сюда переселились тысячи евреев из России. В 1882 году комитет министров Российской империи опубликовал «Майские правила» – нормативный документ, ограничивший права еврейского населения. В результате началась массовая эмиграция евреев из России: основная их масса устремилась в США, но часть осела в Александрии. Во-первых, в Египет было легче добраться, во-вторых, здесь для российских подданных действовал особый статус: они не подчинялись местным властям и имели ряд привилегий, гарантом которых выступали англичане, оккупировавшие страну.

К тому же в Александрии традиционно жила значительная еврейская диаспора. В 1897 году ее численность достигала 25 тысяч человек, более 3 тысяч из них были подданными Российской империи.

Сегодня в Александрии о евреях напоминает лишь величественная синагога – одна из старейших и самая крупная в Египте. Отыскать ее не составило труда. Попасть внутрь мы не надеялись, однако это оказалось несложно: полицейские, охранявшие вход, взяли у нас паспорта, отксерокопировали их в соседнем здании, вернули документы и через десять минут мы оказались в синагоге. Внутри – колонны из розового гранита, старые подвесные лампады, новенькие меноры. Выяснилось,

Одна из главных улиц города (ныне улица Омаря Лотфи) в начале XX века

Обложка журнала «На чужбине» за июнь 1921 года

что первая синагога на этом месте была построена в XIV веке, она была разрушена войсками Наполеона в 1798 году. Восстановили ее в середине XIX века при паше Мухаммеде Али. К началу XXI столетия заброшенная за неимением прихожан синагога ветшала и разрушалась. Наконец власти выделили на ее реставрацию 4 миллиона долларов. Работы завершили в 2020 году. О былой многочисленной общине синагоги напоминают таблички с именами почетных прихожан, прикрученные к спинкам лавок. На глаза попалась табличка с именем Виктор Смага. Думается, это было место выходца из России.

СИДИ БИШР

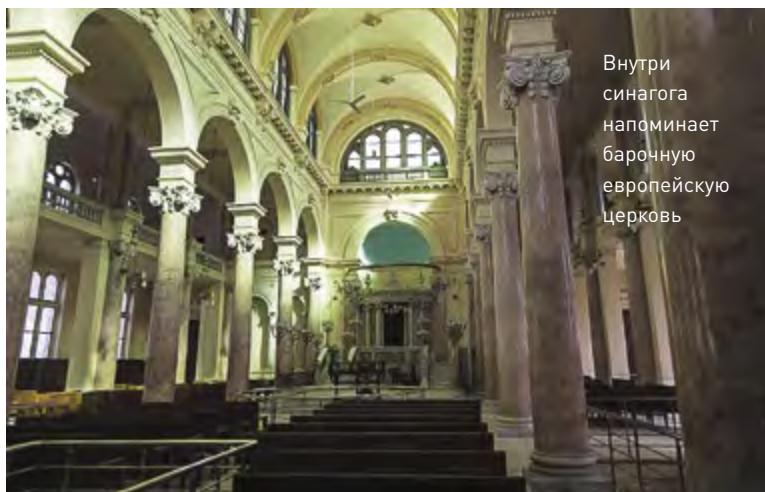
После революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войны в Александрополисе хлынул поток русских беженцев. Для большинства эмигрантов этот африканский город оказался перевалочным пунктом, но для некоторых из них он стал новым домом на десятки лет. В 1920 году в Александрополисе прибыла самая большая группа русских беженцев – около 4500 человек. Их разместили в бывшем английском военном лагере Сиди Бишр. Лагерь был разбит на три части: мужскую, семейную и госпитальную. Кто мог, переезжал в городские квартиры в городе. Но большинство

Старейшая синагога Элияху Ханави, названная в честь библейского пророка Илии

Русские на прогулке в окрестностях Александрополиса. 1920 год

выживало в лагере. Несмотря на тяжелые условия, беженцы старались наладить культурную жизнь: открыли драматический театр, устраивали творческие вечера, собирали клубы по интересам. В каждой части лагеря действовали домовые церкви. Беженцы выпускали даже журналы: «На руинах», «Орион», издание для детей «Маленький писатель».

А главным печатным органом был журнал «На чужбине». Его сохранившиеся номера – редчайший материал, рассказывающий о жизни русской диаспоры. Так, в ноябрьском номере за 1921 год сообщается о вечере, посвященном 100-летнему юбилею Федора Михайловича Достоевского. В декабре издание писало о футбольных матчах «между нашей сборной и

Внутри синагога напоминает барочную европейскую церковь

Пляжи в Сиди Бишре называют местным «Майами-Бич»

командами из окрестностей Сиди Бишра. 1 и 2 числа из Мустафы-паша и Абу-Кира – 0:3 и 0:6 в пользу англичан; 7, 8 и 19-го – с индусами: 3:1 в пользу сборной, затем 1:1 и 1:1». Тогда же в городе проходила благотворительная лотерея в помощь голодающим в России. В ней участвовала не только состоятельная Александрийская публика, но и «беднейшее население, с удовольствием жертвовавшее свои последние гроши тем, кто умирает от голода и более несчастен, чем они».

Район Александрии, где когда-то располагался лагерь, по-прежнему называется «Сиди Бишр». Найти точные сведения о том, где именно он находился, не удалось. Было ясно, что лагерь стоял где-то на берегу моря, в районе железнодорожной станции Сиди Бишр...

Александрийские улицы заметно отличаются от кайрских, здесь чувствуются веяния европейской архитектуры, планировка относительно упорядоченная, с некоторых улиц видны песчаные пляжи. По узким улочкам разъезжает множество «пятерок», «семерок», «шестерок», выкрашенных в желто-черные цвета такси. Бывает, эта советская «классика» сбивается в целые кортежи,

За сто лет Сиди Бишр превратился из предмета в перенаселенный район города

Кладбище, зажатое многоэтажками, даже в Египте редкость

будто специально для постановочных кадров. Справился у местного автомобилиста на счет запчастей, он ответил, что проблем с ними нет – действует грузовое сообщение российских портов с Александрией. А в крайнем случае рукастый египетский автомеханик может выточить на станке любую запчасть.

В том месте, где, по моим предположениям, стоял лагерь, сейчас плотная застройка многоэтажных домов, между которыми зажато кладбище. Я стал фотографировать экзотический урбанистический вид, но смотрители кладбища заявили решительный протест. Объяснили как мог свой интерес: возможно, здесь находилось русское кладбище, ведь умерших хоронили на территории лагеря. Сторожа заверили, что сейчас здесь только мусульманские могилы. Сомневаться не приходилось, тем более что надгробия датированы второй половиной XX века. Кстати, перед тем как лагерь Сиди Бишр был ликвидирован, его снова населили русские. На сей раз это были освобожденные союзниками советские пленные, привезенные из разных мест Средиземноморской Европы в 1945 году...

А первый русский лагерь просуществовал до лета 1922 года. Основная масса его обитателей была вывезена в Болгарию и Сербию. Но заметная русская диаспора в городе все же осталась, хотя подсчитать ее численность сейчас не представляется возможным. Русская жизнь переместилась в исторический центр Александрии. Там существовал Русский дом и русская церковь.

НАСЛЕДИЕ ЭЛЛИНОВ

Знаменитая античная Александрия давно канула в Лету. Точнее, сползла в Средиземное море. В Средневековые сильные землетрясения привели к тому, что прибрежная часть города просела ниже уровня моря. Под воду ушли дворцы, остатки храмов и Александрийский маяк – одно из семи чудес света. Почти все античные достопримечательности лежат на дне гавани, превратившейся из круп-

Кортеж «семерок».

В сухом климате эти машины показали себя «живучими»

нейшего порта в мелководную пристань.

Но и по сей день набережная – настоящее сосредоточение жизни города. Дети здесь гоняют в футбол, люди постарше устраивают у воды, любуются морскими далями. Зимой купаются только самые закаленные, остальные ограничиваются сидением за столиком на песочке.

«Острые»
угловые здания –
характерная
черта
архитектуры
Александрии

Кто-то ловит рыбу, кто-то промышляет извозом на лошадях и расписыванием рук хной. С голода здесь не пропадешь: на набережной много лотков с уличной едой – от традиционной печёной кукурузы до странного вида баранок. Последние на вкус оказались простыми сухарями. Встретился нам даже бродячий продавец фимиама, поскандаливший с водителем такси. Таксиста возмутило, что на капот его машины продавец поставил большую ладанницу с тлеющими углями...

На южной оконечности гавани возвышается цитадель Кайт-Бей, пожалуй, самая узнаваемая достопримечательность современного города. Раньше на этом месте стоял Александрийский маяк, построенный в III веке до н.э. и, вероятно, являвшийся самым высоким сооружением в мире (по разным сведениям, его высота составляла от 120 до 150 метров). В 1480 году из остатков маяка построили цитадель.

На вечерней
набережной
продавец
кукурузы
смотрится
особенно
интересно:
яркое пламя,
летящие
искры...

«ЗВУЧНИК» ИЗМАИЛА

В узких улочках Александрии может запутать кто угодно. Вроде бы все интересные объекты расположены компактно и на картах обозначены, да отыскать их бывает непросто. К примеру, монастырь Преподобного Саввы Освященного мы обошли вокруг, прежде чем поняли, что нашли то, что искали. К тому же снаружи монастырь выглядит современно и незатейливо: желтое прямоугольное здание с небольшой угловой колокольней. Никак не узнать в нем древний центр Александрийской церкви, известный с IV века. Веками здесь кипела жизнь: резиденция патриарха, школа, монашеские кельи, приют паломников, пожилых и бедных, больница. Землетрясения, войны и pogromы меняли вид монастыря век от века. Во второй половине XX столетия большинство зданий обители снесли из-за аварийного состояния, восстановление монастыря завершилось только в конце 1990-х годов.

Вход оцеплен полицией – обычное явление последних лет в египетских церквях. Часто, чтобы пройти в храм, нужно предъявить паспорт, а также суметь достучаться до смотрителя церкви – редко какие храмы здесь открыты весь день.

В монастыре только церковь сохранила старинный вид. Небольшая, темная, почти катакомбная церквушка, вход – ниже уровня земли метра на полтора. Старинные иконы, обвешанные «гиляндами» свидетельств исцелений...

Обитель примечательна еще и тем, что здесь останавливалось множество русских паломников, посещавших Александрию с XV века. Привозили подарки: иконы, «церковную рухлясть», даже шубу с плеча Ивана Грозного лично патриарху Александрийскому. Никаких надписей на русском в церкви обнаружить не удалось. Возможно, «подарки» из России имеются в монастырском музее, но попасть туда непросто,

Бывший
бульвар Рамле,
на котором
когда-то стоял
Русский дом

нужно заблаговременно получить благословение.

Зато во дворе монастыря можно увидеть большой колокол, украшенный надписью: «Посвящается сей звучник памяти архиепископа ходатая милости царской Новороссийского генерал-губернатора графа Михаила Семеновича Воронцова». «Звучник» огромный, 400 пудов, на местной колокольне ему никак не разместиться. Отлит он был в 1838 году. «Император Николай подарил из завоеванных у турок орудий на колокола для Измаильской Крестовоздвиженской

церкви», – уточняет надпись. Исследователь «русского Египта» Владимир Беляков выяснил, что этот «звукник» прибыл в Александрию в 1955 году, подарил его Александрийскому патриарху патриарху Московский Алексий I. Подробности о путях «звукника» в Африку неизвестны. Очень странный подарок. Особенно если вспомнить, что в послевоенные годы Крестовоздвиженская церковь в Измаиле (ныне город в Одесской области Украины. – Прим. ред.) была взята под охрану государством как исторический памятник.

Возле Александрийской библиотеки арт-объекты арт-объекты «книжные»

МЕЖДУ КОПТАМИ И ПРАВОСЛАВНЫМИ

В 1651 году русского монаха Арсения (Суханова) поразило, что в монастыре Святого Саввы служили и католики. Отношения между христианскими конфессиями в мусульманской стране совсем не то, что в христианской. Были они теплыми в XVII веке, такими же остаются и сейчас. Особенно между представителями древнего восточного обряда – православными и коптами. Как говорят, для них обычна практика посещать храмы друг друга. Я заметил, что иногда они даже путаются, какой пра-

вославный храм, а какой коптский. Так, один потомственный православный направил нас в собор Святого Марка, назвав его кафедральным храмом Александрийского патриархата. На деле оказалось, что собор – главный коптский храм. А православным кафедральным является расположенный неподалеку собор Благовещения Пресвятой Богородицы. В нем – паникадила из России. А в соборе Святого Марка на входе висит русский «Нерукотворенный» образ – именно так выбито на окладе иконы. Собор Святого Марка считается старейшим в городе, по преданию,

Мечеть Абуль-Аббаса аль-Мурси – известнейшая мечеть в Александрии, выросшая над могилой святого суфия XIII века

«Книжная» тема встречается в городе в самых разных проявлениях

его основал сам апостол и евангелист Марк в 42 году. До IX века и мощи евангелиста хранились в церкви, пока не были украдены венецианцами. Старое здание собора было разрушено войсками Наполеона в 1798 году... Вообще, это судьба многих культовых сооружений здесь: разрушен французами, восстановлен при паше Мухаммеде Али. Французы в Египте вообще вели себя варварски. К примеру, Александрия в то время и так пребывала в упадке, население города составляло всего около 6 тысяч человек (для сравнения: на рубеже нашей эры Александрия была крупнейшим городом Африки с населением порядка 400 тысяч человек. – Прим. авт.). После похода Наполеона жителей здесь стало еще меньше. Никто и подумать не мог, что через каких-то десять лет к власти в Египте придет веротерпимый паша-реформатор Мухаммед Али и начнется возрождение Александрии. Старейшую церковь, правда, восстановили неудачно: к середине XX века она стала разваливаться, здание в очередной раз перестроили. Причем «творчески». Места для шести старых мраморных колонн в интерьере не нашлось – их вынесли на крыльцо. Здесь, кстати, к полицейскому кордону на входе относятся с пониманием. В 2017 году в Вербное воскресенье террорист-смертник устроил в соборе теракт, 17 человек тогда погибло, около полу сотни было покалечено.

Александрийская библиотека эпохи хай-тека

Журнал «Измайловская старина» за 1938 год. Твердый знак, как видно, уже «прибыл из Америки»

РУССКИЙ ДОМ НА РАМЛЕ

У русской diáспоры была своя церковь. Появилась она еще в 1914 году, когда в Александрию была эвакуирована Русская духовная миссия в Иерусалиме. Российские дипломаты арендовали для миссии дом, на втором этаже которого освятили церковь Святого благоверного князя Александра Невского. Дом располагался недалеко от собора Святого Марка, по адресу бульвар Рамле, 24. После 1917 года туда переехали оставшиеся не у дел российские дипломаты-эмигранты. Особняк прозвали Русским домом.

Единственный журнал, издававшийся русской diáспорой после 1920-х годов, назывался «Измайловская старина». Посвящен он был истории Измайловского полка, выпускавшийся на средства полковника Алексея Яковлевича Бретцеля. В конце 1930-х издание зачахло. Сложностей с печатью у полковника, видимо, хватало. Так, в одном из номеров издатель сообщал, что в текстах из-за неимения твердого знака присутствует «сходство твердого и мягкого знаков». «Прибытие нового твердого знака из Америки

Театр
Мухаммеда Али.
Театр открылся
в 1921 году, спустя
72 года после
смерти паши-
реформатора.
Популярность
героя среди
интеллигентии
тогда была высока

Анна Павлова
у сфинкса,
охраняющего
Колонну Помпея.
Александрия.
1923 год

ожидается», – обнадеживал читателей Алексей Яковлевич. После закрытия лагеря в Сиди Бишре и прекращения издания журнала «На чужбине» известия о примечательных событиях в жизни русской diáспоры найти непросто. Самые известные события в культурной жизни той эпохи – гастроили балетной труппы Анны Павловой в 1923 и 1928 годах и Федора Шаляпина в 1933 году. Выступали артисты в Театре Мухаммеда Али, названного в честь все того же либерального паши. Сейчас это оперный театр – одна из ярких архитектурных достопримеча-

тельностей города. Кстати, выступления Анны Павловой сопровождались аншлагами. Александрийцы, видимо, до сих пор помнят об этом: в 2003 году в зале почетных гостей новой Александрийской библиотеки установили статуэтку великой русской балерины. Есть в Александрии и историческая скульптура, связанная с русскими эмигрантами: это работа воспитанника школы Фаберже Бориса Оскаровича Фредмана-Клюзеля «Невеста Нила». Разыскал Владимир Беляков. Скульптура выставлялась на Каирской художественной выставке в 1935 году, а затем неизвестными путями попала в Александрию – в парк Нуза. Для египетского общественного места произведение весьма неожиданное: обнаженная девушка стоит на коленях. Проверить, на месте ли сейчас «Невеста Нила», нам не довелось. В парке проходит капитальная реконструкция... Другие изваяния первых русских эмигрантов в Александрии мы рассчитывали найти лишь на кладбище. К старому православному некрополю в районе Шатби мы поехали на трамвае.

Александр Петров был скромен при жизни, надгробие тоже очень скромное

В ПОИСКАХ РУССКИХ МОГИЛ

Александрийский трамвай – явление примечательное. Первая в Африке трамвайная линия на конной тяге была запущена именно в Александрии в 1863 году. Сейчас она славится своими двухэтажными трамваями. Правда, за все время пребывания в городе мы таковых не заметили. Зато прокатились в новеньком желтом трамвае. Тарификация здесь специфическая: за проезд в новом трамвае берут 5 фунтов, а в старом – 2 фунта. А мы еще поначалу удивлялись: почему так мало пассажиров садится в желтый трамвай? Большинство ждет старенький синий...

Кладбище обнесено высоким каменным забором. Площадь некрополя внушительная – почти 8 гектаров. Где, спрашивается, искать русские могилы? Мы отправились в большую кладбищенскую церковь Великомученика Георгия. Полицейские на входе едва не отобрали камеру, но обошлось. В церкви нам показали только небольшой нижний храм и плотную застройку «многоэтажных» могил на прилегающей территории. Последние на русские захоронения никак не походили. Мы вышли на улицу и двинулись вдоль забора. На первых во-

ротах заглянули в щель между створками. Среди надгробий вальяжно гуляло и жевало травку семейство овец. Сторож заметил мой любопытный нос и пригласил войти: заходи и снимай что хочешь! Редкий случай. Но оказалось, что это участок англиканских захоронений, причем разоренный: надгробия расколоты, головы у статуй отбиты...

Мы отправились дальше вдоль забора. На следующих воротах надпись: «Греческий православный некрополь». Пытались войти, но сторож отправил нас дальше.

Добрались до железных решетчатых ворот. Звонка нет. Сту-

Черковь Великомученика Георгия – самое масштабное сооружение некрополя в районе Шатби

Очередное поколение трамваев на первой трамвайной линии Африки

чили-стучали – никто не откликается. К счастью, мимо шел прохожий, который нам помог: просунул руку сквозь прутья, дотянулся до веревки, привязанной к языку колокола. На звон вышел смотритель, оказавшийся знатоком кладбища. Он сказал нам, что мы пришли к участку с захоронениями коптов-католиков. Мы объяснили, что ищем «Макбарат Русия» (русское кладбище). Это не вызвало у него удивления, как и слова «Эл-кадим Русия Искандария» (старая русская Александрия). Позвонив по телефону, он отправил нас к предыдущим воротам. Смотритель, прогнавший нас несколько минут назад от ворот греческого некрополя, нехотя открыл ворота. Некрополь огромный, сплошной частокол крестов, проводник здесь нам бы очень пригодился. Сторож, как нарочно, был индифферентен, о русских захоронениях не знал ничего, зато настойчиво просил бакшиш.

Поиски русских могил здесь осложняются тем, что нет ни одного стоящего восьмиконечного креста – русские лежат под такими же четырехконечными крестами, как и греки. Опознать их можно только по именам. Про-

Александр Михайлович Петров.
Из 70 лет жизни 36 он провел
в Александрии

чесывали некрополь полчаса и некоторые захоронения нашли. Например, надгробие Александра Михайловича Петрова – последнего консула Российской империи в Александрии. Петров оставил по себе в городе добрую память. Он активно участвовал в работе местных востоковедов, помогал русским ученым. После революции советскую власть не признал, оставил роскошную консулскую виллу, переселившись в Русский дом. В 1920-е организовал комитет помощи русским беженцам, был директором Александрийского Русского бюро при Министерстве внутренних дел Египта; во многом на его средства была открыта церковь в Русском доме и построена на кладбище русская часовня с посвящением «На чужбине усопшим...».

ДВЕ ЦЕРКВИ И КОЛОКОЛ

После Второй мировой войны русских эмигрантов в Александрии осталось, по-видимому, немного. Тем не менее жизнь в диаспоре бурлила. Об этом свидетельствует история с приходской церковью. Храм в Русском доме подчинялся Русской православной церкви за рубежом. В 1945 году его посетил Патриарх Московский и всея Руси Алексий I – его поездка по странам Ближнего Востока была по-

Мост Стэнли – первый мост Египта, перекинутый через море (в данном случае через небольшую бухту с городским пляжем)

Великая княгиня Милица Николаевна – супруга великого князя Петра Николаевича, урожденная черногорская княжна

казателем новой роли церкви в международной политике СССР. В Александрии патриарх ждал неожиданный успех. Настоятель русской церкви иеромонах Алексий (Дехтерёв) решил перейти в лоно Русской православной церкви. Он привнес покаяние и, как сообщалось в советской прессе, «был принят вместе с причтом и паствой в общение с Московской патриархией».

На самом деле не вся паства поддержала настоятеля. Жившие тогда в Александрии великая княгиня Милица Николаевна и ее сын Роман Петрович Романо-

вы решили открыть альтернативный приход. Александрийский патриарх Христофор II идею поддержал и вскоре появилась новая русская церковь. Сначала она располагалась в переоборудованной квартире, затем переехала в отдельный дом. Из Италии приехал служить в нее духовник великой княгини иеромонах Зосима. В свою очередь, патриарх Алексий делал свои «ходы конем», например прислал в подарок патриарху Христофору колокол, который ныне стоит в монастыре Святого Саввы. Впрочем, игра продолжалась недолго. В 1951 году Милица Николаевна умерла, годом позже в Египте случился военный переворот. Новые власти во главе с полковником Насером приняли ряд законов, ограничивающих права иностранцев в Египте, имущество состоятельных эмигрантов национализировалось. Последние остатки русской колонии разъезжались по миру. В 1961 году из-за недостатка прихожан и невозможности оплачивать аренду здания «белое-эмигрантская церковь» была закрыта. Церковная утварь и имущество храма передали русской церкви Святого Николая в Каире. Столица Египта стала последним русским островком на Ниле, просуществовавшим еще более двадцати лет.

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» – «Объединенный
каталог. Прессы России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам «Российская Пресса»
ОАО «Агентство по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Прессы по подписке» от агентства
«Книга-Сервис» на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог
международного агентства
«Соотечественник» на сайте
<http://www.sootechestvennik.agency>

электронный каталог
ООО «Коммуникационное
Агентство Криэйтив Сервис Бэнд»
на сайте <https://periodicals.ru>

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Прессы по подписке» от агентства
«Книга-Сервис» на сайте
www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине

тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)

e-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте

<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru